25 г.1.
200
С-89

Ик. 21.
п. 2ая
ЦБ
200
С89
I
9(47)(003):92(5)

КНЯГИНЯ

КАТЕРИНА РОМАНОВНА

ДАШКОВА

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. А. СУВОРИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 69433

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1888

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ
ИСТОЧНИКОВЪ
ДЛЯ БІОГРАФІИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ.

Мемуары кн. Е. Р. Дашковой безспорно главный источникъ для ея біографіи, были изданы въ первый разъ по-англійски, подъ заглавіемъ: «Memoirs of the Princess Daschkow, lady of honour to Catharine II. Written by herself comprizing letters of the empress and other correspondence». Edited by W. Bradford. 2 v. London. 1840. Изданіе м-ссъ Брадфордъ было подвергнуто обстоятельной критикѣ г. М. Шугуровымъ въ «Русск. Архивѣ» за 1880 г., т. III, стр. 150—217, «Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова». Онъ доказываетъ, что въ это изданіе м-ссъ Брадфордъ внесла много своихъ собственныхъ вставокъ и что она вообще позволяла себѣ передѣлывать текстъ «Записокъ». На возраженія кн. А. Лобанова, сдѣланныя ему въ «Русск. Арх.» за 1881 г. I, 366—379, М. Шугуровъ отвѣчалъ въ томъ же 1881 г. («Русск. Арх.» 1881 г., т. II, 132—140) и остался при своемъ мнѣніи.

Нѣмецкій переводъ: «Memoiren der Fürstin Daschkoff. Zur Geschichte der Kaiserin Katharina II». Nebst Einleitung von A. Herzen. 2 Bd.

Французскій переводъ въ «La bibliothèque russe et polonaise». Paris, 1859, vol. IX—XII.

Русскій переводъ, изданный въ Лондонѣ въ 1859 г., исполненъ неточностей, совершенно искажающихъ смыслъ подлин-

ника и отнимающихъ всякую возможность пользоваться имъ; почти съ каждой страницы его можно привести примѣры такихъ неточностей. Къ этому изданію, повторяющему изданіе мистриссъ Брадфордъ, добавлены слѣдующія приложенія: Отъ издателя. Письмо княгини Дашковой, посвященное миссъ Уильмотъ. Письма императрицы Екатерины II. Четыре письма Екатерины II къ дѣвицѣ Левшиной. Письма кн. Дашковой. Письма Дидро къ кн. Дашковой. Характеристика кн. Дашковой Дидро. Письма Вольтера и аб. Рейналя. Письмо герц. Судермандскаго. Письмо Лаланда. Письмо герц. Ангальтскаго. Письма императрицы Елисаветы и кн. Дашковой. Письмо кн. Дашковой къ вдовствующей императрицѣ Маріи. Отвѣтъ вдовствующей императрицы на письмо Дашковой. Дополненіе къ «Запискамъ» Дашковой, разсказъ издательницы ихъ. Письма изъ Россіи (миссъ Уильмотъ).

Французскій подлинникъ напечатанъ въ XXI т. «Архива кн. Воронцова», стр. 1—365. Это современный списокъ съ подлинной рукописи, сдѣланный рукою ирландки миссъ Уильмотъ, жившей у кн. Дашковой во время составленія этихъ «Записокъ» и помогавшей ей въ этомъ дѣлѣ.

Отрывки изъ «Записокъ» кн. Дашковой нѣсколько разъ появлялись въ русскихъ изданіяхъ, именно въ слѣдующихъ изъ нихъ:

въ «Москвитянинѣ» за 1842 г. № 1, стр. 97—116 (Первые годы до заговора въ пользу Екатерины) и № 2, стр. 505—521 (Путешествіе за границей, съ пропусками);

въ «Современникѣ» 1845 г., № 1, стр. 5—32; въ переводѣ Я. К. Грота (Академическая дѣятельность);

въ «Русской Старинѣ» 1873 г., № 11 (Восшествіе на престолъ Екатерины II), и 1874 г., № 3, въ переводѣ Д. Михаловскаго (Предисловіе и начало до смерти Елисаветы).

Составляя списокъ статей и матеріаловъ, касающихся жизни кн. Е. Р. Дашковой, мы по необходимости должны расположить ихъ не по содержанію, а по тѣмъ изданіямъ, гдѣ они появились, ибо большинство матеріаловъ — письма, имѣющія содер-

жаніе очень разнообразное. Начнемъ съ историческихъ журналовъ и изданій:

Архивъ князя Воронцова.

Въ этомъ изданіи для біографа кн. Е. Р. Дашковой наиболѣе важны книги 5-я и 12-я, въ которыхъ напечатано очень много писемъ изъ переписки княгини съ ея братьями гр. А. Р. и С. Р. Воронцовыми и ея сыномъ кн. П. М. Дашковымъ. Въ этихъ письмахъ довольно полно рисуется вся жизнь княгини, ея денежныя дѣла, счеты, отношенія къ императрицѣ и разнымъ вельможамъ, академическая дѣятельность, отношенія къ семьѣ и къ роднымъ, ея нравственный обликъ и т. д. Въ нихъ есть довольно странный пробѣлъ: отъ времени второй поѣздки кн. Дашковой за границу почти нѣтъ писемъ: ихъ всего два-три. Впрочемъ, въ «Запискахъ» княгини эта поѣздка описана достаточно подробно, чтобы любопытству біографа ея оставалось чего желать. Въ кн. 21-й напечатанъ списокъ съ подлинной рукописи «Записокъ» кн. Дашковой, отыскавшійся въ бумагахъ кн. Воронцова. По сравненію съ изданіемъ м-ссъ Брадфордъ онъ представляетъ собою разсказъ болѣе небрежный, но въ сущности не менѣе полный и главное, болѣе достовѣрный, какъ несомнѣнно подлинный.

Книга пятая: стр. 1—5 — «Автобіографическія показанія гр. А. Р. Воронцова»—письмо его къ кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 6—87—«Автобіографическая записка гр. А. Р. Воронцова». Здѣсь на стр. 11 и 14 упоминается о дѣтствѣ и воспитаніи кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 103—107 — три письма гр. М. И. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову съ отзывами о кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 156—282 — 79 писемъ кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 282—283 — два письма ея къ гр. С. Р. Воронцову

Книга седьмая: стр. 653—655 — Замѣчанія кн. Е. Р. Дашковой на книгу Рюльера о восшествіи на престолъ Екатерины II.

— стр. 655—658 — письмо неизвѣстнаго лица къ гр. А. Р. Воронцову, между прочимъ, о пребываніи кн. Дашковой въ Петербургѣ въ 1771—72 гг.

Книга восьмая: стр. 148—156 — письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга девятая: стр. 25—28, 31—32, 89—90 — три письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову (кн. Е. Р. Дашкова и ея дѣти).

Книга десятая: стр. 24, 27, 167—168 — письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.

Книга двѣнадцатая: стр. 25, 94—97, 120—122, 123—125, 133—135, 151—152, 180—181, 195, 204—письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ гр. Воронцовымъ.

— стр. 321—367 — тридцать семь писемъ кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 380—381, 384, 396—397 — письма Д. П. Трощинскаго къ гр. А. Р. Воронцову.

Книга тринадцатая: стр. 38 — письмо кн. А. А. Безбородко къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга четырнадцатая: стр. 252—255 — письмо гр. А. И. Маркова къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 445—446 — письмо П. А. Левашова къ гр. А. Р. Воронцову о кн. П. М. Дашковѣ.

Книга пятнадцатая: стр. 31—35, 38—41, 102—103, 139—143 — четыре письма А. Я. Протасова къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга шестнадцатая: стр. 4—5, 7, 13—15, 34—36, 39, 68, 77 — 78, 143 — письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. Р. И. Воронцову.

— стр. 401—405 — три письма гр. С. Р. Воронцова къ м-ссъ Брадфордъ о «Запискахъ» кн. Е. Р. Дашковой.

Книга семнадцатая: стр. 5—13 и 44—45 — два письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. М. С. Воронцову.

Книга восемнадцатая: стр. 307—308, 323—324, 325—три письма Д. П. Татищева къ гр. А. Р. Воронцову.

Книга двадцатая: стр. 58—60 — письмо гр. А. И. Маркова къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 482—484—письмо П. Н. Каверина къ гр. А. Р. Воронцову.

Книга двадцать первая: стр. 1—365 — Mon histoire. Текстъ «Записокъ» кн. Дашковой, исправленный ею самой.

Приложенія: 1. Четыре письма м-ссъ Брадфордъ разнымъ лицамъ.

2. Роспись приданому для Катерины Романовны.

3. Два всеподданнѣйшихъ доклада кн. Дашковой и подробное обозрѣніе перемѣнъ, введенныхъ ею въ порядкахъ Академіи въ 1783—86 гг.

4. Рескриптъ Екатерины II княгинѣ Дашковой.

5. Постановленіе Софійскаго Нижняго окружнаго суда по дѣлу кн. Дашковой съ А. А. Нарышкинымъ.

6. О разведеніи сада въ селѣ Андреевскомъ (замѣтки кн. Дашковой).

7. Завѣщаніе княгини Дашковой, писанное передъ ссылкой.

8. Копія письма упр. каб. Гурьева о бриллiант. перѣ, пожалованномъ (?) кн. Дашковой.

9. Списокъ съ письма кн. Дашковой къ душеприкащику ея сен. Нелединскому-Мелецкому.

10. Духовное завѣщаніе кн. Дашковой и реестръ суммъ, назначенныхъ ею къ выдачѣ.

11. Копія съ письма гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ II.

12. Замѣчаніе гр. Ѳ. В. Ростопчина на предыдущее письмо.

13. Двѣнадцать писемъ княгини Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову.

14. Письмо кн. Дашковой къ гр. М. С. Воронцову.

15. Письмо кн. Н. В. Репнина къ кн. Е. Р. Дашковой во время ея ссылки 1797 г.

16. Восемь писемъ Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову и его супругѣ.

Книга двадцать вторая: стр. 68—70 и 109—111—письма бар. А. Л. Николаи къ братьямъ гр. Воронцовымъ.

— стр. 388—389 — письмо бар. П. А. Николаи къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга двадцать третья: стр. 16—25, 26—35, 45—46 — три письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга двадцать пятая: стр. 253—264 — донесеніе о переворотѣ 28 іюня 1862 г.

— стр. 264—271 — письмо о томъ же Буденера.

— стр. 414 — 424 — письмо о томъ же императрицы Екатерины II къ Станиславу Понятовскому.

Книга двадцать шестая: стр. 254—260 — приказъ дворцовому карауду кого пропускать безпрепятственно.

Книга двадцать девятая: стр. 159—168 — два письма Пиктета къ Вольтеру о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II.

— стр. 171—172 — письмо гр. А. Р. Воронцова къ гр. М. И. Воронцову.

— стр. 202 — 205 — письмо Лаферміера къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 221—225, 225—226, 284—285, 291—294—четыре письма Лаферміера къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга тридцатая: стр. 390 — письмо къ гр. А. Р. Воронцову вдовы историка Миллера о помощи ей отъ Академіи.

Книга тридцать первая: стр. 180—182, 183, 190—191, 192—194, 220—221, 260, 272—273, 301, 403—девять писемъ гр. М. И. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову съ замѣчаніями и отзывами о кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 431—433 — письмо гр. А. Р. Воронцова къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга тридцать вторая: стр. 102—105 — письмо гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 151 — 154 — письмо неизвѣстнаго лица къ гр. А. Р. Воронцову.

— стр. 211—213, 232, 238, 269—271, 285, 411—413 — семь писемъ гр. Д. П. Бутурлина съ мелкими замѣчаніями о кн. Е. Р. Дашковой.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Для біографіи кн. Дашковой особенно важенъ XII томъ, въ которомъ помѣщены депеши иностранныхъ пословъ отъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Иностранные дипломаты, жившіе тогда въ Петербургѣ, очень занимались личностью княгини, имѣвшей большое вліяніе на Н. И. Панина, который заправлялъ нашей внѣшней политикой. Въ депешахъ каждаго изъ нихъ дѣлается подробная характеристика княгини и въ общемъ всѣ

они отзываются о ней, какъ объ очень самолюбивой и очень даровитой женщинѣ, энергіи которой сама императрица немного боялась.

Томъ седьмой: стр. 109, 110, 113, 114, 115 — расписаніе наградъ за 28-е іюня 1762 г.

— стр. 132—записка императрицы Екатерины II къ А. Олсуфьеву о выдачѣ кн. Е. Р. Дашковой 24 т. р.

— стр. 289—294—шесть записокъ императрицы Екатерины II по дѣлу Ѳ. Хитрово.

Томъ двѣнадцатый: стр. 7, 11, донесеніе отъ Роберта Кейта Г. Гренвилю.

— стр. 28—тоже (26—28).

— стр. 113—донесеніе отъ гр. Букингамскаго гр. Галифаксъ, характеристика кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 154—отъ него же графу Сандвичъ.

— стр. 199—200— донесеніе отъ Д. Макартней графу Сандвичъ, характеристика кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 202 — тоже.

— стр. 322—отъ Г. Шерлей Г. Сеймуру Конуэ.

— стр. 336—337—отъ него же л. в. Уаймоутъ.

Томъ двадцать третій: Письма императрицы Екатерины II къ Ф. В. Гримму; стр. 218—замѣчаніе о кн. М. И. Дашковѣ; стр. 247—возвращеніе кн. Е. Р. Дашковой въ 1782 г. изъ-за границы; стр. 281, 291—изданіе «Собесѣдника».

Томъ сорокъ второй: стр. 301 — замѣчаніе императрицы Екатерины II гр. А. М. Дмитріеву-Мамонову о ссорѣ кн. Е. Р. Дашковой съ А. А. Нарышкинымъ.

— стр. 308 — записка ея же къ И. П. Елагину.

Томъ пятьдесятъ первый: стр. 183, 497 — указы къ кн. М. И. Дашкову.

— стр. 204, 205, 229, 243, 245, 268, 272, 281, 284, 325, 399, 498, 503 — пребываніе его въ Польшѣ.

— стр. 298, 375 — военныя дѣйствія въ Польшѣ.

— стр. 496—497—письмо Н. И. Панина къ кн. М. И. Дашкову.

— стр. 504—505—письмо кн. М. И. Дашкова къ Н. И. Панину.

Москвитянинъ:

1842 г., кромѣ отрывковъ изъ «Записокъ» княгини, помѣщенныхъ въ №№ 1 и 2, въ № 11 стр. 143—144—письмо Екатерины II къ кн. Дашковой.

1853, кн. XXIV, стр. 35 — письмо кн. Дашковой къ иркут. губернатору И. А. Якоби.

Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древностей.

1862 г., I, стр. 171 — два письма кн. Дашковой къ имп. Екатеринѣ II по изданію «Собесѣдника».

1867, I, стр. 9—60—«Директоръ Академіи Наукъ княгиня Екатерина Романовна Дашкова». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены:

семь всеподданнѣйшихъ докладовъ княгини по дѣламъ Академіи и письмо къ А. А. Безбородко;

шесть писемъ ея къ императрицѣ и А. А. Безбородко по случаю спора ея съ ген.-прок. кн. Вяземскимъ объ Академіи Наукъ;

пять документовъ, касающихся до основанія Рос. Академіи и проектъ ея устава;

два доклада императрицѣ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ 1782, 83 и 84 годовъ.

1870, № 3— «Матеріалы для исторіи Россіи, извлеченные изъ рукописей Британскаго музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ» (здѣсь—письмо кн. Дашковой къ миссъ Уильмотъ).

Русскій Архивъ:

1864 г., стр. 571—586.—«Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой». Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣщены слѣдующія письма:

два письма кн. Дашковой къ Екатеринѣ II;

два письма къ княгинѣ короля польскаго Станислава;

письмо къ ней Фридриха Великаго;

три документа по дѣлу о вемельномъ вознагражденіи кн. Дашковой за часть ея земли, отошедшей въ расширеніе Никитской улицы;

письмо ея къ Московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому и отвѣтъ послѣдняго;

пять записокъ кн. Дашковой къ коротовскому старостѣ съ разными хозяйственными распоряженіями.

Въ концѣ приведены воспоминанія о кн. Дашковой, записанныя П. В. Колюбакинымъ со словъ одного коротовскаго старожила.

1871 г. стр. 1486—1487—«письмо княгини Дашковой къ императору Павлу» о разрѣшеніи «хотя краткихъ въ Москву пріѣздовъ».

1872 г., стр. 1182—1183—записка кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. А. Безбородкѣ о ссорѣ ея съ Г. Р. Державинымъ. Тутъ же и подавшее поводъ къ ссорѣ;

письмо Г. Р. Державина къ механику И. П. Кулибину о прибавкѣ ему жалованья изъ Кабинета.

1873 г., стр. 1825—1908 — «Письма изъ Россіи въ Ирландію въ 1805, 1806 и 1807 годахъ». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены здѣсь выдержки изъ 21 письма миссъ Кети Уильмотъ на родину.

— стр. 1908—1909—письмо кн. Е. Р. Дашковой къ графу Ник. Пет. Шереметеву, въ сопровожденіи замѣтки издателя о страсти Дашковой къ подаркамъ.

1875 г., кн. I, стр. 195 — письмо кн. Е. Р. Дашковой къ П. С. Потемкину о доставленіи матеріаловъ для новаго атласа.

1877 г., стр. 360 — «Замѣчанія кн. Дашковой на сочиненіе Рюльера». Переводъ съ франц. подлинника изъ VII кн. «Арх. кн. Воронцова».

1879, I, стр. 362—369 — «Разсказъ графа Н. И. Панина о восшествіи императрицы Екатерины Второй на престолъ» съ предисловіемъ Л. Н. Майкова.

1880 г. III, стр. 150—217—«Миссъ Уильмотъ и княгиня Дашкова. Подлинныя «Записки» княгини Дашковой», статья М. Шугурова.

— стр. 398—письмо И. Богдановича къ П. П. Бекетову: Дашкова—«покровительница его юношества».

1881 г., I, стр. 366—379—«Еще о запискахъ княгини Дашковой», статья кн. А. Лобанова, описывающаго рукопись, съ которой было сдѣлано англійское изданіе «Записокъ» кн. Дашковой 1840 г.

— II, стр. 132—140 — «Замѣтки объ англійскомъ переводѣ «Записокъ» княгини Дашковой», ст. М. Шугурова, вызванная статьей кн. А. Лобанова.

Русская Старина.

1873 г., т. 8, стр. 691 — 707 — «Сподвижники Екатерины II». Здѣсь приводится изъ «Записокъ» кн. Дашковой отрывокъ о 28 іюня 1762 г., предшествуемый коротенькой біографіей княгини.

1874 г., т. 9-й, стр. 407 — 464 — «Княгиня Екат. Ром. Дашкова.» — Начало «Записокъ» кн. Дашковой до смерти имп. Елисаветы и статья В. И. Семевскаго о Дашковой. Авторъ, на основаніи писемъ Дашковой къ коротовскому старостѣ («Рус. Арх.» (1864 г., 582—586), дѣлаетъ выводъ объ огромныхъ будто бы оброкахъ, платившихся крестьянами княгини, совершенно невѣрный: внесши по требованію княгини 4000 руб. въ четыре года, т. е. по 7 руб. на душу ежегодно, крестьяне эти послѣ того на все будущее время были сведены сразу на уменьшенный оброкъ въ 2 рубля съ души. Очевидно сама кн. Дашкова считала семирублевый чрезвычайнымъ, назначивъ его только для скорѣйшей выплаты денегъ за коротовскую землю. Въ завѣщаніи своемъ («Арх. кн. Воронц.» т. XXI, стр. 420) она говоритъ, что оброкъ, который у нея платили крестьяне, былъ — три рубля.

1877 г., т. 18, стр. 575 — «Княгиня Е. Р. Дашкова». Письмо гр. М. Д. Бутурлина объ анекдотическомъ случаѣ съ кн. Дашковой въ день 28-го іюня 1762 г.

1878 г. т. 22, стр. 346, «Горновскій, Дашкова, Еропкинъ» — замѣтка И. Морошкина о правописаніи этихъ фамилій.

1883 г., т. 40, стр. 133 — 150 «Разсказы Як. Ив. де Санглена»; на стр. 149 замѣчаніе кн. Дашковой объ Екатеринѣ II.

1884 г., т. 42, стр. 30—66 — «Записки М. А. Фонвизина». Здѣсь на стр. 61 — 63 говорится о попыткѣ государственаго переворота въ пользу Павла Петровича и объ участіи въ ней кн. Дашковой.

Древняя и Новая Россія.

1878 г., т. II, стр. 84— 85. «Къ характеристикѣ кн. Е. Р. Дашковой» (письмо гр. П. Л. Санти къ К. В. Мацневой о возвратѣ денегъ, данныхъ ей кн. Дашковою подъ закладную).

1879 г., т. II, стр. 152—159.—«Письма кн. Е. Р. Дашковой къ кн. Г. А. Потемкину». Здѣсь одиннадцать писемъ княгини къ кн. Г. А. Потемкину и одно къ П. С. Потемкину.

Историческій Вѣстникъ.

1882 г., т. IX, стр. 668—675. «Къ біографіи кн. Е. Р. Дашковой». Здѣсь помѣщены слѣдующіе документы:

четыре письма кн. Дашковой къ имп. Екатеринѣ II и одно къ Д. П. Трощинскому;

два донесенія моск. главноком. Измайлова имп. Павлу I о выѣздѣ кн. Дашковой изъ Москвы въ ссылку;

донесеніе моск. воен. губ. Архарова имп. Павлу I о наблюденіи за Дашковой на мѣстѣ ея ссылки;

письмо кн. Дашковой къ имп. Павлу I съ просьбой о помилованіи, съ нѣсколькими выраженіями, розняющимися отъ того, которое княгиня послала брату гр. А. Р. Воронцову, какъ точную копію съ посланнаго Государю (Арх. кн. Воронц. кн. 5, стр. 261);

высочайшее разрѣшеніе кн. Дашковой жить въ Москвѣ и письмо кн. Дашковой къ имп. Александру I.

1883 г., т. XI, стр. 426—428. — «Кирьяново, дача княгини Дашковой», съ рисункомъ дачи.

Современникъ 1845 г., № 11 — «О Фелицѣ и Собесѣдникѣ», Я. К. Грота.

1856 г. №№ 7 и 8 — «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» статья Н. А. Добролюбова.

Отечественныя Записки 1859 г., №№ 9—12, т. 126 и 127—«Е. Р. Дашкова» Д. И. Иловайскаго, подробный и дополненный по другимъ источникамъ пересказъ «Записокъ» княгини; изданъ недавно въ составѣ «Сочиненій Д. И. Иловайскаго», Москва, 1884.

1860 г., т. 129. — «Литературные труды Е. Р. Дашковой», статья А. Н. Афанасьева.

Архивъ князя Вяземскаго, т. I, 323— «Путевыя замѣтки кн. А. И. Вяземскаго».

Записки Имп. Академіи Наукъ 1863 г., т. III, № 6, приложеніе — «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II», П. Пекарскаго; тутъ же нѣсколько писемъ Дашковой къ Екатеринѣ II.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1875 г., т. XI, сочиненіе М. С. Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», глава: княгиня Екатерина Романовна Дашкова», стр. 20 — 57. Въ приложеніяхъ много любопытныхъ документовъ. Въ этомъ трудѣ прекрасно характеризуется энергическая и неустанная дѣятельность кн. Дашковой на пользу русскаго просвѣщенія.

Русское Слово за 1861 г. № 4, 1—10 — воспоминанія С. Н. Глинки о Дашковой, особенно цѣнныя потому, что кромѣ нихъ о послѣднихъ годахъ жизни Дашковой мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій.

Разсвѣтъ за 1860 г., т. V и VI, №№ 2, 3, 4—статья г. Фирсова «Русскія женщины», компиляція, не имѣющая научнаго значенія.

Русская Правда, альманахъ на 1860 г. стр. 72—73 —Письмо Дашковой къ Н. П. Николеву.

Осьмнадцатый вѣкъ. Въ первой, второй и третьей книгахъ этого изданія имя Дашковой встрѣчается по нѣскольку разъ, но не сопровождается никакими важными указаніями. О Дашковой говорится здѣсь мимоходомъ.

Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи, Смирнова, М. 1856, стр. 331—332 — письмо кн. Дашковой къ митрополиту Платону съ просьбой о доставленіи старинныхъ драматическихъ сочиненій.

Графы Никита и Петръ Панины, Лебедева, Спб., 1863 г., стр. 177—179 и 282—284—письма къ кн. Потемкину, перепечатанныя въ «Древн. и Нов. Россіи» за 1879 г. т. II,154—156.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. 1874 г.; здѣсь приводится много интереснаго о кн. Дашковой, между прочимъ отзывы Екатерины о ней и ея дѣтяхъ.

Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля изд. 1864 г., I, стр. 59 и 60—о жизни въ Кіевѣ и женитьбѣ кн. П. М. Дашкова.

Записки Л. Н. Энгельгардта, изд. 1860 г., стр. 44, 56, 69—кн. П. М. Дашковъ.

Записки С. Порошина — даютъ понять только то, что гр. Н. И. Панинъ часто проводилъ время у кн. Дашковой и что вообще онъ былъ близокъ къ ней.

Memoires ou souvenirs et anecdotes par m. le comte de Ségur, Paris, 1844, v. II., p. 275. — Коротенькая характеристика Дашковой.

Sur la princesse d'Aschkow, Diderot — Oeuvres, edit. 1821, t. III, p. 93—105; эта характеристика Дашковой была взята м-ссъ Брадфордъ въ ея изданіе «Записокъ» княгини и оттуда пошла во всѣ переводы ихъ.

Сочиненія Г. Р. Державина:

Современникъ Дашковой и ею же выдвинутый изъ неизвѣстности, Державинъ часто говоритъ о Дашковой. Его «Записки» и переписка особенно важны для характеристики нравственной личности княгини.

Томъ первый, Спб., 1864 г., стр. 130 — первая книжка «Собесѣдника».

— стр. 215, 216, 219 и 220 — прим. къ одѣ по адресу Дашковой «На смерть графини Румянцевой».

— стр. 298, прим.— отношенія Державина къ кн. Дашковой въ 1789 г.

— стр. 308 — тоже въ 1790 г.

Томъ третій, Спб., 1866 г.— Объясненія на сочиненія Державина.

— стр. 350 — Къ портрету кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 601 — напечатаніе «Фелицы» въ первомъ № «Собесѣдника».

— стр. 618 — просьба кн. Дашковой объ одѣ въ честь кн. Потемкина.

— стр. 625 — «Палата съ чутьемъ» и размолвка кн. Дашковой съ императрицей Екатериной.

Томъ пятый, Спб., 1869 г., стр. 368—369, 377—378, 539—540, 577—580, 629—632 — пять писемъ Г. Р. Державина къ кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 397 — извлеченіе изъ протокола засѣданія Россійской Академіи 25-го ноября 1786 г.

— стр. 399 — замѣчаніе объ акад. словарѣ.

— стр. 495—496, 497—499, 529—531, 595—597, 598 601—602 — шесть писемъ Д. М. Свистунова къ Г. Р. Державину.

— стр. 552—554 — письмо А. М. Грибовскаго къ Г. Р. Державину.

— стр. 562—563 — письмо къ нему же кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 596, прим. — свѣдѣнія о О. С. Шерпинскомъ.

— стр. 603—604 — письмо М. Бастидоновой къ Г. Р. Державину.

— стр. 613—614 — письмо къ нему же отъ Н. А. Львова.

— стр. 617—618 — письмо Г. Р. Державина къ Д. М. Свистунову.

— стр. 640 — письмо О. Козодавлева къ Г. Р. Державину.

— стр. 751—752 — письмо К. Я. Державиной къ Г. Р. Державину.

— стр. 782—783 — письмо къ нему же М. И. Веревкина (съ прилож. копіи съ журн. Имп. Ак. Наукъ 12-го мая 1791 г.).

— стр. 787—789 — письмо Г. Р. Державина къ И. П. Кулибину (съ прилож. копіи указа императрицы о прибавкѣ содержанія Кулибину).

— стр. 788, прим. — письмо кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. А. Безбородко.

— стр. 848—849 — письмо Г. Р. Державина къ В. В. Капнисту.

— стр. 880 — дополненіе къ стр. 486 объ Н. Ѳ. Эминѣ.

Томъ шестой, Спб., 1871 г., «Записки» Г. Р. Державина, стр. 429—433 — день 28-го іюня 1762 г.

— стр. 612 — отношенія къ кн. Е. Р. Дашковой.

— стр. 625 — замѣчаніе о корыстолюбіи кн. Дашковой.

— стр. 653—654 — неудовольствія съ ней.

— стр. 711 — долгъ гр. Чернышева кн. Дашковой.

— стр. 816 — мнѣніе кн. Дашковой объ освобожденіи крестьянъ.

— стр. 856 — дополненіе къ т. V-го, стр. 534 о дачѣ кн. Е. Р. Дашковой «Ульянкѣ».

Томъ девятый, Спб., 1883 г., стр. 98—108 — подробности объ изданіи «Собесѣдника» и сотрудничествѣ въ немъ императрицы Екатерины.

— стр. 235—236 о положеніи кн. Дашковой въ «Собесѣдникѣ» и въ интимномъ кругу Екатерины.

— стр. 237 — о женитьбѣ кн. П. М. Дашкова, извѣстіе Г. Р. Державина.

— стр. 286—295 — записка Штелина о днѣ 28-го іюня 1762 г.

Исторія Россіи С. Соловьева, т. XXV. Переворотъ 28-го іюня 1762 г. разсказывается здѣсь (стр. 98—119) преимущественно по запискамъ Дашковой, тутъ же дается оцѣнка и ея участію въ этомъ переворотѣ: Дашкова постоянно употребляетъ слово заговоръ, но изъ ея разсказа прямо выходитъ, что заговора не было, а былъ одинъ разговоръ, т. е. что Дашкова не дала организаціи заговору, а только агитировала. Кромѣ того, здѣсь напечатаны: письмо канцлера М. И. Воронцова къ Екатеринѣ (стр. 112), письмо къ ней же гр. Ал. Р. Воронцова съ просьбой о смягченіи участи сестры Елисаветы Романовны (стр. 128), извѣщеніе о взяточничествѣ Ренбера, открытомъ кн. Мих. Дашковымъ (стр. 137).

Catherine II et la princesse Daschkoff, par Edm. Taigny, Paris 1860. Изданіе, содержаніе котораго мнѣ совершенно неизвѣстно.

Остается прибавить еще указаніе на **„Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“** Ровинскаго, Спб. 1872 г., который насчитываетъ десять портретовъ кн. Дашковой.

Мы перечислили всѣ найденные нами въ исторической литературѣ матеріалы для біографіи кн. Дашковой, которые имѣютъ серьезное научное значеніе. Для полноты списка прибавимъ еще изданія, въ которыхъ замѣтки о Дашковой носятъ компилятивный характеръ или уже устарѣли по своимъ источникамъ.

Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова, Спб. 1772 г. Новое изданіе П. А. Ефремова въ Матеріалахъ для Исторіи русской литературы, Спб. 1867 г. стр. 31.

Другъ Просвѣщенія 1806 г., № 3, стр. 271—273.

Вѣстникъ Европы 1810 г., № 2, январь, ч. 49, стр. 149—151— некрологъ Дашковой.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. 1, стр. 147; ibid. 1830 г., ч. 29, стр. 35—36 и ч. 31, стр. 195—201—статья Макарова.

Словарь свѣтскихъ писателей митр. Евгенія, изд. 1845 г. I, стр. 157—159.

Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантыша-Каменскаго.

Nouvelle Biographie générale par F. Didot, 20 v. Paris, 1852, стр. 57. Дашковой посвященъ тутъ цѣлый столбецъ.

Часъ Досуга, 1861 г., № 1, стр. 10—30 — «Замѣчательные случаи и черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой»—извлеченія изъ статей Фирсова, Иловайскаго и «Энциклопедическаго Лексикона.

Энциклопедическіе словари Плюшара и Старчевскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судьба, блистательной улыбкой улыбнувшись княгинѣ Дашковой въ день 28-го іюня 1762 г., была послѣ того сурова къ ней до могилы. Исключительная натура княгини была встрѣчена исключительностью политическихъ характеровъ и обстоятельствъ, съ которыми ей пришлось имѣть дѣло. Слишкомъ гордая, чтобы въ угоду имъ переломить себя, Дашкова переломила свою жизнь и странное, почти страдальческое явленіе представляетъ ея лицо въ рамкѣ ея порывистой и всетаки мало удачной карьеры. Въ послѣдніе свои годы Дашкова написала записки о своей жизни, или какъ она назвала ихъ въ рукописи: «Mon histoire». Судьба этихъ записокъ въ исторической литературѣ была та же, что и судьба самой княгини при дворѣ Екатерины II. Еще далеко время, когда отъ перваго изданія ихъ въ 1840 г., пройдетъ полное число лѣтъ земной жизни княгини, а первоначальное довѣріе, съ которымъ онѣ были встрѣчены, давно уже смѣнилось осторожной подозрительностью къ каждой ихъ стра-

ницѣ. Онѣ обольстительны по простотѣ и одушевленности разсказа, но подъ ихъ кажущейся откровенностью скрывается для историка не мало волчьихъ ямъ, поставленныхъ со смѣлостью, совершенно подобной наивному безстрашію несвѣдущаго дикаря. Дашкова какъ будто и не подозрѣвала возможности, что на ея разсказы найдутся разсказы другихъ и будетъ возможна провѣрка ихъ. Она жила въ прекрасныхъ понятіяхъ полной неприкосновенности частной переписки и, можно думать, особенно разсчитывала на неприкосновенность писемъ къ Высочайшимъ Особамъ; между тѣмъ они-то и сохраняются лучше другихъ для исторіи. Дашкова не знала тѣхъ средствъ, которыми исторія вооружится черезъ сто лѣтъ послѣ нея, и была застигнута ими врасплохъ. Этого, конечно уже не бываетъ съ мемуаристами нынѣшняго времени, когда благодаря изданію цѣлыхъ библіотекъ мемуаровъ, веденіе дневниковъ стало искусствомъ, которому, какъ Сократовской добродѣтели, можно учиться и научиться, но меньшая опытность не обозначаетъ еще и меньшую общую добросовѣстность.

Невольно вспоминается слѣдующая, правда самая смѣлая выходка княгини.

Въ декабрѣ 1796 г., почти тотчасъ же послѣ смерти Екатерины II, императоръ Павелъ сослалъ Дашкову въ ея дальнія деревни, «чтобы она вспоминала тамъ событія 1762 г.» Проживъ въ глухомъ Пошехоньѣ около мѣсяца, кн. Дашкова написала къ

императору письмо съ просьбой о смягченіи ссылки, и ей позволено было переѣхать ближе къ Москвѣ. Черновую (вѣрнѣе — копію) этого своего письма она послала брату, гр. А. Р. Воронцову и потомъ сама говорила о ней, что въ письмѣ этомъ «нѣтъ ни униженій, ни чего нибудь другого, чѣмъ бы я не была довольна, перечитавъ его черезъ нѣсколько дней по его отправкѣ»[1].

Въ письмѣ къ тому же А. Р. Воронцову, отъ 8-го апрѣля 1797 г., она говоритъ: «Да, мой другъ, нужно чтобы вы меня совсѣмъ не знали, чтобы счесть необходимымъ предостерегать меня отъ искусительныхъ заискиваній передъ императоромъ»[2].

28-го іюня того же года, она проситъ брата вернуть ей черновыя ея писемъ къ ихъ величествамъ[3], «эти маленькіе памятники, которые я хочу оставить моему сыну и которые, я надѣюсь, онъ съумѣетъ сберечь»[4]. Она, очевидно, гордилась своимъ письмомъ къ императору.

Въ запискахъ своихъ[5] она говоритъ, что «это письмо было скорѣе надменное, чѣмъ умоляющее, потому что я начала съ описанія моего здоровья и высказала, что изъ-за него не стоило бы утруждать его

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 262.

[2] Ibid. 267—68.

[3] Свое письмо къ императору она послала при письмѣ къ императрицѣ, прося ея заступничества.

[4] Ibid. 270.

[5] «Арх. кн. Воронцова» т. XXI, стр. 341—342.

величество чтеніемъ моего письма, а мнѣ не стоило бы писать его; что для меня безразлично, когда и гдѣ я умру, но что правила гуманности и религіи не дозволяютъ мнѣ смотрѣть на страданія окружающихъ меня невинныхъ людей, раздѣлившихъ мое изгнаніе, которое я по совѣсти считаю незаслуженнымъ; что при жизни императрицы, его матери, я никогда не злоумышляла противъ него и что, наконецъ, я прошу для себя позволенія возвратиться въ мое калужское имѣніе, гдѣ для моихъ друзей и моей прислуги найдется лучшее помѣщеніе, а въ случаѣ болѣзни, медицинская помощь».

Такъ передаетъ она въ запискахъ содержаніе своего письма къ императору. Но вотъ та черновая его, которую она послала брату и потомъ хотѣла оставить сыну. Судя по ней, письмо это было короткое и дѣйствительно сдержанное [1]:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Милующее сердце Вашего Императорскаго Величества простить подданной, угнетенной лѣтами, болѣзнями, а паче горестью быть подъ гнѣвомъ Вашимъ, прибѣгнуть сими строками къ великодушію Вашему, чтобы испросить одну только милость — окончить дни мои въ Калужской моей деревнѣ, гдѣ имѣю покровъ и могу въ жестокихъ болѣзняхъ помощь врачей получать. Сею щедротой оживите не-

[1] «Арх. кн. Воронцова» т. V, стр. 261.

счастную, которая по гробъ будетъ прославлять Монарха своего.

«Пребываю съ непоколебимою преданностью

«В. И. В.

«В. М. Г.

«Всенижайшая и послушная вѣрноподданная».

Пересказъ этого письма въ запискахъ, приведенный выше, ни однимъ словомъ, не говоря уже о тонѣ, не сходится съ этой черновой; въ ней о друзьяхъ и прислугѣ Дашковой, для которыхъ будто бы она только и желала помощи, совсѣмъ и не упоминается. Но еще болѣе далекъ этотъ пересказъ отъ той просьбы Дашковой о помилованіи, которую нѣкогда Павелъ дѣйствительно прочиталъ. Вотъ она [1]:

«Всемилостивѣйшій Государь.

«Милующее сердце Вашего Императорскаго Величества, подданной, угнетенной лѣтами, болѣзнями, а паче горестію быть подъ гнѣвомъ Вашимъ, проститъ, что сими строками прибѣгаетъ *къ благотворительной душѣ Монарха своего. Будъ милосердъ, Государь,* окажи единую просимую мною милость, дозволь спокойно окончать дни мои въ Калужской моей деревнѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, имѣю покровъ и ближе помощи врачей. *Неужели мнѣ одной оставаться несчастной, когда Ваше Величество всю имперію*

[1] «Ист. Вѣстн.» 1882 г., т. IX, стр. 674.

осчастливить желаете и столь многимъ содѣлываете счастіе. Удовлетворя моей просьбѣ, Вы оживить изволите несчастную, которая по гробъ будетъ Государя *человѣколюбиваго* прославлять, пребывая съ непоколебимою вѣрностію

«вашего императорскаго величества
«всемилостивѣйшаго государя
«всенижайшая и послушная вѣрноподданная
«княгиня К. Дашкова».

Коротова деревня, близъ Череповца.
Генварь 1797 г.

Слова, напечатанныя курсивомъ, выпущены княгиней въ черновой, которую она послала брату, потому что они-то и придавали письму тонъ униженія и лести и не позволяли назвать его «скорѣе надменнымъ», чѣмъ просительнымъ. Какимъ чувствомъ могли быть продиктованы его строки, показываетъ письмо кн. Н. В. Репнина, тайно переданное княгинѣ уже на мѣстѣ ея ссылки. Кн. Репнинъ проѣзжалъ неподалеку отъ ея «дальной деревни» Коротова и, переславъ ей черезъ священника свое письмо, просилъ ее не выдавать его имени и не отвѣчать ему. Какъ тогда же Дашкова написала брату[1], нѣкоторыя подробности этого письма показали ей, «что настоящій терроръ царитъ надъ умами». Репнинъ ей совѣтовалъ, между прочимъ: «по званію фрейлины (dame du por-

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 254.

trait), обратитесь прямо къ Императрицѣ—напишите ей по почтѣ. Особенно изобразите ей вашу скорбь видѣть себя единственной несчастной въ Имперіи. Просите милости и пощады и, какъ единственнаго облегченія вашихъ страданій, разрѣшенія жить спокойно въ вашей Калужской деревнѣ и уѣхать изъ той, куда вы сосланы, гдѣ у васъ нѣтъ ни очага, ни прибѣжища, и гдѣ вы живете въ крестьянской избѣ. Говорите ей о разстроенномъ состояніи вашего здоровья и прибавьте непремѣнно, что вы осмѣливаетесь обратиться къ Императрицѣ, имѣя честь быть фрейлиной ея двора, и умоляете Ея Величество передать Императору ваше прошеніе, которое вы позаботитесь вложить въ письмо къ Императрицѣ. Это прошеніе должно заключать въ себѣ ту же просьбу съ выраженіемъ еще большей почтительности и скорби видѣть себя въ немилости. Упомяните тамъ, скрѣпя сердце (iniquement?! можетъ быть: uniquement), о милосердіи Императора, оказываемомъ даже тѣмъ, кто заслужилъ наказаніе, и просите, какъ единственной милости—жить и умереть въ вашей Калужской деревнѣ, гдѣ у васъ есть прибѣжище, которое укроетъ васъ отъ нареканій времени, и гдѣ, по крайней мѣрѣ, вы можете получить помощь, которой требуетъ ваше разрушенное здоровье» [1].

Дашкова исполнила буквально все, что ей совѣтовалъ Репнинъ, и нѣкоторыя выраженія его письма

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 452—453.

цѣликомъ перешли въ ея прошеніе къ императору Павлу, перенеся туда и тотъ духъ террора, который она не пропустила указать въ письмѣ Репнина. Никто не обвинитъ ее за это: жить въ глухой и далекой деревушкѣ, почти одной, брошенной на жертву своимъ годамъ, болѣзнямъ и принудительному бездѣйствію—было для ея энергической натуры мукой, которая извинила бы и не такія тридцать строкъ. Сдѣлавъ подлогъ, она хвастается своимъ письмомъ и твердитъ о немъ, чтобы предупредить чужія подозрѣнія и—можетъ быть—скорѣе убѣдить самое себя въ отсутствіи подлога, но мученія ея сомнѣвающагося въ себѣ сердца видны въ томъ полупризнаніи, которое она дѣлаетъ брату: «ничего не было бы удивительнаго,—говоритъ она о своемъ благодарственномъ письмѣ къ Павлу,— еслибы я написала вещи даже прямо нелѣпыя: во-первыхъ, я пишу и составляю письмо въ минуту, во-вторыхъ, послѣ всего, что я вынесла, я имѣю полное право разсуждать не вполнѣ правильно (avoir toute la tête bouleversée) и не быть въ состояніи писать даже такъ, какъ я прежде писала» [1].

Тѣмъ не менѣе подобныя документальныя искаженія, разъ они доказаны, лишаютъ довѣрія мемуары Дашковой во всѣхъ случаяхъ колебанія между двумя важными историческими показаніями. При трудности

---

[1] Письмо отъ 6 марта 1797 г. «Арх. кн. Воронцова, т. V, стр. 263.

провѣрокъ за сто лѣтъ назадъ, одинъ обманъ, особенно намѣренный, заставляетъ предполагать ихъ цѣлыя сотни, хотя быть можетъ иной разъ такая подозрительность оказывается и напрасной.

Понятно, почему я, взявшись за біографію княгини Дашковой, заговорилъ объ ея «Запискахъ»: въ нихъ собраны всѣ подробности частной жизни княгини, которыя мы знаемъ; остальные наши источники только дополняютъ ихъ и служатъ имъ повѣркой. Но можетъ быть я не долженъ былъ начинать съ изобличенія историческаго подлога, который въ нихъ оказался. Дѣлая такъ, я уступилъ влеченію невольному, хотя черезъ это и уподобился тѣмъ современникамъ Дашковой, которые иначе не начинали рѣчи о ней какъ съ мелкихъ и крупныхъ порицаній. Есть люди, о которыхъ можно много сказать хорошаго, но противъ которыхъ первое, что дѣлаютъ—это предостерегаютъ. О нихъ поэтому ходитъ болѣе чѣмъ о другихъ разныхъ злыхъ вещей, хотя быть можетъ они и больше другихъ заслуживаютъ похвалы. Въ свое время Дашкова была именно такой личностью и при множествѣ ея недостатковъ, данныхъ ей природой и обстоятельствами жизни, мотивы предостереженій были очень разнообразны. Дашкова была сильна и по близости своей ко двору, и по личнымъ качествамъ; ея недостатки могли сказаться въ большихъ непріятностяхъ для ихъ жертвы и для многихъ поэтому полезнѣе было знать ея недостатки, чѣмъ общую вѣрную характеристику ея. Мнѣ пришлось войти

почти въ личныя сношенія съ княгиней, ибо, начиная свой разсказъ, я имѣю главной своей руководительницей ее одну и въ такихъ случаяхъ, при такомъ сопутствіи товарищеское предательство и злоязычіе—обязательны для историка. Я имѣю однако право прибавить при этомъ, что въ общемъ, послѣ посильной провѣрки «Записокъ» отъ первой страницы до послѣдней, онѣ мнѣ кажутся всетаки довольно искренними и близкими къ истинѣ и съ ясностью и правдоподобіемъ рисуютъ образъ женщины, дѣйствительно достойной уваженія и, можетъ быть, даже удивленія потомства, женщины сердечной, съ нѣжной впечатлительностью, вспыхивавшей внезапно и горячо на всякій благородный порывъ, пускай вмѣстѣ съ тѣмъ женщины немного крутой и деспотичной.

Я не буду слѣдить за всѣми фактами жизни княгини—это значило бы пересказывать своими словами ея «Записки». Я обозначу только главные изъ нихъ, остановившись подробнѣе на тѣхъ, которые или особенно характерны для личности княгини, или же имѣютъ за собой новые источники, допускающіе ихъ провѣрку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Если повѣрить «Запискамъ» Дашковой, то о ней можно сказать, что она почти не имѣла родителей: относительно ея ихъ роль ограничилась только самымъ необходимымъ, чтобы получить право на это названіе. Такъ говорили княгинѣ воспоминанія ея дѣтства. По словамъ ея «Записокъ», мать ея умерла, когда ей было всего два года и она жила въ деревнѣ у своей бабушки, гдѣ, впрочемъ, послѣ того оставалась уже недолго. Отецъ ея Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ[1], человѣкъ еще молодой, любилъ жить весело и мало занимался дѣтьми. Ихъ у него было пятеро: Марія, Лизавета, Александръ, Катерина и Семенъ, но воспитываться у него остался только Александръ, двѣ же старшія дочери жили во

[1] Графское достоинство въ родѣ Воронцовыхъ получилъ Мих. Лар. Воронцовъ въ 1744 г. отъ имп. герм. Карла VII, и только въ 1760 г., не имѣя сыновей, онъ исходатайствовалъ распространеніе его на своихъ братьевъ Романа и Ивана съ ихъ потомствомъ. О родѣ Воронцовыхъ см. Приложенія.

дворцѣ, куда взяла ихъ императрица Елисавета, сдѣлавъ ихъ при всей ихъ юности фрейлинами своего двора; младшій, Семенъ, былъ увезенъ дѣдомъ въ провинцію, а будущую кн. Дашкову взялъ къ себѣ ея дядя, гр. М. Л. Воронцовъ, чтобы воспитывать вмѣстѣ со своей дочерью, бывшей въ ея же годахъ. Въ противность сестрѣ, гр. Ал. Р. Воронцовъ разсказываетъ о годахъ, когда они еще всѣ вмѣстѣ жили у отца, что послѣдній дѣлалъ для ихъ воспитанія все необходимое по тогдашнему времени и выписалъ имъ изъ Берлина гувернантку, учившую ихъ по-французски. Иногда ихъ возили на дѣтскіе балы, которые устраивала у себя во дворцѣ императрица Елисавета, и время отъ времени отецъ бралъ ихъ въ свою ложу въ придворный театръ, гдѣ давались представленія два раза въ недѣлю. Эти представленія возбудили въ нихъ охоту къ чтенію и литературѣ и Романъ Л—чъ, замѣтивъ это, выписалъ для нихъ изъ Голландіи небольшую библіотеку, состоявшую изъ Вольтера, Корнеля, Расина, Буало и другихъ французскихъ авторовъ. Катеринѣ Романовнѣ было семь лѣтъ [1] (р. 1743 г. 17 марта), когда она перешла жить въ домъ дяди, гр. М. Л. Воронцова. Внѣшнее воспитаніе ея и ея подруги было самое тщательное — онѣ говорили на четырехъ языкахъ, танцовали, рисовали, но воспитаніемъ души и сердца совершенно пренебрегали въ домѣ дяди. Судя по позднѣйшимъ отношеніямъ Дашковой къ гр. М. Л.

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 11—14.

Воронцову, холоднымъ и чуждымъ всякой интимности, этотъ послѣдній за всю десятилѣтнюю жизнь у него въ домѣ горячей сердцемъ племянницы ничѣмъ не успѣлъ привязать ее къ себѣ.

На тринадцатомъ году у Катерины Романовны сдѣлалась корь. Ее тотчасъ же увезли изъ Петербурга въ подгородную деревню. По словамъ Дашковой, императрица Елисавета указомъ запретила бывать при дворѣ тѣмъ, въ семьяхъ которыхъ были корь, вѣтряная оспа и т. п. накожныя болѣзни, чтобы не сообщить ихъ великому князю Павлу, тогда еще ребенку. За время этой болѣзни, живя одинокою вдали отъ родныхъ, она живо чувствовала себя брошенной всѣми, давала себѣ слово впередъ не разсчитывать ни на чью любовь и углублялась въ чтеніе Вольтера, Монтескье и Буало. Вопросъ, много ли она понимала въ читаемомъ, конечно такъ и остается вопросомъ [1], но такое добровольное заглушеніе книгами потребности болѣе живой привязанности должно было расположить ея умъ къ широкимъ фантазіямъ и дать ей склонности не по возрасту серьезныя. Въ семью дяди она вернулась сильно измѣнившеюся, задумчивой и грустной; ее разспрашивали, подозрѣвали новую болѣзнь, но

[1] Впрочемъ, въ примѣръ своей тогдашней проницательности Дашкова приводитъ то, что перечитывая годомъ позже книгу Гельвеція «De l'ésprit», она поняла, что не будь у этой книги второго тома, болѣе принаровленнаго къ понятіямъ массы, она грозила бы разрушеніемъ рѣшительно всякому государственному порядку («Арх. князя Воронцова». т. XXI, стр. 10).

наконецъ предоставили ее самой себѣ. Время ея раздѣлилось между музыкой и книгами; она не упускала также и случаевъ разузнать что нибудь новое объ интересовавшихъ ее вещахъ, кругъ которыхъ ей былъ данъ чтеніемъ энциклопедистовъ. «Иностранцы, артисты и ученые, дипломаты разныхъ государствъ, которые въ Петербургѣ часто бывали въ домѣ моего отца, подвергались безжалостной пыткѣ отъ моей любознательности. Я разспрашивала ихъ объ ихъ странахъ, ихъ законахъ, порядкахъ правленія, и сравненія, которыя я дѣлала со своей родиной, возбуждали во мнѣ пылкое желаніе путешествовать». Братъ ея Александръ въ это время былъ за границей. Особенная дружба съ дѣтства связывала съ нимъ Катерину Романовну и между ними завязалась правильная переписка. Катерина Романовна писала ему по два письма въ недѣлю, сообщая всѣ городскія, придворныя и военныя новости, и этимъ письмамъ, по ея словамъ, она обязана образованіемъ своего слога. И. И. Шуваловъ, фаворитъ Елисаветы, узнавъ о склонности къ чтенію Катерины Романовны, заинтересовался ею и предложилъ доставлять ей всѣ новости по литературѣ, которыя выходили—за границей конечно. Благодаря ему, библіотека пятнадцатилѣтней дѣвушки скоро возросла до 900 томовъ [1].

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 10. Гр. С. Р. Воронцовъ писалъ своему отцу въ 1764 г.: «Что касается книгъ, оныя очень нужны, какъ вы сами можете видѣть, а тѣ, которыя въ Россіи у меня остались, совсѣмъ разрознены по милости кн. Дашковой

Въ іюнѣ 1758 г. дядя-канцлеръ со своей семьей жилъ въ Петергофѣ и частью въ Царскомъ Селѣ, вмѣстѣ съ дворомъ императрицы. Катерина Романовна оставалась въ городѣ одна, чему причиной были «нездоровье и любовь къ занятіямъ и уединенной жизни». Она почти никуда не выходила, кромѣ какъ къ своимъ близкимъ знакомымъ. Разъ она была у г-жи Самариной. Стемнѣло. Вечеръ былъ превосходный, и, прежде чѣмъ Катеринѣ Романовнѣ было ѣхать домой, г-жа Самарина предложила ей немного пройтись. Онѣ пошли по пустынной и тихой улицѣ. «Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ я увидѣла, что къ намъ приближается изъ-за поворота улицы какой то человѣкъ, который показался мнѣ гигантомъ. Я была немного испугана неожиданностью его появленія и онъ находился уже не дальше двухъ шаговъ отъ насъ, когда я спросила свою спутницу, кто это? Она назвала мнѣ князя Дашкова. Я никогда не видѣла его до тѣхъ поръ. Будучи принятъ въ домѣ г-жи Самариной, онъ заговорилъ съ ней и пошелъ рядомъ съ нами, изрѣдка обращаясь ко мнѣ съ

и Марьи Романовны, такъ что изъ шестисотъ пятьдесятъ цѣльныхъ не найдется» («Арх. князя Воронцова», т. XVI, стр. 64). Его же письмо отъ 1767 г. брату Александру Романовичу о раздѣлѣ библіотеки дяди ихъ, канцлера: «я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, что Дашкова забрала болѣе 500 томовъ лучшихъ книгъ у моего дяди»... («Арх. кн. Воронова», т. XXXII, стр. 103). Очевидно, библіотеки дѣйствительно были предметомъ большого и серьезнаго вниманія Катерины Романовны.

какою-то несмѣлой почтительностью, что̀ мнѣ очень понравилось».

Нечаянность этого знакомства была вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливой случайностью. При всякомъ иномъ знакомствѣ Катерина Романовна была бы заранѣе возстановлена противъ кн. Дашкова[1] подробностями интимной исторіи, которую онъ имѣлъ съ одной близкой родственницей Воронцовыхъ. Теперь же ничто не смутило искренности перваго впечатлѣнія, и, «какъ только князь сознаlъ, что онъ не можетъ быть счастливъ безъ меня, и получилъ отъ меня позволеніе переговорить объ этомъ съ моими родственниками, онъ поручилъ кн. Голицину сдѣлать отъ его имени предложеніе въ этомъ смыслѣ моему дядѣ и отцу, попросивъ ихъ держать все это въ секретѣ до тѣхъ поръ, пока князь самъ не съѣздитъ въ Москву испросить согласіе матери и ея благословеніе на нашъ бракъ». Въ февралѣ 1759 г. была ихъ свадьба.

Такъ разсказываетъ исторію своего замужества сама Дашкова. Рюльеръ пустилъ о ней сплетню[2], весьма распространенную теперь, будто она сама женила на себѣ князя Дашкова: молодой и красивый князь будто бы началъ однажды «слишкомъ свободно говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала канцлера (гр. М. Л. Воронцова) и сказала ему: «дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь

[1] Кн. Михаилъ Ивановичъ, род. 3 марта 1736 г. О родѣ князей Дашковыхъ см. Приложенія.

[2] Его: «Histoire de la Révolution de Russie en 1762».

просить моей руки». Не смѣя признаться первому сановнику имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла, князь женился на племянницѣ канцлера, но тотчасъ же отослалъ ее въ Москву, гдѣ она провела два года». Эта сплетня рѣшительно опровергается письмомъ Катерины Романовны къ ея брату А. Р. Воронцову. Письмо помѣчено 20-мъ іюля, конечно 1758 г. Въ концѣ этого письма молодая дѣвушка говоритъ: «зная то участіе, которое ты принимаешь во всемъ, что относится до меня, я увѣдомляю тебя, дорогой братъ, что *черезъ три недѣли* и самое позднее черезъ мѣсяцъ я сообщу тебѣ согласіе (или несогласіе) моихъ дорогихъ родныхъ на бракъ, который мнѣ представляется; они еще ничего не знаютъ, потому что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ городѣ. Но этотъ человѣкъ, кн. Дашковъ, открылся мнѣ и просилъ у меня позволенія просить согласія у моихъ родныхъ. Я ему отвѣчала на это, что онъ властенъ въ своихъ поступкахъ и что этимъ онъ не сдѣлаетъ мнѣ неудовольствія, но что съ моей стороны онъ не долженъ ожидать ничего, что не согласовалось бы съ чувствами тѣхъ, отъ которыхъ я завишу душой и тѣломъ. Я прошу тебя, дорогой братъ, сказать мнѣ и свое мнѣніе объ этомъ, потому что ты его (кн. Дашкова) знаешь, и ничего не говорить кому бы то ни было, особенно моей сестрѣ[1], потому что его

[1] Марьѣ Романовнѣ, вышедшей за годъ передъ тѣмъ замужъ за гр. Д. Бутурлина.

(кн. Дашкова) хотятъ женить на одной изъ Бутурлиныхъ». Возрастъ и отчасти романическія наклонности молоденькой Воронцовой указываются ея желаніемъ имѣть отъ брата отвѣтъ шифрованный и при этомъ шифръ дается весьма незамысловатый; неизвѣстно впрочемъ, воспользовался ли имъ для своего отвѣта А. Воронцовъ — ему тогда тоже было всего семнадцать лѣтъ и шифры могли ему показаться не менѣе интересными, чѣмъ его сестрѣ. Кончается письмо фразой, можетъ быть отголоскомъ ея мечтаній съ молодымъ женихомъ о послѣ-свадебной заграничной поѣздкѣ: «Прощай, дорогой братъ, можетъ быть я буду имѣть удовольствіе повидать тебя за границей» [1].

Легко видѣть, что письмо это отъ начала до конца противорѣчитъ версіи Рюльера и въ то же время во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ сходится съ разсказомъ Дашковой, написаннымъ ею черезъ цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ послѣ того. Письмо дѣвочки-невѣсты дышетъ таинственностью и требуетъ ея, но всѣ факты разсказываетъ очень просто и искренно: признаніе было, признаніе съ обѣихъ сторонъ, но рѣшеніе родныхъ узнается не раньше трехъ недѣль: ихъ нѣтъ въ городѣ; все это нужно держать въ тайнѣ отъ сестры, Бутурлиной, а не то она можетъ разстроить бракъ, — какъ непохоже на правду, чтобы это откровенно-простодушное писанье принадлежало особѣ,

[1] «Арх. кн. Воронцова» т. V, стр. 156.

уже въ пятнадцать лѣтъ способной къ рискованнымъ coups de mariage, какой выставляетъ Дашкову Рюльеръ!

Незадолго передъ отъѣздомъ кн. Дашкова въ Москву, къ Воронцовымъ въ домъ заѣхала изъ итальянской оперы ужинать императрица Елисавета. Ея обхожденіе, полное сердечной ласки, глубоко растрогало молодую дѣвушку и навсегда привязало ее къ этой государынѣ, прекрасной и доброй. Тою-же зимой 1858 — 59 года у Воронцовыхъ провели вечеръ великій князь Петръ Ѳедоровичъ и супруга его, будущая Екатерина II. Цесаревна давно слышала о Дашковой, объ ея страсти къ книгамъ и къ умственнымъ занятіямъ и это сильно заинтересовало ее: она сама, да эта молоденькая Воронцова въ то время были, можетъ быть, двѣ единственныя женщины во всемъ Петербургѣ, занимавшіяся серьезнымъ чтеніемъ. Онѣ должны были сблизиться. Екатерина владѣла особеннымъ обаяніемъ, которому не въ силахъ были противиться тѣ, кого она хотѣла привлечь къ себѣ. Плѣнить и даже восхитить пятнадцати-лѣтнюю дѣвочку ей не стоило, конечно, никакого труда. Ея разговоры, возвышенность ея идей, знанія, которыми она обладала, заставили Катерину Романовну смотрѣть на нее какъ на существо высшее, непохожее на всѣхъ смертныхъ, и этотъ долгій вечеръ, во время котораго Екатерина почти только съ ней одной и говорила, былъ рѣшительнымъ въ ея жизни. Уходя домой, Екатерина обронила вѣеръ; Катерина Рома-

новна поторопилась его поднять. Екатерина нѣжно обняла ее и попросила оставить этотъ вѣеръ у себя въ память перваго вечера, который онѣ провели другъ съ другомъ, и въ залогъ вѣчной дружбы. Этотъ вѣеръ Дашкова хранила у себя до глубокой старости. Она дорожила имъ болѣе всѣхъ подарковъ, полученныхъ ею отъ Екатерины и хотѣла даже положить его съ собой въ могилу [1].

Мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы, въ маѣ 1759 г., молодые Дашковы отправились въ Москву къ матери князя.

По многимъ подробностямъ дальнѣйшей жизни молодой четы Дашковыхъ можно думать, что они совсѣмъ не были богаты. Имѣніями князя продолжала владѣть его мать, отдѣляя ему часть дохода, приданое-же княгини едва ли могло служить имъ поддержкой.

По «росписи приданому для Катерины Романовны» [2], образа, драгоцѣнности и «тряпки», данныя за ней, оцѣнялись въ 12,927 руб., о деньгахъ же или имѣніяхъ здѣсь не упоминается ни слова. Въ своей духовной [3] Дашкова говоритъ о «принесенномъ ею по приданству имѣніи, употребленномъ ею на заплату долговъ мужа», но какъ велико было это имѣніе — остается неизвѣстнымъ.

---

[1] «Зап. кн. Е. Р. Дашковой», Лондонъ, 1859, 404.

[2] «Арх. кн. Воронцова» т. XXI, стр. 379—382.

[3] «Арх. кн. Воронцова» т. XXI, стр. 420. См. также ibidem, стр. 37.

Гр. А. Р. Воронцовъ, въ своей автобіографіи[1] упоминаетъ, что приданаго его старшей сестры, красавицы Марьи Романовны было «всего на 30—40 т. рублей». Катерина Романовна была младшей дочерью въ семьѣ отца, замужъ вышла всего черезъ полтора года послѣ сестры и сверхъ этихъ 13 т. руб. едва ли получила много: отецъ ея былъ человѣкъ съ достаткомъ, но скупой. Эту нѣкоторую ограниченность средствъ при необходимости жить открыто, нужно всегда имѣть въ виду, чтобы вѣрно судить о поведеніи и характерѣ княгини Дашковой.

Въ Москвѣ Катерина Романовна нашла кружокъ новыхъ родныхъ, поразившій ее непривычнымъ для нея складомъ жизни, простой и патріархальной. Сама она плохо говорила по-русски, ея же свекровь не понимала иного языка, кромѣ русскаго. Дашковой пришлось учиться тому, что въ Москвѣ знали такъ хорошо, и часто совсѣмъ забывали въ Петербургѣ — родному языку. Въ этомъ она впрочемъ скоро успѣла. Своими родными она была принята тепло и сердечно, — князь Дашковъ былъ любимецъ своей семьи и послѣдній въ родѣ, поэтому его женитьба была предметомъ общихъ желаній. О томъ, что Дашкову полюбили въ ея московской роднѣ, свидѣтельствуетъ и С. Р. Воронцовъ, пріѣзжавшій въ Москву въ 1759 г. Отъ 8-го декабря этого года онъ писалъ своему отцу: «Былъ у матушки Михаила Ивановича (кн. Даш-

[1] «Арх. кн. Воронцова» т. V, стр. 16.

кова), гдѣ съ великой радостью видѣлъ, какъ оная любитъ сестру Екатерину Романовну» [1]. Относительно родныхъ мужа и въ частности своей свекрови Дашкова держалась съ той почтительной внимательностію, которая по ея понятіямъ составляла ея долгъ передъ мужемъ. Эти отношенія не измѣнились до самой смерти свекрови.

21-го февраля 1760 г. у Дашковой родилась дочь, Анастасія Михайловна.

Въ это время кн. М. И. Дашковъ служилъ въ Преображенскомъ полку, въ чинѣ капитанъ-поручика. Срокъ отпуска приближался и продлить его зависѣло отъ великаго князя Петра Ѳедоровича, бывшаго подполковникомъ Преображенскаго полка [2]. Дашковъ послалъ къ нему объ этомъ рапортъ и великій князь, можетъ быть желая показать Дашкову свое вниманіе, захотѣлъ его видѣть прежде, чѣмъ разрѣшить продолженіе отпуска. Дашкову приходилось ѣхать въ Петербургъ. Былъ январь 1761 г. Участвуя въ увеселительныхъ поѣздкахъ великаго князя въ Ораніенбаумъ, Дашковъ простудился и пріѣхалъ въ Москву безъ голоса съ сильнымъ воспаленіемъ горла. Чтобы не пугать жены, лежавшей въ домѣ его матери въ ожиданіи родовъ, онъ проѣхалъ прямо въ домъ своей тетки, гдѣ и слегъ въ постель. Прислугѣ было стро-

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XVI, стр. 4.

[2] И его дѣйствительнымъ командиромъ. Полковникомъ была сама имп. Елисавета. Въ то время чинъ полковника по значенію былъ равенъ теперешнему званію шефа.

жайше запрещено говорить объ его пріѣздѣ, но горничная Катерины Романовны не утерпѣла, чтобы не шепнуть ей, что князь въ Москвѣ. Княгиня была поражена. Сомнѣнія, мучительный страхъ за князя, охватили ее. Хитростью удаливъ отъ себя свекровь и тетку, она рѣшительно потребовала отъ повивальной бабки, чтобы та провела ее къ князю. Бабка слушала ее съ ужасомъ — роды ожидались каждый часъ. Дашкова, однако, заставила ее подчиниться себѣ и вотъ, съ помощью бабки и старика-слуги, она спускается съ высокой лѣстницы внизъ, бредетъ черезъ улицу въ домъ тетки, на каждомъ шагу останавливаясь отъ приступовъ боли и почти въ безпамятствѣ поднимается въ комнату мужа. При видѣ его блѣднаго, больного лица, она тутъ же падаетъ безъ чувствъ. Ее на саняхъ перетащили обратно въ домъ свекрови. Менѣе чѣмъ черезъ часъ она родила [1]. Князь Дашковъ на другой-же день переѣхалъ въ домъ матери, но его раздѣлили съ женой и оба они должны были лежать въ смежныхъ комнатахъ, не видя другъ друга, ибо по московскому обычаю молодая мать должна была принимать родныхъ и знакомыхъ съ поздравленіями. Чтобы уменьшить эти «муки Тантала», по выраженію княгини, они стали переписываться изъ одной комнаты въ другую, черезъ служанку, пока старая кн. Дашкова не поймала ихъ и не отобрала у невѣстки перья и бумагу. Этотъ случай ярко ри-

[1] Ребенокъ былъ названъ Михаиломъ, род. 1 февр.

суетъ порывистый и страстный характеръ княгини, въ которомъ въ минуту возбужденія проявлялась вдругъ такая упорная и жестокая ко всему энергія, что торжествовала какъ будто даже надъ самими обстоятельствами.

Лѣтомъ 1761 г., послѣ болѣе чѣмъ двухгодичнаго отсутствія, княгиня съ мужемъ пріѣхала въ Петербургъ. Это пришлось въ день 28-го іюня, который черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ сталъ днемъ низложенія Петра III и воцаренія Екатерины II.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

По личному выбору великаго князя, Дашковы были причислены императрицей къ его двору. На первомъ же свиданіи съ ними Петръ выразилъ Катеринѣ Романовнѣ свое желаніе, чтобы она каждый день бывала у него въ Ораніенбаумѣ и проводила время болѣе съ нимъ, чѣмъ съ великой княгиней. Съ послѣдней онъ давно уже былъ въ открытой враждѣ.

Записки Екатерины II и кн. Дашковой раскрываютъ намъ домашнюю, интимную жизнь двора императрицы Елисаветы. Петръ является въ нихъ такимъ, каковъ онъ былъ дома, среди своихъ, когда онъ съ полной свободой могъ предаваться влеченіямъ своей натуры и блестящая личина царственности не маскировала ихъ.

Семейная обстановка, покойная и распущенная, исключаетъ всякое лицемѣріе. Рано или поздно она откроетъ въ человѣкѣ все, что ни есть у него на умѣ или въ сердцѣ, изобличитъ всѣ его привычки, склонности, любимыя мнѣнія, любимыя занятія, изобличитъ въ чертахъ мелкихъ и пошлыхъ, въ краскахъ

помутнѣлыхъ и некрасивыхъ; еще Монтень замѣтилъ, что для камердинера не существуетъ генія въ его господинѣ. Но эти поблеклыя краски оказались какъ разъ по свойствамъ натуры Петра.

Всѣ подробности его домашняго времяпрепровожденія рисуютъ его человѣкомъ пустымъ и слабымъ; его благодушіе — благодушіе недалекихъ людей. Поразительно легкомысленный, хвастливый, онъ былъ чисто по-дѣтски трусливъ; его одинаково легко можно было и вызвать на фанфаронаду и припугнуть. Онъ билъ животныхъ и людей и тщеславился своимъ презрѣніемъ къ ихъ крикамъ и слезамъ, ибо полагалъ, что воинъ не долженъ быть доступенъ состраданію. Но слабая натура всетаки не выдерживала; онъ раздражался на эти крики и слезы, приказывалъ бить крѣпче и крѣпче и наконецъ переходилъ всякую мѣру въ своей жестокости. Эта черта слабости очень вѣрно указана Екатериной [1]. Въ своихъ затѣяхъ онъ былъ ребячливо своеволенъ и непостояненъ и никто не имѣлъ надъ нимъ продолжительнаго вліянія, потому что онъ привыкъ слушаться лишь голоса своего каприза. По его мнѣнію приличіе требовало чтобы онъ имѣлъ фаворитку, но любимица его гр. Лизавета Воронцова, по отзыву Панина, была некрасива, глупа, скучна и непріятна [2].

---

[1] Замѣчанія на книгу аб. Денины, «Рус. Арх.», 1878, II, 288.

[2] Родная сестра кн. Дашковой, старше ея тремя годами. Гр. Гордтъ, шведъ родомъ и пруссакъ по службѣ, старавшійся видѣть въ Петрѣ и его дворѣ только одно хорошее, говоритъ о

При себѣ онъ держалъ небольшое количество гольштинскихъ войскъ и своихъ любимцевъ набиралъ изъ людей по большей части очень ограниченныхъ или поражавшихъ его какою нибудь чертой грубости или развращенности. Въ нихъ онъ видѣлъ хорошій закалъ воина. Къ знаніямъ и литературѣ онъ не питалъ ни малѣйшей склонности, считая ихъ дѣломъ излишнимъ для хорошаго голштинскаго офицера и невѣжествомъ своимъ удивлялъ иной разъ даже императрицу Елисавету. Любилъ онъ все только нѣмецкое—нравы, военные порядки, языкъ, кнастеръ. Къ Фридриху Прусскому онъ выказывалъ чувство близкое къ обожанію и въ кругу своихъ людей называлъ его «король, мой повелитель». По-русски говорилъ онъ очень рѣдко и всегда дурно. Гольштинія, какъ ни была она мала сравнительно съ Россіей, казалась ему и больше, и богаче, и достойнѣе его любви [1]. Отнять у Даніи свой наслѣдственный Шлезвигъ было его любимой мечтой, съ осуществленія которой онъ хотѣлъ начать славу своего царствованія.

ней: «Она не отличалась ни красотой, ни любезностью, ни умомъ, ни знаніемъ свѣтскаго обращенія». («Русск. Арх.» 1887, II, 318). По словамъ Болотова (Записки, т. II, 196), который случайно видѣлъ Л. Воронцову во дворцѣ, она была такова «что всякому даже смотрѣть на нее было отвратительно и гнусно — этакая толстая, нескладная, широкорожая, дурная и обрюзглая совсѣмъ». По отзыву франц. посла Бретейля «она похожа на трактирную служанку». (La cour de la Russie).

[1] Впрочемъ, всѣ хлопоты о хозяйственномъ управленіи своей «родины» онъ оставилъ Екатеринѣ.

Петръ замѣтно старался привлечь Катерину Романовну въ свое всегдашнее общество, она, однако, по возможности, избѣгла его, предпочитая грубоватымъ удовольствіямъ великаго князя и казарменнымъ манерамъ его генераловъ — живую и умную рѣчь великой княгини. «Любимое удовольствіе великаго князя, — говоритъ она, — состояло въ томъ, чтобы курить табакъ съ гольштинцами. Эти офицеры были бо́льшею частью капралами и сержантами въ прусской службѣ; это была сволочь, сыновья нѣмецкихъ сапожниковъ. Вечера оканчивались баломъ и ужиномъ въ залѣ, убранной сосновыми вѣтками и носившей нѣмецкое названіе въ соотвѣтствіе вкусу убранства и фразеологіи, бывшей въ модѣ у компаніи; компанія эта въ своихъ разговорахъ примѣшивала столько нѣмецкихъ словъ, что необходимо было знаніе нѣмецкаго языка, для избѣжанія насмѣшекъ отъ нея. Иногда великій князь давалъ свои праздники въ маленькомъ загородномъ домѣ, недалеко отъ Ораніенбаума; здѣсь пуншъ, чай, табакъ и нелѣпая игра campis, которую великій князь, однако, очень любилъ, служили развлеченіемъ. Какой поразительный контрастъ съ духомъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, царствовавшими на праздникахъ великой княгини!» [1]

Такое отдаленіе Дашковой отъ его гольштинскаго общества очень не нравилось Петру и однажды онъ ей за-

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 27—28.

мѣтилъ: «дочь моя, помните — лучше водиться и жить съ такими простаками, какъ мы, чѣмъ съ умниками, которые, выжавъ изъ лимона сокъ, бросаютъ его». Онъ еще помнилъ время, когда онъ держалъ Катерину Романовну на рукахъ[1], и попрежнему продолжалъ считать ее дѣвочкой и наивной дурочкой, съ неизмѣннымъ благодушіемъ снося всѣ ея выходки, иногда довольно смѣлыя и рѣзкія.

Между тѣмъ сближеніе Дашковой съ Екатериной дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе. Онѣ пересылались книгами, рукописями, записками. Вся эта корреспонденція велась тайнымъ образомъ черезъ одну изъ приближенныхъ Екатерины и всѣ письма изъ предосторожности сжигались тотчасъ же, только у Дашковой сохранились нѣкоторыя изъ нихъ. Екатерина выказывается въ нихъ совершенно такою, какою она является въ своихъ письмахъ къ Гримму. Тотъ же ловкій, все маскирующій слогъ, тотъ же обычай давать прозвища людямъ, которыхъ касается рѣчь, неизмѣнная пріятность тона и кажущаяся откровенность, повидимому не боящаяся упрека даже въ легкомыслiи. По временамъ Екатерина сама заѣзжала къ Дашковой и увозила ее къ себѣ на цѣлый вечеръ.

Личное положеніе Екатерины было въ то время очень тягостное. Изобличенная передъ императрицей

[1] Онъ былъ ея крестнымъ отцомъ. Дашковой въ то время было едва восемнадцать лѣтъ и при ея маленькомъ ростѣ она дѣйствительно могла казаться еще очень молодой дѣвушкой.

въ тайныхъ политическихъ интригахъ и сношеніяхъ съ Бестужевымъ, она вынесла продолжительную опалу. Эта исторія невольно послужила къ оправданію въ глазахъ императрицы той антипатіи, которую не стѣсняясь выказывалъ къ своей супругѣ великій князь. Былъ даже разговоръ о томъ, чтобы выслать ее къ роднымъ, но Елисавета не рѣшилась. Примиреніе, которое произошло между ними, лишь очень непрочно поправило потрясенныя отношенія.

Осенью 1761 г. Елисавета часто болѣла и съ недѣли на недѣлю ждали ея неминуемой смерти. Близилось время воцаренія Петра. Между тѣмъ никто, ни даже сама Елисавета, не сомнѣвался, что Петръ царствовать неспособенъ. Особенно опаснымъ казалось восторженное преклоненіе Петра передъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II, съ которымъ Россія вела тогда войну. Петръ едва скрывалъ свою радость, когда получались извѣстія о пораженіи русскихъ войскъ, но къ 1761 г. Фридрихъ былъ доведенъ арміей Салтыкова до крайняго положенія и Петръ только обнадеживалъ себя, повторяя своимъ приближеннымъ: «вотъ погодите, — онъ еще вывернется». Уже по воцареніи своемъ онъ однажды въ присутствіи Дашковой и многихъ другихъ сказалъ Волкову, бывшему при Елисаветѣ секретаремъ государственнаго совѣта: «помнишь ли ты, какъ мы славно подшучивали надъ секретными распоряженіями совѣта, которыя онъ посылалъ въ армію, и они оставались безъ успѣха, потому что

мы еще раньше извѣщали о нихъ короля»[1]. По увѣренію Болотова онъ довелъ императрицу до того, что «велѣно было отлучить его отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и недопускать болѣе въ конференцію, или тогдашній государственный совѣтъ»[2]. Среди общаго смущенія возникали предположенія выслать его и Екатерину за границу, провозгласивъ императоромъ Павла, совсѣмъ еще мальчика, или удалить одного только Петра, оставивъ Екатерину при сынѣ, въ качествѣ регентши. По словамъ Панина, на послѣднее Елисавета легко могла бы согласиться, еслибы кто нибудь изъ вельможъ рѣшился предложить ей этотъ планъ. «Но къ

---

[1] «Арх. кн. «Воронцова» т. XXI, стр. 41. Въ обычаѣ Петра было послѣ «нѣсколькихъ бутылокъ англинскаго пива» (см. Болотовъ) плести разныя небывальщины. Это замѣчаютъ за нимъ и Дашкова и Панинъ. Вотъ слова послѣдняго: «Петръ говорилъ во всеуслышаніе, что такой-то и такой-то изъ людей, состоявшихъ при кабинетѣ Елисаветы, помогали ему доставлять королю прусскому свѣдѣнія обо всемъ, что здѣсь дѣлалось въ наибольшей тайнѣ, хотя именно эти лица никогда не позволяли себѣ такой измѣны и держались совсѣмъ противоположнаго образа мыслей». Это сказано какъ будто нарочно къ («Рус. Арх.» 1879, I, стр. 363) эпизоду, разсказываемому Дашковой о Волковѣ. Можетъ быть Волковъ и дѣйствительно былъ не причемъ въ сношеніяхъ Петра съ королемъ прусскимъ (см. о нихъ у Болотова, утверждающаго прямо, что сношенія эти производились черезъ «нашего генерала Корфа и его любовницу графиню Кейзерлингшу», т. II, стр. 166), но это всетаки нисколько не мѣняетъ смысла фразы Петра относительно самого его. См. оправдательныя письма Волкова въ «Рус. Ст.» 1874 г.

[2] «Записки» т. II, стр. 167.

сему, благодаря Богу», замѣчаетъ Екатерина, «фавориты не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра, въ коемъ отчасти и предуспѣли»[1]. Между тѣмъ Петръ сильно разсчитывалъ царствовать и ждалъ этого времени съ нетерпѣніемъ.

Приблизительно за сутки до кончины Елисаветы, когда она была уже въ безпамятствѣ и агоніи, у постели ея находился Петръ вмѣстѣ съ врачемъ государыни и съ Панинымъ, которому было разрѣшено входить въ комнату умирающей. Петръ сказалъ врачу: «Лишь бы только скончалась Государыня, вы увидите, какъ я расправлюсь съ датчанами. Я выступлю противъ господина де-Сенъ-Жермена; онъ станетъ воевать со мной на французскій манеръ, а я—на прусскій», и т. д. Затѣмъ Петръ повернулся къ Панину и спросилъ его: «А ты что думаешь о томъ, что я сейчасъ говорилъ?» Панинъ отвѣчалъ: «Государь, я не понялъ, въ чемъ дѣло; я думалъ о горестномъ положеніи Императрицы». — «А вотъ дай срокъ», воскликнулъ Петръ, и затѣмъ, показавъ рукою на умирающую, прибавилъ: «скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать».

Петръ не скрывалъ намѣренія удалить Екате-

---

[1] Собственноручная записка Екатерины въ Госуд. Архивѣ. См. «Рус. Арх.», 1883, стр. 384. «Благодаря Богу», конечно потому, что тогда Екатерина не царствовала бы, а была бы регентшей только до совершеннолѣтія великаго князя Павла.

рину, какъ это сдѣлалъ Петръ Великій съ Евдокіей Лопухиной, отказаться отъ сына и оффиціально жениться на Воронцовой. Екатерина все это знала и знала, что Петръ способенъ былъ исполнить это.

Понятна тревога, которую испытывала Дашкова за своего друга. Нервная напряженность ея ярко рисуется слѣдующей авантюрой княгини, — трудно подыскать другое названіе для этой безразсудной выходки. 20-го декабря Дашкова лежала больная, но узнавъ, что государыня едва ли проживетъ еще нѣсколько дней, она въ полночь поднимается съ постели, закутывается въ шубу и идетъ прямо во дворецъ, въ комнаты великой княгини. Она взошла по маленькой лѣстницѣ, которая вела къ нимъ съ улицы, и только слѣпое счастіе натолкнуло ее прямо на горничную Екатерины, которая и провела ее къ своей госпожѣ. Безъ этого случая она легко могла бы попасть въ комнаты прислуги великаго князя, быть остановленной и отъ всего этого для великой княгини были бы послѣдствія неизмѣримо болѣе серьезныя, чѣмъ для ея пылкой обожательницы. Екатерина находилась уже въ постели и конечно была поражена появленіемъ столь поздней гостьи. Послѣ немногихъ фразъ приступа, Дашкова прямо спросила ее: «какой у нея *планъ?* что думаетъ она предпринять для своей безопасности» и предложила себя въ преданныя исполнительницы ея предположеній. Екатерина разрыдалась и сказала, что надѣется на одного Бога и никакихъ плановъ не имѣетъ. Въ

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕ...
№

пылкихъ словахъ княгиня заговорила объ обязанности друзей дѣйствовать за нее, увѣряла въ своей готовности пожертвовать для нея всѣмъ и достаточной ловкости, чтобы въ случаѣ неудачи ничѣмъ не скомпрометировать великой княгиня. Послѣдняя успокоивала ее и убѣждала не рисковать ради ея опасностями. Дашкова прервала ее словами, которыя весьма кстати пришли ей въ голову послѣ всего совершеннаго: «Я не могу болѣе оставаться у васъ, не рискуя выдать насъ обѣихъ». Она ушла и дома разсказала мужу все, что сейчасъ произошло. «Кромѣ безпокойства, которое онъ выказалъ, какъ бы эта ночная прогулка не повредила моему здоровью, онъ одобрилъ все и расхвалилъ меня даже больше, чѣмъ я того заслуживала», такъ заканчиваетъ Дашкова свой разсказъ.

Дальнѣйшее поведеніе Екатерины показываетъ, что это рискованное посѣщеніе Дашковой послужило для нея хорошимъ урокомъ на все будущее время. Послѣ него она поняла, какъ опасно усердіе пылкой и безсильной противъ своихъ порывовъ княгини и какъ опрометчиво было бы довѣрить ей себя, свои планы и своихъ друзей. Но конечно не такого результата ожидала Дашкова.

25-го декабря, въ самый день Рождества, императрица Елисавета скончалась. Великій князь Петръ Ѳедоровичъ сталъ императоромъ Петромъ III. Тѣло покойной императрицы было выставлено въ траурной залѣ дворца для всенароднаго поклоненія. Теп-

лое сердечное чувство народное къ матушкѣ-императрицѣ сказалось въ легендѣ будто, когда тѣло императрицы лежало на парадной кровати, «слетѣла бѣлая-пребѣлая голубица и сѣла та голубица на грудь покойницы, явно знаменуя, что умерла она, государыня, чистая, ни къ какимъ грѣхамъ непричастная» [1]. Екатерина каждый день приходила на гробъ императрицы и молилась долго и со слезами. Петръ показывался въ траурной залѣ очень рѣдко и то для того только, чтобы распечь часовыхъ за какую нибудь неисправность въ одеждѣ или чтобы посмѣяться съ фрейлинами. Этотъ контрастъ между супругами бросался въ глаза; о немъ всѣ говорили въ городѣ. Слезы Екатерины по покойницѣ вызывали общее сочувствіе къ ней, а противъ Петра и его любимцевъ нѣмцевъ поднимались слухи, будто императрица была отравлена «нѣмцемъ»; кровавая рвота, отъ которой умерла Елисавета, давала этимъ опаснымъ слухамъ правдоподобіе [2].

Французскій посолъ Бретейль писалъ отъ этого времени своему двору: «въ день поздравленія съ восшествіемъ на престолъ на лицѣ императрицы была написана глубокая печаль; ясно, что она не будетъ имѣть никакого значенія, и я знаю, что она старается вооружиться философіей, но это противно ея харак-

[1] Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи М. Семевскаго, «Отеч. Зап.», 1867 № 8, 747.

[2] Письмо маркиза д'Аржанса къ Фридриху II—Болотовъ, «Записки», II, 161.

теру... Императоръ удвоилъ вниманіе къ графинѣ Воронцовой... Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи; съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе императора и высокомѣріе Воронцовой. Трудно себѣ представить, чтобы Екатерина (я знаю ея отважность и страстность) рано или поздно не приняла какой нибудь крайней мѣры. Я знаю друзей, которые стараются ее успокоить, но, если она потребуетъ, они пожертвуютъ всѣмъ для нея» [1].

Намѣреніе Петра избавиться отъ Екатерины и сына выказалось въ первые же дни его царствованія: въ манифестѣ о своемъ вступленіи на престолъ онъ не только не назначилъ великаго князя Павла своимъ наслѣдникомъ, но и не упомянулъ о немъ ни однимъ словомъ [2]. Значеніе этого умолчанія для Дашковой стало ясно тогда-же. Княгиня могла пріѣхать во дворецъ только на шестой день—она была больна и не выходила, хотя императоръ два раза писалъ ей, настойчиво приглашая пріѣхать къ нему. Первыя слова, которыя она отъ него услыхала, были о намѣреніи его лишить *ее*, т. е. Екатерину, трона и вмѣсто нея возвести *Романовну*, т. е. Лизавету Воронцову. Дашкова поторопилась свести разговоръ къ любимой игрѣ государя campis.

Наступило время очень смутное. «Едва Петръ воцарился,—говоритъ Панинъ,—какъ всѣ стали же-

[1] «La cour de la Russie» 187 и слѣд.

[2] Болотовъ, «Записки», II, 169.

лать новаго повелителя»[1]. «Повсюду стали разсѣиваться слухи и достигать до самаго подлаго народа, что Государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ и поступкамъ и что онъ не только съ Л. Воронцовой, какъ съ публичной своей любовницей, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся Императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые ни мало не достойны были сообщества Императора, какъ напримѣръ, итальянскихъ актрисъ и пѣвицъ вкупѣ съ ихъ толмачами, а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ въявь обо всѣхъ и обо всемъ и даже о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ». Это яркая черта того легкомыслія, которое такъ отличало Петра.

Будучи еще наслѣдникомъ, онъ собирался «все измѣнить, все передѣлать»[2]. Теперь, среди бесѣдъ съ итальянцами[3] онъ поспѣшно и безпорядочно на-

---

[1] «Русск. Арх.», 1879, I, 364.

[2] Панинъ.

[3] Кн. Щербатовъ въ сочиненіи своемъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» передаетъ разсказъ, слышанный имъ отъ Д. В. Волкова, тайнаго секретаря, какъ императоръ, желая скрыть отъ

чалъ «скорое и дружное перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ и преобразованіе всего войска на прусскій манеръ». Это, а болѣе всего «явно оказуемыя къ тогдашнему нашему непріятелю, королю прусскому, приверженность и безпредѣльное почтеніе и ко всему прусскому уваженіе, приводило всѣхъ въ неописанное изумленіе и негодованіе, и я не знаю, — прибавляетъ Болотовъ, — что воспослѣдовало бы уже и тогда, еслибъ не поддержалъ онъ себя нѣкоторыми милостями» [1], какъ освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы и уничтоженіе тайной канцеляріи.

Петръ же между тѣмъ спокойно предавался своимъ «невоздержностямъ» и на всѣ предупрежденія Фридриха II отвѣчалъ самоувѣренно: «тотъ, кто умѣетъ обращаться съ русскимъ народомъ, можетъ вполнѣ надѣяться на него». Очевидно, онъ предполагалъ въ себѣ это умѣнье.

фаворитки гр. Лизаветы Воронцовой свои ночныя забавы, сказалъ при ней Волкову, что хочетъ провести съ нимъ всю ночь въ занятіяхъ важнымъ дѣломъ, касающимся государственнаго благоустройства. Ночь наступила, Петръ пошелъ веселиться, сказавши Волкову, чтобъ онъ къ утру написалъ какой нибудь важный указъ, и Волковъ былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакой. Несчастный секретарь не зналъ о чемъ писать, а писать надобно; наконецъ вспомнилъ онъ, о чемъ всего чаще твердилъ государю гр. Р. Л. Воронцовъ, именно о вольности дворянской. Волковъ написалъ манифестъ, который на другой день и былъ утвержденъ государемъ.

[1] Болотовъ, «Записки», II, 170.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Государственный переворотъ, который кончился низложеніемъ Петра III и воцареніемъ Екатерины, до сихъ поръ еще не выясненъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Между тѣмъ онъ совершился, какъ говорится, «на глазахъ исторіи», всего сто двадцать пять лѣтъ назадъ; главные участники его, кромѣ развѣ однихъ Орловыхъ, оставили подробные разсказы о своихъ дѣяніяхъ, многіе современники написали о немъ записки, а онъ всетаки остается не совсѣмъ яснымъ для русскихъ историковъ, — не ясно кто его началъ, кѣмъ именно онъ былъ брошенъ въ русскую исторію.

Объ этомъ переворотѣ есть три главныя версіи: самой Екатерины въ ея письмѣ къ Понятовскому [1], Н. И. Панина въ разсказѣ, записанномъ съ его словъ

---

[1] «La cour de la Russie» 202—216 и «Арх. кн. Воронцова» т. XXV, стр. 414—424; въ этихъ двухъ перепечаткахъ одного и того же письма есть значительная разница въ нѣкоторыхъ подробностяхъ его.

бар. Ассебургомъ[1], и кн. Дашковой въ ея «Запискахъ»[2]. Всѣ происшествія дня 28 іюня, начиная съ пріѣзда Екатерины въ Петербургъ, передаются въ нихъ одинаково, но самое возникновеніе заговора, ростъ его и послѣднія приготовленія къ перевороту каждою изъ нихъ разсказываются различно. Такимъ образомъ, эти три версіи сходятся вполнѣ гладко только въ концѣ, начинаются же онѣ всѣ отъ разныхъ лицъ, отъ Екатерины, отъ Дашковой, отъ Н. И. Панина, смотря по тому чей разсказъ. Если исключить щекотливый вопросъ объ иниціаторахъ замысла, то между этими тремя разсказами почти не останется внутренняго противорѣчія, противорѣчія въ фактахъ. На нашъ взглядъ они хорошо дополняютъ другъ друга и если къ нимъ присоединить мелкія указанія Гельбига и нѣкоторыхъ другихъ, то получится довольно ясная картина переворота.

Екатерина познакомилась съ Григ. Орловымъ еще въ царствованіе Елисаветы[3]. Въ 1759 г., пріѣхавъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи вмѣстѣ съ плѣннымъ гр. Шверинымъ, Григорій Орловъ посе-

---

[1] «Русск. Арх.» 1879, I, стр. 363—369. Баронъ фонъ-Ассебургъ былъ въ 1765—68 гг. датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и находился въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Панинымъ еще съ конца предыдущаго десятилѣтія, когда послѣдній былъ нашимъ резидентомъ въ Стокгольмѣ. Письмо Екатерины къ Понятовскому и разсказъ Ассебурга перепечатаны въ Приложеніяхъ въ концѣ книги.

[2] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 51—90.

[3] «Russische Günstlinge». Gelbig, 179—181.

лился напротивъ Зимняго дворца. Екатерина случайно увидала его. У нихъ начались свиданія... Было бы странно, еслибъ Екатерина, подстроивавшая низложеніе Петра еще съ Бестужевымъ и, въ чаяніи смерти Елисаветы, заготовившая тогда даже манифестъ противъ Петра, безплодно пропустила время исключительно для нея благопріятное, которое, казалось, само рождало въ воздухѣ мысль и желаніе перемѣны правленія. Екатерина приписываетъ себѣ первую идею заговора [1]. Гельбигъ говоритъ: «мысль о переворотѣ была сообщена ею любимцу». Оставимъ это—Екатерина сдѣлала изъ Григ. Орлова свое орудіе. У него она познакомилась съ его братьями и черезъ нихъ стала распространять въ войскахъ неудовольствіе противъ Петра. Исполнители намѣреній Екатерины оказались людьми необыкновенно предпріимчивыми и смѣлыми. Болотовъ разсказываетъ, какъ упорно и настойчиво преслѣдовалъ его Григ. Орловъ, желая вовлечь его въ заговоръ [2].

По разсказу Гельбига, Екатерина черезъ Орловыхъ раздавала солдатамъ и деньги. Денежныя средства ея были однако очень небольшія и чтобы увеличить ихъ, былъ придуманъ планъ, сдѣлать Григ. Орлова казначеемъ Артиллерійскаго вѣдомства. Екатерина рекомендовала его для этой должности черезъ третье лицо, но ей едва не помѣшалъ генералъ Пурпуръ, отозвав-

[1] «La cour de la Russie», стр. 215.

[2] Болотовъ, «Записки», II, стр. 214—221.

шись, что возрастъ и городская слава Орлова не соотвѣтственны должности казначея. Узнавъ однако откуда идетъ рекомендація Орлова, Пурпуръ замолчалъ и въ 1799 г. все еще былъ генералъ-лейтенантомъ. Орловъ былъ назначенъ цальмейстеромъ Артиллерійскаго вѣдомства[1]. Есть и другія извѣстія, что Екатерина не задолго до переворота сильно искала денегъ. По словамъ Жоффре[2], она всего за нѣсколько недѣль до него пыталась достать денегъ у Бретейля, французскаго посла, но получила отказъ и тогда, черезъ нѣкоего Одара, заняла 100,000 руб. у одного англійскаго купца.

Весною[3] 1762 г., Григ. Орловъ познакомился съ княгиней Дашковой, но не открылъ ей всѣхъ подробностей заговора. Онъ не хотѣлъ дѣлить съ нею своего главенства въ дѣлѣ и оставилъ ей думать, что роль его въ заговорѣ нисколько не больше роли всѣхъ остальныхъ офицеровъ, рѣшившихся поддерживать Екатерину[4]. Можетъ быть послѣдняя и сама

---

[1] Возраженія Пурпура противъ Орлова были вполнѣ основательны и если Орловъ всетаки былъ сдѣланъ казначеемъ, то со стороны его слѣдуетъ допустить особенныя усилія добиться именно этой должности.

[2] «Cath. et son règne», Paris, 1860, I, 102.

[3] Вѣроятно уже въ маѣ; перечисляя свой кружокъ заговорщиковъ въ апрѣлѣ, Дашкова не называетъ между ними Орловыхъ.

[4] Такъ что Дашкова въ правѣ была подумать, что не она присоединилась къ общему заговору, а наоборотъ Орловъ былъ ею завербованъ въ соучастники ея замысла, наравнѣ съ Рослав-

предупредила заговорщиковъ сторониться Дашковой, справедливо боясь отъ нея какой нибудь внезапной и сумасбродной выходки въ родѣ ночного посѣщенія во дворцѣ не задолго до смерти Елисаветы [1].

Дашкову уже давно мучило тяжелое и унизительное положеніе Екатерины при дворѣ Петра III. Она попыталась однажды войти въ ея интимную довѣренность, но встрѣтила только слезы, ласки и увѣренія, что единственная надежда Екатерины — Богъ и терпѣніе.

левыми, Бредихинымъ и другими офицерами. Она такъ и сдѣлала: перечисляя Панину заговорщиковъ въ маѣ, она заканчиваетъ рядъ именъ такъ: «и Орловы, *которые къ нимъ присоединились*».

[1] Изъ письма Екатерины къ Понятовскому ясно видно, что она одобряла недовѣрчивость заговорщиковъ по отношенію къ Дашковой: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Лизаветы Воронцовой, хотя и хочетъ приписать себѣ всю честь этого переворота, но она знала лишь нѣкоторыхъ вожаковъ заговора. По своему родству она не пользовалась большимъ довѣріемъ, а ея девятнадцать лѣтъ лишали ее всякаго авторитета въ глазахъ другихъ. Хотя она и утверждаетъ, что все шло ко мнѣ черезъ ея руки, однако всѣ вожаки сносились со мною уже шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ она узнала имя одного изъ нихъ. Правда, она очень умна, но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ и характеръ ея отъ природы взбалмошенъ; ее ненавидѣли всѣ вожаки; дружила она только съ вѣтряными головами, которыя сообщали ей то, что знали, т. е. маловажныя подробности. Приходилось скрывать отъ кн. Дашковой сношенія со мной остальныхъ и въ теченіе пяти мѣсяцевъ она не знала ничего ровно. Въ послѣднія четыре недѣли ей хотя и говорили, но какъ можно меньше» («La cour de la Russie», 214). Этотъ разсказъ Екатерины вполнѣ подтверждается «Записками» Дашковой: еще въ маѣ княгиня говорила Панину, что дѣло ведется ею совершенно безъ вѣдома Екатерины.

Почва была отнята изъ подъ ногъ Дашковой. Первыя недѣли царствованія Петра принесли ей разлуку съ мужемъ: у князя Дашкова произошло столкновеніе съ государемъ по поводу порядка развода дворцоваго караула. Чтобы удалить его на время съ глазъ Петра, ему придумали назначеніе — ѣхать въ Константинополь посланникомъ для оповѣщенія султана о восшествіи на престолъ новаго государя. «Я особенно настаивала на этомъ», пишетъ Дашкова, «потому что я какъ бы по какому-то вдохновенію не сомнѣвалась въ томъ, что императоръ будетъ низложенъ, и я твердо рѣшила принять въ этомъ участіе. Я горячо желала, чтобы мой супругъ былъ за границей, чтобы въ случаѣ катастрофы онъ не раздѣлилъ бы ее со мной» [1]. Въ февралѣ Дашковъ выѣхалъ изъ Петербурга и княгиня осталась одна. Она была больна и почти не выѣзжала ко двору. Среди прочихъ знакомыхъ у нея бывали офицеры Преображенскаго полка, товарищи ея мужа. Съ ними она толковала о многочисленныхъ безобразіяхъ Петра и «старалась укрѣплять ихъ въ добрыхъ понятіяхъ». Первая мысль о переворотѣ сложилась у нея вполнѣ опредѣленно лишь въ апрѣлѣ 1762 г.[2]: она сознала, что только низложеніе Петра III можетъ спасти Екатерину и что этого именно слѣдуетъ добиваться; гдѣ друзья, гдѣ враги — ей стало ясно и она рѣшительно

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 45.

[2] Ея собственныя слова. «Арх. кн. Воронцова» т. XXI, стр. 51.

сдѣлала выборъ. Для нея началась жизнь заговорщика, столь очаровательная для иныхъ воображеній, романтически настроенныхъ. Она стала ѣздить всюду, стала бывать у всѣхъ своихъ знакомыхъ, стараясь разузнавать общее настроеніе и распространять «добрыя понятія». Кругъ знакомствъ, пріобрѣтаемыхъ исключительно для цѣлей заговора, у нея понемногу росъ и она видѣла себя уже во главѣ цѣлой революціи, готовой по одному движенію ея руки вспыхнуть пожаромъ.

Въ ожиданіи событій она перечитывала всѣ исторіи революцій и переворотовъ, ища пищу для своего безпокойнаго ума, и устроивала свою дачу по дорогѣ въ Петергофъ, которую рѣшила назвать именемъ святого того дня, когда переворотъ совершится. Туда она ѣздила каждые два дня подъ предлогомъ устроенія этого маленькаго имѣнія, а въ сущности для того, «чтобы набросать на бумагѣ нѣсколько идей (?), которыя для меня еще не совсѣмъ были ясны»[1]. Въ первую же свою поѣздку туда она сильно простудилась и въ жару лихорадки написала императрицѣ письмо. О содержаніи его она помнила только, что написано оно было частью по-русски, частью по-французски, на половину стихами, на половину прозой. «Въ отвѣтѣ своемъ Екатерина меня спрашивала: «съ какихъ поръ я стала пророчествовать? Она очень хорошо поняла русскіе стихи, которые про-

[1] «Арх. князя Воронцова», т. XXI, стр. 62.

диктовала мнѣ моя пріязнь къ ней, но что кромѣ этихъ словъ дружбы, живыхъ и нѣжныхъ, она ничего не поняла въ моемъ письмѣ и особенно слова о какомъ-то днѣ, который долженъ настать и дать имя моей первой земельной собственности»[1]. Очевидно Екатерина была права, не довѣряясь Дашковой и скрываясь передъ ней не меньше, чѣмъ передъ своимъ супругомъ.

Гр. К. Г. Разумовскій и Н. И. Панинъ—вотъ люди, которыхъ, по словамъ Дашковой, она привлекла къ заговору. Она хлопотала и о Тепловѣ, который долженъ былъ написать всѣ нужные манифесты, но результатъ ея хлопотъ въ «Запискахъ», не вполнѣ ясенъ.

Разумовскаго она поручила двумъ офицерамъ. По ея плану они должны были сначала издалека заговорить съ нимъ объ общемъ неудовольствіи, потомъ, приготовивъ его такимъ образомъ, намекнуть о заговорѣ, потомъ назвать участниковъ его и тогда сказать уже прямо: «отступленія нѣтъ,—вы знаете все и должны быть нашимъ»[2].

---

[1] «Арх. князя Воронцова», т. XXI, стр. 57.

[2] Нигдѣ въ запискахъ Дашковой не говорится, чтобы этотъ хитрый планъ дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе. Когда въ маѣ княгиня перечисляла Панину участниковъ заговора, то Разумовскаго она ему не назвала. Вѣроятнѣе всего Разумовскій былъ введенъ въ заговоръ или со стороны Екатерины и Орловыхъ, или же Панинымъ всего за два дня до переворота, какъ Панинъ это самъ разсказываетъ. Гр. К. Разумовскій былъ давній сторонникъ Екатерины и на содѣйствіе его она всегда

Панинъ часто бывалъ у нея, но она не сразу рѣшилась заговорить съ нимъ о своихъ замыслахъ. Всѣ эти промедленія показываютъ, что тѣ самые вельможи, которые потомъ открыто называли Петра человѣкомъ ничтожнымъ и крайне опаснымъ для Россіи, въ то же время умѣли отлично скрывать свои мысли въ кругу даже близкихъ своихъ знакомствъ. Правда, легкость, съ которою Петръ принималъ рѣшенія, стоили подозрительности Іоанна Грознаго.

10-го мая Петръ торжественно праздновалъ заключеніе мира съ Пруссіей. Ей были возвращены всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими, заключенъ оборонительный союзъ и гарантированы всѣ завоеванія, которыя Фридрихъ успѣетъ сдѣлать въ Австріи до заключенія съ нею мира. На парадномъ обѣдѣ, когда Петръ провозгласилъ тостъ за императорскую фамилію, Екатерина отпила изъ своего бокала, но не встала. Петръ послалъ своего любимца Гудовича спросить ее о причинѣ. Екатерина отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ изъ государя, его сына и ея, то она не думала, чтобы ей нужно было вставать. Выслушавъ этотъ отвѣтъ отъ Гудовича, Петръ велѣлъ передать Екатеринѣ грубое бранное слово и, чтобы Гудовичъ не смягчилъ его, онъ самъ громко сказалъ ей это слово черезъ столъ. Въ тотъ же день вечеромъ Петръ

могла разсчитывать, почему, можетъ быть, она и не торопилась навязывать ему до времени рискъ соучастія въ заговорѣ.

приказалъ князю Барятинскому арестовать Екатерину и дядя его принцъ Георгъ едва умолилъ взять это приказаніе обратно. «Съ этого дня», говоритъ Екатерина[1], «я стала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлали со времени смерти императрицы Елисаветы» — схватить Петра въ его комнатахъ и отправить въ ссылку, какъ это нѣкогда было сдѣлано съ правительницей Анной Леопольдовной и ея дѣтьми. Изъ поведенія Петра Екатерина увидѣла, что всякое промедленіе грозитъ опасностью, и рѣшилась дѣйствовать.

На другой день послѣ празднества Дашкову напугалъ одинъ ея родственникъ — князь Н. В. Репнинъ. Раннимъ утромъ онъ явился въ домъ княгини и потребовалъ, чтобы ее немедленно разбудили. — «Все пропало, кузина», сказалъ онъ, «ваша сестра[2] получила орденъ св. Екатерины[3], а меня отправляютъ въ Берлинъ посланникомъ-адъютантомъ при прусскомъ королѣ».

Княгиня была сильно встревожена и, вспомнивъ теперь всѣ свои разговоры съ заговорщиками, должна была себѣ сознаться, что до сихъ поръ ничего опредѣленнаго, никакого плана у нихъ не составилось; были одни предположенія и разные фантастическіе проекты и всѣ соглашались лишь въ томъ, что

---

[1] «La cour de la Russie», 202.

[2] Лизавета Воронцова.

[3] До тѣхъ поръ дававшійся только царственнымъ особамъ.

самая удобная минута для переворота наступитъ при отъѣздѣ Петра въ Данію. Дашкова рѣшилась говорить съ Панинымъ. Это былъ человѣкъ очень осторожный и раздумчивый и если княгиня легко уговорила его, то это показываетъ, что онъ давно уже рѣшилъ самъ съ собою необходимость переворота. Противъ цѣли заговора Панинъ не возражалъ, но настаивалъ на необходимости соблюсти всѣ формы и привлечь къ соучастію и сенатъ. «Это было бы очень хорошо, — сказала Дашкова, — но откуда мы возьмемъ время на это? Я согласна съ вами, что императрица не имѣетъ правъ на престолъ и что для того, чтобы всѣ требуемыя формы были соблюдены, долженъ быть провозглашенъ императоромъ ея сынъ, а императрица до его совершеннолѣтія можетъ править только въ качествѣ регентши. Но вы подумайте и о томъ, что изъ ста человѣкъ можетъ быть только одинъ пойметъ низложеніе монарха инымъ способомъ, кромѣ какъ открытой силой». Она назвала ему главныхъ заговорщиковъ — братьевъ Рославлевыхъ, Лассунскаго, Пассека, Бредихина, Баскакова, кн. Барятинскаго, Хитрово, Орловыхъ и пр. «Панинъ былъ удивленъ и даже опѣшилъ, узнавъ какъ далеко уже я зашла и что до сихъ поръ я ни слова не сказала объ этомъ императрицѣ изъ боязни скомпрометировать ее», прибавляетъ Дашкова. Въ концѣ концовъ онъ уступилъ и даже обѣщалъ до времени не настаивать на томъ, что императрица должна быть только регентшей, оставивъ корону сыну. Какъ справедливо замѣ-

тила ему Дашкова, это только понапрасну раздробило бы силы заговора на партіи.

Дашковой было извѣстно, что новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ былъ сильно возстановленъ противъ Петра III, который еще великимъ княземъ показывалъ языки священникамъ во время богослуженія[1], а по воцареніи лишилъ духовенство многихъ льготъ и собирался измѣнить церковные обряды[2]. Скоро она узнала и о ген.-аншефѣ кн. Волконскомъ, что онъ скорѣе на ихъ сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Петра. Онъ тогда только что вернулся изъ заграничной арміи и разсказывалъ Дашковой, что солдаты сильно ропщутъ, волнуются и не хотятъ драться за пруссаковъ, своихъ недавнихъ враговъ.

Между тѣмъ въ войскахъ гвардіи число приверженцевъ Екатерины быстро увеличивалось. По увѣренію самой Екатерины, за три недѣли до возстанія въ заговорѣ было около 10,000 солдатъ и 30—40 офицеровъ. Она называетъ Орловыхъ, Пассека, князя Барятинскаго, Хитрово и Потемкина; послѣдніе двое дѣй-

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 30.

[2] Онъ между прочимъ приказалъ этому святителю распорядиться, чтобы въ церквахъ были оставлены только иконы Спасителя и Божіей Матери, всѣ же прочія преданы уничтоженію. Священникамъ онъ повелѣвалъ обрить бороды и носить платье нѣмецкихъ пасторовъ. Домовыя церкви были запечатаны. Существуетъ письмо И. И. Неплюева, посланное имъ Екатеринѣ 29 іюня 1762 г. вслѣдъ за ней на Петергофскую дорогу, въ которомъ онъ проситъ о скорѣйшемъ распоряженіи относительно внесенія иконъ въ церкви. («Рус. Арх.» 1873, I, 24 и прим.).

ствовали въ конной гвардіи, «направляя все благоразумно, дѣятельно и смѣло». Чтобы уменьшить опасность измѣны, всѣ заговорщики раздѣлялись на четыре партіи, у каждой былъ свой начальникъ, которые одни только и собирались вмѣстѣ для совѣщаній [1].

Раздраженіе противъ Петра разгоралось. Появились слухи, что онъ подарилъ Прусскому королю весь двадцатитысячный корпусъ гр. Чернышева, стоявшій за границей. О войнѣ съ Даніей говорили, что туда бу-

[1] Мы имѣемъ описанія какъ вѣсть о воцареніи Екатерины была принята въ Преображенскомъ полку, описанія довольно подробныя — Державина и графа С. Р. Воронцова. По нимъ не видно, чтобы среди солдатъ было много людей, посвященныхъ въ замыслы заговорщиковъ, хотя именно между Преображенскими офицерами имѣла главное свое знакомство княгиня Дашкова. Солдаты собрались въ недоумѣніи, не понимая ясно причины уличнаго шума и не довѣряя доходившимъ слухамъ. Ихъ увлекъ лишь примѣръ гренадерской роты. Можно думать, что изъ всего Преображенскаго полка «въ секретѣ» находилась только одна эта гренадерская рота, потому что при извѣстіи объ арестѣ Пассека она одна безъ всякихъ приказаній собралась на ротномъ дворѣ и, потомъ, ничего не дождавшись, разошлась. По разсказу Панина, человѣка склоннаго, правда, скорѣе уменьшать, чѣмъ преувеличивать свои средства, въ заговорѣ находилось всего на всего «четыре капитана императорской гвардіи и вмѣстѣ четыре роты, состоявшія подъ ихъ командою». Остается вопросомъ, кто ошибся: Екатерина ли приняла роты за цѣлыя партіи, или же Панинъ уменьшилъ послѣднія до ротъ. Цифра четыре повторяется у обоихъ. Во всякомъ случаѣ число 10,000 слишкомъ велико. Во всей гвардіи (кромѣ артиллеріи) тогда числилось 238 офицеровъ и 8496 нижнихъ чиновъ (см. Приложенія). Участіе армейскихъ войскъ въ переворотѣ несомнѣнно, но о томъ, чтобы и среди ихъ велась агитація въ пользу Екатерины,— на это нигдѣ нѣтъ указаній.

детъ послана одна гвардія, которая оттуда ужъ не вернется, а ненавистные голштинцы останутся вмѣсто нея въ Петербургѣ. Вдобавокъ ко всему этому, среди солдатъ безпрепятственно передавались подробности о вседневныхъ развлеченіяхъ и легкомысленныхъ потѣхахъ Петра, съ которыми онъ совершенно не скрывался. О нихъ разсказываетъ Болотовъ. Онъ былъ адъютантомъ генералъ-полицеймейстера Корфа и ѣздилъ съ нимъ во дворецъ, гдѣ легко могъ видѣть что тамъ происходило за обѣдами и ужинами. «Такъ какъ рѣдко заставали мы государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылочекъ англинскаго пива, до котораго онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорознившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровью отъ стыда передъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсмомнѣнно смѣющимися внутренно». Особенно досаждали Болотову празднества, которыя давались любимцами государя. На нихъ Петръ привозилъ съ собою всѣхъ, кому хотѣлъ показать особенное благоволеніе. «Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собою изъ дворца свой. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобы и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ тру-

бокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, еслибъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россіянъ постыднѣйшаго. Но то-то была и бѣда наша! Не успѣютъ бывало сѣсть за столъ, какъ загремятъ рюмки и бокалы, и столь прилежно, что вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ какъ маленькіе ребяточки и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошли до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки: ну прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей. Каково-жь намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга на земь валяющихъ? Хохотъ, крики, шумъ, біеніе въ ладоши раздавалось только всюду, а и бокалы только что гремѣли. Они должны были служить наказаніемъ тому, кто не могъ удержаться на ногахъ и упадалъ на землю. Однако все сіе было еще ничто противъ тѣхъ разнообразныхъ сценъ, ка-

кія бывали послѣ того и когда дохаживало до того, что продукты бакхусовы оглумляли всѣхъ пирующихъ... Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все то видѣть и слышать» [1].

---

[1] Болотовъ, «Записки», т. II, 204—205.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

11-го іюня Петръ уѣхалъ со дворомъ въ Ораніенбаумъ и тѣмъ разстроилъ планъ, рѣшенный между Екатериной и Орловыми — схватить его во дворцѣ. По словамъ Екатерины, на этомъ планѣ остановились окончательно; къ нему все приноравливалось и все было даже «болѣе чѣмъ готово. Выполненъ былъ однако, не онъ, а планъ или, вѣрнѣе, распоряженія Панина (Дашковой).

Въ послѣдніе двѣ недѣли до переворота, волненіе между солдатъ стало слишкомъ замѣтнымъ и легко могло выдать весь заговоръ. Солдаты боялись, что ихъ вдругъ могутъ посадить на суда и отправить въ Данію, и между ними легко расходились разные тревожные слухи насчетъ императрицы. «Офицеры старались сдерживать ихъ сколько могли,—разсказываетъ Дашкова,—и я поручила одному изъ нихъ передать солдатамъ, что я каждодневно имѣю свѣдѣнія объ императрицѣ и предупрежду ихъ черезъ ихъ офицеровъ, когда настанетъ время дѣйствовать» [1].

---

[1] «Арх. князя Воронцова», XXI. 67.

Претензіи Дашковой на главенство и посредничество между заговорщиками и Екатериной ясно высказываются въ этомъ маленькомъ эпизодѣ [1].

26-го іюня Н. И. Панинъ рѣшился переговорить о замыслахъ заговорщиковъ съ гетманомъ К. А. Разумовскимъ и генералъ-аншефомъ кн. Волконскимъ. Первый командовалъ Измайловскимъ полкомъ и былъ любимъ солдатами, второй же слылъ человѣкомъ храбрымъ и осмотрительнымъ. Очевидно до этого времени Разумовскій рѣшительно не приставалъ къ заговору, точно такъ же какъ и Волконскій; ихъ только считали склонными къ этому. Планъ Панина состоялъ въ томъ, чтобы «произвести рѣшительное дѣйствіе въ тотъ день, когда Петръ прибудетъ въ столицу, чтобы присутствовать при выступленіи гвардіи въ походъ на соединеніе съ арміей, что̀ должно было послѣдовать въ исходѣ іюня. Панину необходимо было предупредить гетмана о своихъ соображеніяхъ, чтобы тотъ поддержалъ Петра въ намѣреніи присутствовать при выступленіи гвардіи изъ Петербурга. Онъ опасался, какъ бы Петръ не раздумалъ пріѣхать» [2]. И Разумовскій, и Волконскій согласились на его предложенія и сообразно его плану исполненіе задуманнаго было отложено до времени выступленія гвардіи.

Теперь настаетъ часть разсказа, гдѣ рука Екатерины исчезаетъ изъ заговора совсѣмъ и только Па-

[1] Она трижды повторяетъ разсказъ о немъ: стр. 67, 68, 70.

[2] Разсказъ бар. Ассебурга со словъ Панина. «Русск. Арх.» 1879, I, 364.

нинъ и Дашкова оспариваютъ другъ у друга инициативу всѣхъ распоряженій и тріумфъ успѣха. Вотъ какъ было дѣло по словамъ Дашковой.

27-го іюня, къ вечеру [1], къ Дашковой явился Григ. Орловъ и объявилъ ей, что Пассекъ арестованъ, но неизвѣстно по какой причинѣ. У княгини въ то время сидѣлъ Панинъ. Съ обычной своей медлительной манерой Панинъ сталъ разсуждать, что безпокоиться еще нечего и что Пассека арестовали можетъ быть просто за служебную провинность. Дашкова же говорила, что необходимо узнать дѣло точнѣе, потому что положеніе грозитъ опасностью. Она условилась съ Панинымъ, что Орловъ поѣдетъ узнать о причинѣ ареста Пассека и извѣститъ объ этомъ Дашкову, а *если дѣло окажется важнымъ*, то одинъ изъ его братьевъ пріѣдетъ сказать Панину. Орловъ уѣхалъ, Панина Дашкова выпроводила сама и, накинувъ мужскую шинель, пошла къ Рославлевымъ, которые жили неподалеку. Едва она прошла нѣсколько шаговъ, какъ увидѣла всадника, который мчался во весь опоръ. Что-то надоумило ее, что это одинъ изъ Орловыхъ, хотя до той поры она изъ нихъ видѣла только Григорія. Она громко позвала его: «Орловъ»!

Всадникъ остановился — это дѣйствительно былъ Алексѣй Орловъ. «Кто меня звалъ?» спросилъ онъ.

[1] «Послѣ полудня» по словамъ Дашковой. По общимъ указаніямъ другихъ источниковъ Пассекъ былъ арестованъ въ 9 ч. вечера.

Дашкова подошла къ нему, назвала себя и спросила, не къ ней ли онъ ѣхалъ?

— Къ вамъ, чтобы сказать, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; у его комнаты стоятъ четыре солдата у двери и по два у каждаго окна. Мой братъ поѣхалъ къ Панину, а я сейчасъ отъ Рославлева.

— Что, какъ онъ—смутился?

— Немного, но что вы стоите среди улицы? Позвольте войти къ вамъ.

— На улицѣ никого нѣтъ, отвѣчала Дашкова. Пожалуй, было бы неосторожно показывать васъ прислугѣ; притомъ нашъ разговоръ кончается. Поѣзжайте сказать Рославлеву, Лассунскому, Черткову и Бредихину, чтобы они немедленно шли въ свой Измайловскій полкъ, тамъ они должны ожидать императрицу (Измайловскій полкъ ближе другихъ по Петергофской дорогѣ), а потомъ вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ долженъ летѣть какъ стрѣла въ Петергофъ и сказать отъ моего имени императрицѣ, чтобы она садилась въ наемную карету [1] и, не теряя времени, ѣхала въ Измайловскій полкъ, гдѣ она тотчасъ же будетъ провозглашена самодержицей, затѣмъ ѣхала бы дальше. Скажите ей, что такъ надо спѣшить, промедленіе такъ опасно, что я не хочу даже задержать васъ на то, чтобъ написать ей записку. Скажите ей, что я говорила съ вами на улицѣ и заклинайте ее спѣшить пріѣздомъ.

[1] Которая была уже приготовлена въ Петергофѣ.

Она пойметъ необходимость этого. Прощайте! Можетъ быть я сама выѣду ночью встрѣтить ее.

Вернувшись, она была слишкомъ взволнована, чтобы уснуть. Горничная сказала ей, что портной не принесъ еще ея мужскаго платья. Это ее еще болѣе раздражило, но чтобы не дать прислугѣ повода къ подозрѣніямъ, она легла спать. Черезъ часъ она вдругъ услыхала, что кто-то стучится въ ворота. Она приказала впустить—это былъ Ѳедоръ Орловъ. Онъ спрашивалъ, не слишкомъ ли рано ѣхать за императрицей и не испугаетъ ли это ее понапрасну. Дашкова вспылила.

— Теперь дѣло идетъ не о безпокойствѣ императрицы. Я предпочла бы, чтобы ее сюда привезли въ обморокѣ и безъ чувствъ, чѣмъ, оставивъ ее въ Петергофѣ, рисковать для нея несчастьемъ на всю жизнь или эшафотомъ заодно съ нами. Скажите своему брату, чтобы онъ сейчасъ же мчался во весь опоръ въ Петергофъ и привезъ бы намъ императрицу прежде, чѣмъ Петръ будетъ извѣщенъ и самъ пріѣдетъ въ городъ и навсегда уничтожитъ то, что провидѣніе болѣе, кажется, чѣмъ мы сами, устраиваетъ для спасенія Россіи и императрицы.

Ѳедоръ Орловъ ушелъ, убѣжденный ея словами и обѣщая, что братъ его въ точности исполнитъ ея приказаніе.

Такъ разсказываетъ Дашкова происшествія ночи на 28-го іюня 1762 г. «Послѣ ухода Орлова, я погрузилась въ печальнѣйшія размышленія, и картины, кото-

рыя рисовало мнѣ мое воображеніе, были унылѣе и безотраднѣе обыкновеннаго», добавляетъ Дашкова.

Иначе разсказываетъ обо всемъ этомъ Панинъ, или, вѣрнѣе, Ассебургъ со словъ Панина. «Пассекъ былъ по приказу Петра (!) арестованъ вечеромъ на другой день послѣ того, какъ Панинъ объяснялся съ гетманомъ и кн. Волконскимъ. Объ этомъ увѣдомилъ Панина Гр. Орловъ въ домѣ княгини Дашковой, а вечеромъ того же дня Орловъ подтвердилъ свое сообщеніе, объяснивъ, что Пассекъ арестованъ по причинѣ выраженнаго его ротой неудовольствія. Наступила минута чрезвычайнаго смущенія; казалось, тайна раскрывалась или была близка къ тому, въ случаѣ если станутъ допрашивать Пассека. Приходилось или ускорить дѣломъ, или подвергнуться большимъ опасностямъ. Панинъ отправилъ въ Петергофъ, гдѣ находилась императрица, наемную карету въ шесть лошадей для того, чтобы не дать возникнуть толкамъ, которые бы начались непремѣнно, еслибы государыня поѣхала въ придворномъ экипажѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя Орлова, также гвардейскаго офицера, посвященнаго въ тайну, и приказалъ ему предупредить четырехъ капитановъ своего полка, сторонниковъ Екатерины, чтобы они были къ завтрашнему утру наготовѣ со всѣми людьми, на случай смуты. Окончивъ это, Орловъ долженъ былъ поспѣшить, какъ только могъ, въ Петергофъ предупредить императрицу о случившемся съ Пассекомъ и сказать ей, чтобы она тотчасъ уѣзжала изъ Петергофа въ каретѣ, присланн-

ной отъ Шкуриной, ея довѣренной камеръ-юнгферы, а по пріѣздѣ въ Петербургъ, ѣхала бы въ казармы кавалергардскаго полка для принятія отъ него присяги, оттуда отправилась бы въ полки Измайловскій, Преображенскій и Семеновскій и во главѣ этихъ четырехъ полковъ явилась бы въ новый дворецъ, остановившись на пути у Казанскаго собора, чтобы тамъ дождаться великаго князя, котораго Панинъ привезетъ къ ней, какъ только узнаетъ о ея прибытіи и о томъ, что гвардія ее признала.

«Въ то же время Панинъ извѣстилъ обо всемъ происшедшемъ Разумовскаго и Волконскаго и затѣмъ ушелъ отъ княгини Дашковой и отправился къ великому князю въ Лѣтній дворецъ. Онъ даже легъ въ постель подлѣ кровати великаго князя, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ прислугѣ (при Панинѣ постоянно находится одинъ изъ флигель-адъютантовъ императора [1], безъ сомнѣнія, для наблюденія за нимъ), и приказалъ камердинеру разбудить, въ случаѣ если кто его спроситъ. По его разсчету, Алексѣй Орловъ въ четыре часа долженъ былъ быть въ Петергофѣ, а государыня послѣ пяти часовъ утра въ Петербургѣ.

«Каждая минута была дорога и каждая разсчитана. Панинъ, хотя и легъ въ постель, какъ ни въ чемъ не бывало, однако былъ въ сильнѣйшей тревогѣ: удача или полнѣйшій неуспѣхъ могли обнару-

[1] С. А. Порошинъ, уволенный въ началѣ 1766 г.

житься ежеминутно. Пробило пять часовъ, и никакого извѣстія не приходило; пробило и шесть, а все нѣтъ извѣстія. Алексѣй Орловъ палъ духомъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать тотчасъ же въ Петергофъ, онъ (?) въ четыре часа утра еще разъ явился къ княгинѣ Дашковой узнать не послѣдовало ли какой перемѣны въ рѣшеніи, и уѣхалъ, наконецъ, только тогда, когда княгиня приказала ему немедленно отправиться въ путь для предупрежденія обо всемъ императрицы».

Екатерина не поѣхала вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ въ Ораніенбаумъ и жила въ Петергофѣ, почти одна, подъ надзоромъ вѣрныхъ Петру людей. День 27-го іюня она провела въ особенномъ волненіи. Грозила большая опасность. Всѣ силы заговора были напряжены; въ тайну заговора вошли въ большомъ количествѣ простые солдаты, которые могли выдать ее каждую минуту. Потомъ говорили, что Екатерина только однимъ днемъ предупредила Петра и свой арестъ [1].

Въ шесть часовъ утра, 28-го іюня, когда Екатерина еще спала, въ комнату къ ней вошелъ Алексѣй Орловъ и сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

---

[1] Петръ не разъ писалъ Фридриху Прусскому о своемъ намѣреніи отдѣлаться отъ Екатерины. Фридрихъ убѣждалъ его не ссориться съ ней и не доходить до крутыхъ мѣръ, но въ то же время совѣтовалъ взять съ собою въ походъ на Данію «всѣхъ недовольныхъ и подозрительныхъ лицъ и оставить ихъ въ Кенигсбергѣ». Замѣчанія Екатерины на книгу аб. Денины. «Рус. Арх.», 1878 г., II, 289.

«пора вставать, все готово для вашего провозглашенія». Екатерина стала разспрашивать его. Орловъ отвѣчалъ: «Пассекъ арестованъ». Екатерина не колебалась болѣе. Поспѣшно одѣвшись, она сѣла въ извозчичью карету, стоявшую у воротъ дворца [1]. Одинъ изъ пріѣхавшихъ съ Орловымъ офицеровъ сталъ на запятки, другой поскакалъ впередъ, перегнавъ карету на нѣсколько верстъ.

Въ пяти верстахъ отъ Петербурга Екатерину встрѣтилъ Орловъ съ кн. Барятинскимъ. Лошади императрицы выбились изъ силъ. Она пересѣла въ ка-

---

[1] См. рисунокъ въ «Ист. Екатерины В.» А. Брикнера, т. I, стр. 115, сдѣланный по указанію Екатерины; онъ изображаетъ отъѣздъ ея изъ Петергофа—карета шестерней. Въ письмѣ къ Понятовскому Екатерина говоритъ, что карета эта пріѣхала съ Орловымъ («Арх. кн. Воронцова», т. XXV, стр. 416). Панинъ разсказывалъ Ассебургу, что карету въ Петергофъ послалъ онъ, какъ только узналъ объ арестѣ Пассека, но далѣе онъ говоритъ ужъ о каретѣ присланной отъ Шкуриной, камеръ-юнгферы Екатерины. («Рус. Арх.», 1879, I, 365). Дашкова говоритъ объ этой каретѣ очень подробно: узнавъ 26-го іюня о сильномъ возбужденіи среди солдатъ и не надѣясь, что офицерамъ удастся ихъ сдержать, «я написала Шкуриной, женѣ лакея императрицы, чтобы она немедленно отослала къ мужу въ Петергофъ свою карету съ *четырьмя* наемными лошадьми и передала ему, что я прошу его держать эту карету въ полной готовности, чтобы въ случаѣ необходимости императрица могла въ ней пріѣхать въ городъ, для чего нельзя было разсчитывать на дворцовый экипажъ. Панинъ, который все считалъ далекимъ и неопредѣленнымъ, находилъ это безполезною и ненужною предусмотрительностью» («Арх. кн. Воронцова», т. XXI, 70, прим.). Убѣдительность рѣчи на сторонѣ Дашковой, но всетаки могло случиться, что Екатерина уѣхала изъ Петергофа въ каретѣ Орлова.

рету Орлова, Барятинскій сѣлъ на козлы. Скоро они были передъ Измайловскими казармами. Тамъ они увидѣли всего дюжину солдатъ и барабанщика, который забилъ тревогу. Солдаты стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, въ безпорядкѣ, полуодѣтые; они окружили Екатерину, стали цѣловать ей руки, ноги, платье, кричали ей «спасительница наша!» Къ нимъ толпами присоединялись солдаты Семеновскаго полка. Немедленно привели священника и началась присяга... Отсюда императрица поѣхала въ Семеновскій полкъ и слѣдомъ за нимъ отправилась къ Казанскому собору.

Въ Преображенскомъ полку ночью узнали объ арестѣ Пассека. Безъ всякаго приказанія, на ротный плацъ собралась вся гренадерская рота въ полномъ вооруженіи и, простоявъ немного, разошлась. Въ восьмомъ часу къ Преображенскимъ казармамъ прискакалъ конный рейтаръ, крича, чтобы шли къ «Матушкѣ» въ Зимній дворецъ. Въ Измайловскомъ полку слышался барабанный бой, гремѣла тревога, въ городѣ все суматошилось. Прибѣжали запыхавшись офицеры, одни испуганные, другіе съ спокойными лицами, какъ будто знали о причинѣ тревоги. На полковомъ дворѣ солдаты нашли маіора Текутьева, молча ходившаго взадъ и впередъ, но какъ ни спрашивали они его приказаній, онъ молчалъ и продолжалъ ходить. Солдаты недоумѣвали. Въ гренадерской ротѣ Преображенскаго полка главные начальники оставались вѣрными Петру; въ ней служилъ и С. Р. Воронцовъ, братъ Дашковой, но въ этотъ день при-

верженный сторонникъ Петра. Рота была выстроена и ее повели къ Казанскому собору, гдѣ уже совершалось молебствіе. «Мы надѣялись,—разсказываетъ С. Р. Воронцовъ [1],—что при первомъ окликѣ нашъ полкъ единогласно воскликнетъ «да здравствуетъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ!» и что по первомъ выстрѣлѣ на насъ со стороны мятежниковъ за невозможностью для насъ стрѣлять (такъ какъ, идя по Невскому проспекту, мы могли дѣйствовать только колонною), ударимъ на нихъ въ штыки, сомнемъ ихъ и уничтожимъ: ибо они толпились безъ рядовъ и линій, какъ мужики, и большею частью въ пьяномъ видѣ, мы же были въ стройномъ порядкѣ. Но нѣкто кн. Меньшиковъ, премьеръ-маіоръ въ нашемъ полку, вдругъ появился въ тылу колонны и воскликнулъ: «виватъ императрица Екатерина Алексѣевна, наша Самодержица!» Это было электрическимъ ударомъ. Вся толпа повторила это восклицаніе». Усилія офицеровъ удержать солдатъ были тщетны. Прочія роты преображенцевъ бросились тоже на улицу. Все смѣшалось въ общемъ потокѣ. Солдаты стремительно бѣжали впередъ. Многіе были одѣты кое-какъ, иные безъ шапокъ, другіе безъ сапогъ, всѣ съ ружьями, на бѣгу заряжая ихъ. Напрасно секундъ-маіоръ Воейковъ наскакивалъ на нихъ грудью лошади, бранилъ ихъ, рубилъ шпагой по ружьямъ и по шапкамъ... Солдаты, вдругъ остервенясь, бросились на него со штыками, загнали

[1] «Русск. Арх.», 1879, I, 64.

въ Фонтанку по грудь лошади и тутъ только оставили. С. Р. Воронцовъ хотѣлъ было бѣжать къ Невѣ, чтобы ѣхать на лодкѣ въ Ораніенбаумъ и предупредить Петра, но его схватили и отвели подъ арестъ въ Зимній дворецъ. Вскорѣ послѣ преображенцевъ къ Казанскому собору прискакала и конная гвардія. Всюду было радостное возбужденіе.

Въ это время изъ садовыхъ воротъ Лѣтняго дворца [1] выѣхала старая карета, запряженная кое-какъ четверней лошадей. Болѣе пятисотъ конногвардейцевъ подъ начальствомъ полковника Мелиссино слѣдовали за ней со всѣхъ сторонъ. Въ каретѣ сидѣлъ великій князь, еще повязанный ночнымъ колпакомъ и едва одѣтый, Панинъ и Тепловъ [2]. Карета шибко покатила къ Казанскому собору, гдѣ Екатерина уже ожидала сына. Когда молебенъ кончился, императрица сѣла съ сыномъ въ карету, запряженную парой тощихъ бѣлыхъ одровъ и въ сопровожденіи графа Разумовскаго, Панина и др. поѣхала въ новый Зимній дворецъ. Здѣсь къ ней присоединилась Дашкова.

Узнавъ, что императрица въ городѣ, Дашкова одѣлась въ парадную робу и поѣхала въ Зимній дворецъ. «Я не могла бы описать, какъ я очутилась во дворцѣ. Всѣ войска, которыя только находились въ Петербургѣ, присоединились къ гвардіи, окру-

---

[1] На мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка. Тамъ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ.

[2] «Арх. кн. Воронцова» т. XXV, стр. 257.

жили дворецъ, столпились на площади и перегородили всѣ проѣзды. Я вышла изъ кареты и хотѣла перейти площадь пѣшкомъ, но нѣсколько офицеровъ и солдатъ узнали меня и я вдругъ почувствовала, что меня подхватили и несутъ почти надъ головами разносословной толпы. Я слышу кругомъ прозвища самыя ласкательныя, обращенія самыя нѣжныя, благословенія и пожеланія раздаются со всѣхъ сторонъ до самаго дворца, гдѣ меня спускаютъ наконецъ на землю. Перемятое платье, полный безпорядокъ всего убранства показались моему распаленному воображенію свидѣтельствами нѣкаго тріумфа. Я не могла да и не имѣла времени оправиться. Какъ была, я вошла къ императрицѣ. Мы бросились другъ другу въ объятія. «Слава Богу! Слава Богу!» вотъ все, что мы могли выговорить. Ея величество стала мнѣ разсказывать, какъ она вырвалась изъ Петергофа, я же разсказала ей все, что знала и что только портной, опоздавшій съ моимъ мужскимъ платьемъ, помѣшалъ мнѣ вопреки моему страстному желанію поѣхать ей навстрѣчу».

Послѣ полудня синодъ и сенатъ принесли присягу Екатеринѣ въ церкви стараго Зимняго дворца.

Переворотъ былъ совершенъ. Оставалось принудить Петра къ отреченію отъ престола. Для этого вечеромъ въ тотъ же день Екатерина отправилась во главѣ гвардіи въ Петергофъ. Она ѣхала верхомъ, въ костюмѣ гвардейскаго офицера; рядомъ съ ней,

точно такъ же одѣтая и тоже верхомъ, ѣхала кн. Дашкова [1].

29-го іюня Петръ подписалъ въ Петергофѣ свое отреченіе и былъ отправленъ въ Ропшу подъ присмотромъ Ал. Орлова. Какъ разсказываетъ Екатерина, онъ просилъ у нея съ собой только «свою любовницу, собаку, негра и скрипку, но, боясь пересудовъ и броженія умовъ, я послала ему только три послѣднія вещи» [2].

Замкнутость дворцовой жизни, всегдашнее подобострастіе окружающихъ сдѣлали изъ Петра психологическое явленіе, совершенно исключительное. Капризное своеволіе его развилось безпрепятственно, черты дѣтскаго характера сохранялись въ немъ изъ года въ годъ и въ тридцать два года онъ еще мно-

---

[1] Это переодѣванье замѣтно понравилось княгинѣ. Въ ея натурѣ было къ важному примѣшивать множество мелочей, которыя занимали ее нисколько не меньше главнаго. Она разсталась съ своимъ преображенскимъ мундиромъ не прежде трехъ дней и въ «Запискахъ» своихъ не разъ вспоминаетъ, что въ немъ она имѣла видъ «совершеннаго мальчика четырнадцати лѣтъ». Гр. М. Д. Бутурлинъ разсказываетъ изъ семейныхъ преданій своихъ, что 28-го іюня послѣ полудня Дашкова въ мундирѣ, но безъ шляпы, выѣхала на плацъ, на которомъ былъ собранъ Измайловскій полкъ и подскакавъ къ одному изъ офицеровъ, В. С. Нарышкину, своему родственнику, убѣдительно просила его дать ей шляпу. Нарышкинъ отказалъ на отрѣзъ, прибавилъ: «Съ чего-ты, матушка, это взяла? Ишь бабѣ вздумалось нарядиться шутихой, да давай ей еще и шляпу, а самъ стой съ открытой головой!» («Русск. Старина», 1877 г., т. XVIII, стр. 575).

[2] «La cour de la Russie», p. 210.

гимъ напоминалъ того четырнадцатилѣтнаго нѣмецкаго мальчика, котораго когда-то привезли въ Россію. Молодые годы свои онъ провелъ среди шведовъ, которые, приготовляя его для шведскаго престола, внушали ему ненависть къ Россіи, и неожиданный переѣздъ въ эту уже ненавидимую имъ страну какъ будто сразу остановилъ его душевный ростъ. Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, 28-го іюня 1762 г. онъ выказываетъ все тотъ же мальчишескій задоръ, все ту же трусливость и безпомощность, которыя отличали его въ дѣтствѣ: онъ то грозно клянется Екатеринѣ «уставить всю дорогу отъ Петербурга до Ораніенбаума висѣлицами» въ случаѣ, если она не вернется къ покорности—то пишетъ ей униженныя письма; то, вопреки совѣтамъ приближенныхъ людей каковъ напр. Минихъ, рѣшается защищаться въ Ораніенбаумѣ «до послѣдняго солдата»,—то вопреки ихъ же совѣтамъ трусливо бѣжитъ отъ кронштадтскихъ пушекъ.

Совершенное отчаяніе и наивная умѣренность желаній, которыя онъ выказалъ при отреченіи отъ престола, дорисовываютъ его образъ: «Я считаю несчастіемъ всей моей жизни, что принужденъ былъ видѣть его тогда», разсказывалъ Панинъ Ассебургу, «я нашелъ его утопающимъ въ слезахъ». Пока Петръ старался поймать руку Панина, чтобы поцѣловать ее, Лизавета Воронцова на колѣняхъ умоляла о позволеніи остаться при немъ. Петръ также только о томъ и просилъ и ни о чемъ болѣе, даже не просилъ сви-

данія съ императрицей. Панинъ постарался поскорѣе уйти отъ него.

7-го іюля Петръ умеръ въ Ропшѣ.

Мы разсказали переворотъ 28-го іюня 1762 г. словами и фактами, которые намъ даютъ Екатерина, кн. Дашкова и Панинъ. Изъ другихъ источниковъ мы брали лишь нѣкоторыя подробности, но не замѣщали варіантами Пикте, Позье и др. показаній этихъ трехъ безспорныхъ участниковъ переворота. Изъ всѣхъ писавшихъ о немъ, они одни знали и видѣли истину, хотя могли, конечно, не желать разсказывать ее такъ, какъ она была, безъ прикрасъ и дополненій; всѣ же остальные во первыхъ были такіе же люди какъ и они, а во вторыхъ знали обо всемъ лишь по наслышкѣ. Поэтому мы всетаки предпочитаемъ въ главныхъ фактахъ вѣрить Екатеринѣ, Дашковой и Панину, хотя никто изъ нихъ трехъ не считается человѣкомъ простосердечнымъ. Кромѣ немногихъ подробностей въ ихъ разсказахъ есть большая разница и въ тонѣ повѣствованія, любопытная въ психологическомъ отношеніи и довольно важная при оцѣнкѣ сравнительной достовѣрности передаваемыхъ фактовъ. Торжествующе-небрежный у Екатерины, этотъ тонъ дѣлается упорно настойчивымъ у Дашковой, старающейся убѣждать мелочами, и скромно-спокойнымъ у Панина. Разница понятная: Екатерина была императрица счастливо царствующая, Дашкова

заботилась возстановить свои права на роль въ этомъ событіи, отрицаемыя Екатериной, Панинъ былъ награжденъ по всей полнотѣ своей заслуги и былъ въ почетѣ.

Намъ кажется, что, свѣряя версіи Екатерины, Панина и Дашковой, можно кромѣ главныхъ фактовъ заговора извлечь и многія подробности той обстановки, въ которой онъ развивался.

Екатерина, познакомившись съ Орловымъ, лишь послѣ смерти Елисаветы заговорила съ нимъ о низложеніи Петра [1]. Со времени паденія Бестужева она находилась подъ постоянной угрозой высылки и была вполнѣ увѣрена, что за ней слѣдятъ очень зорко. Слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что до 1761 г. она прожила семнадцать лѣтъ, постоянно подозрѣваемая и обвиняемая. Ея рѣшительность и предпріимчивость были сильно надломлены. Она была, можетъ быть, совершенно искренна, когда 20-го декабря 1761 г. говорила Дашковой, что у нея нѣтъ никакихъ замысловъ и что вся надежда ея на Бога. Это посѣщеніе Дашковой и разговоръ съ Панинымъ о предложеніяхъ Шувалова [2] выслать Петра за гра-

[1] Разсказъ Екатерины: «Лишь со дня празднованія мира съ Пруссіей я стала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлали со времени смерти имп. Елисаветы»—схватить Петра. «Пять мѣсяцевъ отъ Дашковой скрывали всѣ сношенія со мной, а въ четыре послѣднія недѣли ей говорили какъ можно меньше». «La cour de la Russie», p. 202—214.

[2] «Рус. Арх.» 1863, стр. 384.

ницу могли быть началомъ ея рѣшимости бороться съ Петромъ вооруженною рукой — она увидала, что у нея есть сторонники даже и среди ея недавнихъ враговъ. Орловы [1] тогда же предлагали ей схватить Петра въ его дворцѣ, но она такъ же точно не рѣшилась на это, какъ и потомъ не рѣшалась слишкомъ отважно показывать свою фигуру въ дымѣ той агитаціи, которую вели Орловы.

Эта угнетенность и подавленность духа Екатерины въ первые мѣсяцы царствованія Петра подтверждается свидѣтельствомъ Бретейля, который писалъ отъ 2-го апрѣля: «Императрица такъ сильно предается своей печали и размышленіямъ, что по словамъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя видятъ ее, она перемѣнилась до неузнаваемости и здоровье ея подорвано до того, что ей скоро грозитъ могила. У нея уже три недѣли изнурительная лихорадка» [2].

Орловы были, особенно сначала, единственными посредниками между Екатериной и заговорщиками (гвардіей): «Главная тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ», говоритъ она. О ходѣ заговора Екатерина

---

[1] См. приведенную выше выдержку изъ разсказа Екатерины. По нашему мнѣнію, это могли быть только Орловы. Изъ людей, располагавшихъ военной силой, Екатерина кромѣ нихъ называетъ лишь гр. К. Разумовскаго и кн. М. Волконскаго, присоединившихся къ заговору ужъ незадолго передъ переворотомъ. Внезапный захватъ Петра открытой силой—это предпріятіе было совершенно во вкусѣ лейбъ-кампанцевъ Орловыхъ.

[2] «La cour de la Russie» p. 189.

знала только съ ихъ словъ, поэтому ея разсказъ о немъ есть въ сущности разсказъ Орловыхъ. Цифры, которыя она приводитъ, даны ей Орловыми, и можетъ быть потому оказались столь крупными [1], что фантазіи ея пришлось отправляться отъ цифръ тоже очень вздутыхъ.

Въ маѣ Дашкова со своимъ кружкомъ, отчасти можетъ быть извѣстнымъ Орловымъ, примыкаетъ къ заговору. Затѣмъ, уже въ іюнѣ, она вводитъ въ него Панина а послѣдній Разумовскаго и Волконскаго. Сопоставляя разсказы кн. Дашковой и Панина о днѣ 27-го іюня мы думаемъ, что сойдясь въ домѣ Дашковой, Панинъ, сама княгиня и Григорій Орловъ, прежде чѣмъ послѣдній уѣхалъ справляться о причинѣ ареста Пассека, условились въ общихъ чертахъ, какъ поступить въ случаѣ, если заговоръ дѣйствительно окажется открытымъ, и потомъ Дашкова, встрѣтивъ Ал. Орлова на улицѣ, только передала ему то, что было уже раньше рѣшено у нея съ Панинымъ и Григ. Орловымъ [2].

---

[1] Къ іюню въ заговорѣ участвовали будто бы 10 тыс. солдатъ и 30—40 офицеровъ.

[2] Дашкова разсказываетъ, что по условію Григ. Орловъ въ случаѣ важныхъ извѣстій о Пассекѣ долженъ былъ извѣстить о нихъ Панина черезъ своего брата,—но Панинъ молчитъ, объ этомъ визитѣ къ нему кого бы то ни было изъ Орловыхъ и передаетъ свое свиданіе съ Григоріемъ Орловымъ и Дашковой въ домѣ послѣдней такъ, какъ будто все тогда же было порѣшено между ними. Эта версія намъ кажется наиболѣе правдоподобной.

Весь заговоръ велся очень осторожно и со стороны Орловыхъ очень умно. Раздѣливъ заговорщиковъ на отдѣльныя партіи, они все время держали главенство въ своихъ рукахъ и съумѣли отстранить отъ него даже такого сановника, какъ Панинъ, и такой властолюбивый характеръ, какъ Дашкова. Послѣдней они молчали обо всемъ и предоставили самой довѣдываться до подробностей, а Панину четыре партіи заговорщиковъ были представлены всего четырьмя ротами съ ихъ капитанами [1].

Это хитрое раздѣленіе [2] заговорщиковъ на партіи и ихъ полное невѣдѣніе другъ о другѣ подтверждается и той нерѣшительностью и недоумѣніемъ, которыя сначала выказались въ Преображенскомъ полку утромъ 28-го іюня. Зная только свой маленькій кружокъ, ни одинъ заговорщикъ не зналъ всѣхъ участниковъ заговора. Каждый боялся начать, не увѣренный, что люди, стоявшіе съ нимъ рядомъ, поддержатъ

[1] Что Панинъ объ этихъ ротахъ узналъ отъ Орловыхъ, видно изъ его разсказа. По словамъ Панина, къ 26 іюня «*уже* четыре капитана имп. гвардіи были посвящены въ тайну и вмѣстѣ четыре роты, состоявшія подъ ихъ командою» (вотъ все что Панинъ зналъ о силахъ заговорщиковъ, когда по счету Екатерины ихъ было болѣе 10 тысячъ). Узнавъ объ арестѣ Пассека, Панинъ «вызвалъ къ себѣ Алексѣя Орлова и приказалъ ему предупредить четырехъ капитановъ своего полка»... Очевидно въ его глазахъ А. Орловъ, какъ заговорщикъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ начальника этихъ безъимянныхъ четырехъ капитановъ и если съ ними онъ сносился черезъ Орлова, то и узналъ онъ о нихъ, конечно, тоже черезъ Орлова.

[2] Указываемое Екатериной, «La cour de la Russie», стр. 203.

его. Но стоило Меньшикову крикнуть здравіе Екатеринѣ самодержицѣ, какъ весь полкъ сразу превратился въ ея приверженцевъ. Просто недовольные Петромъ присоединились къ тѣмъ, кто былъ «въ секретѣ» [1].

Первыми заговорщиками были несомнѣнно Екатерина и Орловы и послѣдніе выказали гораздо болѣе смѣлости и рѣшимости, чѣмъ императрица.

Екатерина, въ сущности, должна отказаться отъ иниціативы заговора или признаться въ противорѣчіи: въ одномъ мѣстѣ своего письма къ Понятовскому она говоритъ, что за шесть мѣсяцевъ до переворота она уже переписывалась съ главными руководителями его; въ другомъ же признается, что только въ день празднованія мира съ Пруссіей она рѣшилась окончательно.

Претензіи Дашковой на первенство замысла рушатся сами собой. Изъ ея «Записокъ» видно, что почти до половины іюня она ничего не знала о причастіи Ека-

[1] Послѣдствіемъ такого предусмотрительнаго образа дѣйствій Орловыхъ было то, что даже пруссаки Гольцъ и Шверинъ, подозрительно смотрѣвшіе на всѣхъ приближенныхъ къ Петру людей и обвинявшіе въ тайныхъ козняхъ И. И. Шувалова, Мельгунова и Волкова, не успѣли проникнуть въ тайну заговора. «Лица, на которыхъ смотрѣли какъ на заговорщиковъ, всего менѣе были виноваты въ заговорѣ. Настоящіе виновники работали молча и тщательно скрывались отъ публики», писалъ потомъ Фридрихъ II (Mémoires de Frédéric II», II, 227). Остается однако вопросомъ, чего болѣе было въ поведеніи Орловыхъ — осторожности или же разсчетливаго своекорыстія.

терины къ заговору и до 29-го іюня не догадывалась о важной роли въ немъ Орловыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ ихъ съ императрицей. Это ее достаточно изобличаетъ: до самаго переворота она знала лишь часть всѣхъ средствъ и сношеній заговора.

Въ своемъ разсказѣ Панинъ ничѣмъ не доказываетъ своего главенства въ заговорѣ и не даетъ намъ ничего новаго. Онъ только во всемъ повторяетъ Дашкову, часто очень убѣдительно подтверждая ея разсказъ [1] и въ дѣйствительности, вѣроятно, находился подъ бо̀льшимъ вліяніемъ ея, чѣмъ хочетъ сознаться; его нерѣшительный и малоизобрѣтательный умъ невольно долженъ былъ подчиняться кипучему и безпокойному воображенію княгини, которое всюду забѣгало ему впередъ и перебивало дороги [2].

Во всякомъ случаѣ и Дашкова, и Панинъ, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ словъ, вступили въ заговоръ, когда войска были уже отчасти приготовлены, и значитъ не рукою Дашковой заговоръ былъ заквашенъ, и не рукою Панина. Естественнѣе всего, что это было сдѣлано Орловыми: они были достаточно смѣлы и предпріимчивы для этого, имъ же переворотъ больше всего сулилъ и далъ выгодъ. Гра-

---

[1] Подробности см. въ Приложеніяхъ.

[2] Въ письмахъ гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову отъ 1763 и позднѣйшихъ годовъ постоянно упоминается, что Панинъ «слѣпо раболѣпствуетъ» Дашковой («Арх. кн. Воронцова», т. XXXI).

мота Орловыхъ на графское достоинство говоритъ между прочимъ: «они (т. е. Орловы) были первые изъ тѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ, которые сію Имперію отъ страннаго и несноснаго ига и Православную Греческаго исповѣданія церковь отъ раззоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія возведеніемъ насъ (т. е. Екатерины) на Всероссійскій Императорскій престолъ свободили, которое преславное дѣло и подлинно ихъ прозорливостію, разумомъ, смѣлостію и мудростію къ пользѣ и благополучію Отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ сея Имперіи, къ безсмертной ихъ славѣ, дѣйствительно и благополучно къ совершенству приведено» [1].

Если же всетаки Екатерина, Дашкова и Панинъ утверждаютъ, что замыселъ переворота принадлежитъ никому другому, какъ именно имъ, каждому отдѣльно, то причина этой ихъ общей ошибки понятна и они едва ли сознательно приписывали себѣ чужое дѣло. Вѣроятно, въ дѣйствительности это такъ почти и было: и Екатерина, и Дашкова, и Панинъ, всѣ собственнымъ сознаніемъ рѣшили, что власть Петра для нихъ — для самаго ли существованія, какъ это было, напр., у Екатерины, для горячаго ли и пылкаго сердца русской женщины, какъ у Дашковой, для блага ли русскаго государства, какъ у Панина — власть эта

[1] «Русск. Арх.», I, стр. 32.

для нихъ невозможна, что свергнутъ Петръ можетъ быть только переворотомъ и значитъ переворотъ этотъ необходимъ и желателенъ. Страстность желанія перемѣны, конечно, была разная въ каждомъ изъ этихъ честолюбивыхъ и упорныхъ людей. Каждый съ своимъ факеломъ вошелъ въ ту мглу неудовольствія, которая поднималась тогда въ Петербургѣ противъ Петра; за четыре недѣли до переворота они встрѣтились и съ той поры шли уже вмѣстѣ... Непригодная для агитаціи среди солдатъ и низшихъ офицеровъ Дашкова инстинктомъ угадала свою роль и напрасно старается расширить ее въ своихъ «Запискахъ». Она безошибочно указала минуту дѣйствія, своей пылкой энергіей поддержала товарищей и авторитетъ Панина далъ рѣшимость Орловымъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дни 28 и 29 іюня 1762 г. были самые свѣтлые во всей жизни Дашковой. Они сразу дали имени ея всесвѣтную извѣстность и подробности ихъ она запомнила съ точностью и живостью чрезвычайной. Описаніе этихъ дней составляетъ самыя оживленныя страницы ея Записокъ [1].

Блестящій успѣхъ увѣнчалъ тревоги предшествовавшихъ недѣль. Среди общаго радостнаго шума и сумятицы Дашкова чувствовала себя первымъ послѣ императрицы лицомъ во всей имперіи русской. На безмѣрномъ пространствѣ, которое разстилалось передъ нею съ ея новой высоты, она не видѣла никого, кто бы равнялся ей по близости къ императрицѣ и по заслугѣ передъ нею. Она находилась въ томъ восторженномъ настроеніи, когда наносятъ сокрушающіе удары, но врагъ уже перестаетъ казаться

[1] Только не въ лондонскомъ изданіи г-жи Брадфордъ, которая для большей будто бы литературности и послѣдовательности изложенія передѣлала подлинный текстъ Записокъ княгини и перетасовала всѣ факты.

врагомъ. Рѣшительно и настойчиво она предостерегаетъ императрицу отъ возможныхъ недосмотровъ, ревниво оберегая блескъ достигнутаго успѣха.

Когда Екатерина совѣщалась съ сенаторами о необходимыхъ манифестахъ, Дашковой пришло въ голову, что Петръ можетъ проникнуть въ Петербургъ переодѣтый. Эта черезвычайно тревожная для романическаго воображенія княгини мысль не давала ей покоя. Дашкова не могла дождаться конца совѣщанія, вошла въ залу совѣта и, подойдя къ императрицѣ, передала ей свои опасенія. Екатерина велѣла послать дозоры къ устьямъ Невы и Фонтанки съ необходмыми приказаніями и потомъ объяснила собранію «кто такой былъ этотъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, одѣтый въ гвардейскій мундиръ, такъ смѣло нарушившій порядокъ совѣщанія. И всѣ эти почтенные отцы отечества поднялись со своихъ мѣстъ и привѣтствовали меня».

Въ Красномъ Кабачкѣ, гдѣ на пути въ Петергофъ Екатерина остановилась съ гвардіей для кратковременнаго отдыха, нашли всего одну постель, но широкую. Императрица и Дашкова легли рядомъ на одномъ плащѣ, защищавшемъ ихъ отъ окружавшей ихъ грязи. Возлѣ изголовья Дашкова увидала маленькую дверь. «Мною овладѣли опасенія. Вставъ, я отворила эту дверь и увидѣла, что она ведетъ въ небольшія сѣни съ выходомъ на дворъ. Я поставила снаружи двухъ конногвардейцевъ, приказавъ имъ не оставлять безъ меня своего поста и никого не допускать до этой двери». Дашкова видимо хотѣла

выставить, что она не забывала о предосторожностяхъ даже и тогда, когда всѣ другіе были расположены къ самоувѣренной безпечности. Но дозорные при устьѣ Фонтанки и конногвардейцы у сѣнцевъ Краснаго Кабачка напрасно простояли свое время на постахъ: ни малѣйшая опасность не угрожала мѣстамъ, встревожившимъ подозрительность Дашковой.

Въ своемъ дѣлѣ, какимъ Дашкова считала переворотъ [1], и въ обстоятельствахъ трудныхъ она хотѣла сама всюду поспѣвать, обо всемъ заботиться и за всѣхъ безпокоиться, — въ этомъ и еще въ ея молодой неопытности заключается разгадка ея мелочной подозрительности къ пустякамъ. Она втайнѣ была конечно увѣрена, что могла бы все сдѣлать и все сообразить никакъ не хуже другихъ.

Въ Петергофѣ она цѣлый день провела въ счастливой суетѣ, набирая порученій отъ императрицы и бѣгая съ ними по комнатамъ дворца. Въ одной изъ нихъ она неожиданно увидала Григорія Орлова. Онъ лежалъ на канапе—у него болѣла нога—и распечатывалъ большіе пакеты съ государственными бумагами. Дашкова спросила его, почему онъ это дѣлаетъ.

— Императрица приказала мнѣ ихъ вскрыть, отвѣчалъ онъ.

— Сомнѣваюсь, они могли бы остаться подъ печатями еще нѣсколько дней, пока императрица не на-

[1] Или *революцію*, какъ она выражается.

значила бы для того особыхъ сановниковъ, но ни вы, ни я къ этому не пригодны.

Она ушла... Ее ожидало объясненіе съ солдатами дворцоваго караула, которые выкатили изъ погребовъ бочки съ виномъ и пили венгерское изъ своихъ шляпъ, принимая его за молодой медъ. Офицеровъ они уже не слушали. Дашкова однако быстро уговорила ихъ прекратить пьянство, обѣщая, что въ Петербургѣ имъ будутъ открыты всѣ кабаки.

Дашковой пришлось имѣть еще нѣсколько подобныхъ же объясненій съ солдатами. Они видимо чрезвычайно нравились молодой женщинѣ. Ей нравилось появляться въ нихъ совсѣмъ не въ женской роли, нравилось послушаніе, которое оказывали ей эти грубые и распущенные люди—въ немъ она видѣла признаки таинственнаго обаянія, окружавшаго ея имя среди солдатъ,— и особенно нравилась она сама въ офицерскомъ мундирѣ, такъ хорошо обтягивавшемъ ея ноги и животъ. Относительно солдатъ въ ней подъ конецъ дѣлается замѣтной увѣренность, что они всѣ поголовно были душою ея люди и конечно пошли бы за ней безпрекословно.

Екатерина позвала ее обѣдать. Съ неудовольствіемъ Дашкова увидала, что столъ, накрытый на три прибора, придвигаютъ къ канапе, на которомъ лежалъ Орловъ. Императрица замѣтила перемѣну въ выраженіи ея лица и спросила, что съ нею.

— Ничего. Я ужасно устала, — пятнадцать дней я почти не спала совсѣмъ.

Екатерина стала просить Дашкову поддержать ее противъ Орлова.

— Посудите сами, какой я буду казаться неблагодарной, если позволю ему выйти въ отставку.

Дашкова сухо отвѣчала, что въ ея волѣ блистательно наградить его, не принуждая его къ продолженію службы. «Съ этой минуты я поняла,—говоритъ она,—кѣмъ былъ для нея Орловъ и огорченіе мое было безутѣшно, ибо я предвидѣла, что она не съумѣетъ скрыть это».

Въ Петербургъ Дашкова вернулась вмѣстѣ съ Екатериной 30-го іюня, и тутъ въ первый разъ за всѣ эти три дня оставила ее, чтобы увидѣться со своими родными.

Положеніе ихъ было совершенно противоположно положенію Дашковой,—изъ первыхъ приближенныхъ государя они вдругъ сдѣлались опальными.

Воронцовы открыто держались придворной партіи, тѣснившейся кругомъ Петра. Кромѣ долга присяги, къ этому ихъ побуждали и ихъ фамильные интересы: Екатерина не любила и, можетъ быть, даже ненавидѣла [1] канцлера гр. М. Л. Воронцова, который

[1] Съ обычной задорной рѣзкостью своего отзыва Екатерина говоритъ о немъ въ примѣч. на книгу аб. Денины: свергнувшій Бестужева «Воронцовъ былъ отъявленный лицемѣръ и работалъ тому, кто больше давалъ: нѣтъ иностраннаго двора, который бы не платилъ ему». («Рус. Арх.» 1878, II, 288). Этой фразой слѣдуетъ мѣрить, конечно, не столько нравственныя качества М. Л. Воронцова, сколько раздраженіе противъ него Екатерины.

въ Бестужевскую исторію 1758 г. поставилъ ее на край погибели. Возвышеніе Екатерины грозило бы неминуемымъ паденіемъ всѣмъ Воронцовымъ, ибо графъ-канцлеръ былъ вожакомъ благоденствія своего рода при дворѣ и въ свои хорошіе, и въ дурные дни. Это естественнымъ образомъ отвращало ихъ отъ Екатерины. Съ другой стороны, «случай» Лизаветы Романовны [1], обольщавшій надеждою породниться съ тономъ, неудержимо привлекалъ ихъ къ Петру, ихъ законному государю. Положеніе было очень опредѣленное и Воронцовы,—покрайней мѣрѣ самъ канцлеръ,—еще досмерти Елисаветы ясно показали, что они намѣрены были вполнѣ воспользоваться его выгодами.

Когда въ концѣ декабря 1761 г. императрица Елисавета почувствовала себя дурно, то захотѣла говорить съ канцлеромъ гр. Воронцовымъ объ общемъ положеніи государства, но отложила разговоръ до слѣдующаго дня. Этимъ разговоромъ гр. Мерси, австрійскій посланникъ, совѣтовалъ канцлеру воспользоваться для того, чтобы уговорить императрицу взять съ

[1] Кстати: гр. А. Р. Воронцовъ въ своей автобіографической «Запискѣ» («Арх. кн. Воронцова», V, 21) говоритъ, что эту связь «можно было наименовать платонической». Екатерина же прямо называетъ Л. Воронцову въ своемъ манифестѣ отъ 6-го іюля 1762 г. Петръ упрашивалъ «чтобы мы его отпустили съ Елисаветой Воронцовой да съ Гудовичемъ въ Голстинію». («Осмн. вѣкъ», IV, стр. 221). Я. Штелинъ, перечисляя тѣхъ, кто былъ съ Петромъ на галерѣ, когда онъ ѣхалъ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, говоритъ кратко: — г-жа Помпадуръ, т. е. Л. Воронцова (Соч. Держ., Спб. 1883, IX, 294).

Петра обѣщаніе придерживаться въ будущемъ ея иностранной политики и не дружиться съ прусскимъ королемъ. На слѣдующій день однако императрицѣ вдругъ стало лучше и она отмѣнила свое первоначальное намѣреніе. Послѣ вторичнаго приступа болѣзни императрицы канцлеръ «выказалъ такъ много слабости и боязливости, что слегъ въ постель и хотя, какъ мнѣ [1] достовѣрно извѣстно, его легкое нездоровье никакъ не могло препятствовать ему выйти, онъ удалился какъ бы съ намѣреніемъ отъ умиравшей государыни и не видалъ ее до смерти». Онъ видимо опасался разговора съ нею, боясь раздражить Петра, который не задолго передъ тѣмъ обѣщалъ ему по своемъ воцареніи оставить его въ канцлерской должности [2]. Былъ рискъ кромѣ того, что при этомъ случаѣ императрица заговоритъ и о совершенномъ устраненіи Петра отъ престола, что окончательно затруднило бы канцлера. Чтобы не помѣшать Петру воцариться и не лишить себя его милостей онъ предпочелъ просто отдалиться въ рѣшительную минуту отъ умиравшей императрицы.

Прошло немного времени и Воронцовы могли убѣдиться, что дворцовое положеніе ихъ не только не укрѣпилось, но даже было потрясено въ основаніи. Всѣ разсчеты ихъ опирались на отношенія Петра къ

---

[1] Депеша гр. Мерси, отъ 31 декабря 1761 г. «С. И. О.», т. XVIII, стр. 26—27.

[2] Ibidem, стр. 12.

Лизаветѣ Воронцовой, и въ этомъ оказалась крупная ошибка съ ихъ стороны.

Лизавета Воронцова, по выраженію Бретейля, напоминала трактирную служанку. Она была дурна собою, груба и ограничена сердцемъ еще болѣе, чѣмъ умомъ. Воспитывалась она во дворцѣ императрицы Елисаветы и родныхъ своихъ видѣла въ одно время и въ одной толпѣ вмѣстѣ съ прочими придворными. У ней неоткуда было образоваться даже той полуживотной привязанности къ нимъ, которая состоитъ наполовину изъ благодарности къ пѣстунамъ, на-половину изъ воспоминаній о минутахъ довольства, сытости и тепла, пережитыхъ заодно съ ними. Наоборотъ, она привыкла отдѣлять ихъ отъ дворцовой комнатной жизни, которая одна только и занимала ее. Выведенная случайностью на освѣщенное мѣсто, она думала только о себѣ, о Петрѣ, о развлеченіяхъ дня, но очень мало о своихъ родныхъ[1], всю щедрость Петра сберегая для себя. Она не была способна ни къ какой политической роли. Честолюбіе ея было самое низменное: она хотѣла торжества надъ женщиной, стоявшей выше ея, желала пріятной жизни, роскоши, угодничества, но не владычества, не большихъ средствъ для своихъ замысловъ, которыхъ у нея не было.

Собственными своими силами она не съумѣла бы придать блескъ и значеніе своей фамиліи и для род-

[1] Это говоритъ о ней Дашкова; то же подтверждаетъ и гр. М. Л. Воронцовъ. См. «Арх. князя Воронцова», т. XXI, стр. 66, 86, и т. XXXI, стр. 180.

ныхъ своихъ могла только выпрашивать. Она однако не часто дѣлала и это, сама же обращаясь со своимъ отцомъ очень пренебрежительно [1].

Такимъ образомъ фаворъ ея, заслоняя собою всѣ личныя заслуги Воронцовыхъ, всѣ ихъ достоинства и лишая ихъ прежняго независимаго положенія при дворѣ, ставилъ всю судьбу ихъ рода въ зависимость отъ придворной удачи [2] женщины пошлой и вульгарной и невѣрнаго счастія государя, которому никто не желалъ продолжительнаго царствованія [3]. Проигрышъ для нихъ былъ очевидный, тѣмъ не менѣе, въ короткое царствованіе Петра всѣ Воронцовы получили отъ него разныя милости и тѣмъ рѣшительно связали себя и свое будущее съ его личностью, ибо милости эти были чисто личныя.

Гр. М. Л. Воронцовъ остался канцлеромъ и послѣ принца Георга, дяди Екатерины, былъ самымъ замѣтнымъ и вліятельнымъ вольможей новаго двора. Онъ, однако, долженъ былъ совершенно отказаться отъ своей прежней иностранной политики и сообразно съ желаніемъ Петра устраивать союзъ ужъ не съ Австріей и Франціей, а съ Пруссіей противъ этихъ двухъ государствъ. Онъ постоянно жаловался графу Мерси на такое свое «непріятное положеніе», самъ признавался въ своемъ безсиліи, въ томъ, «что не имѣетъ возможности отправлять свою должность съ пользою для истинныхъ интересовъ своего госу-

[1] См. объ этомъ у Дашковой.
[2] См. Приложенія.
[3] Панинъ.

даря и отечества [1]», однако же продолжалъ отправлять ее.

Несмотря на тогдашнее разстройство нашихъ денежныхъ дѣлъ, онъ счелъ возможнымъ въ мартѣ 1762 г. просить Петра взять въ казну домъ его за 250,000 руб. или же выдать ему взаймы изъ мѣднаго банка безъ процентовъ 300,000 руб. «Довольно понимаю я, всемилостивѣйшій государь,—прибавлялъ онъ,—что въ настоящихъ обстоятельствахъ [2] казна в. величества великіе расходы имѣть должна, но когда нынѣ, при счастливомъ вашемъ царствованіи Всемогущій Богъ Европѣ драгоцѣнный міръ ниспосылаетъ, слѣд. и всѣ чрезвычайныя въ государствѣ издержки прекратятся, а по возвращеніи арміи и расточенные многіе милліоны въ Россію возвратиться имѣютъ, то и полагаюсь я съ совершенною надеждою на сродное

[1] «С. И. О.», т. XVIII, стр. 220—221, депеша гр. Мерси отъ 4-го марта 1762 г.

[2] «Настоящія обстоятельства» денежныя въ Россіи были тогда дѣйствительно плохи. Изъ 15,350,000 руб. расходовалось на войско 10,418,000. Дефицитъ на 1762 г. былъ высчитанъ въ 1,152,023 р. Чтобы облегчить расплаты и увеличить запасъ денегъ особенно въ виду предстоявшей войны съ Даніей, Петръ издалъ 25-го мая постановленіе объ учрежденіи бумажнаго банка. Онъ повелѣвалъ: «надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ рублей на разныя суммы, а именно на 10, 50, 100, 500 и 1000 руб. По надѣланіи вдругъ (!) сихъ пяти милліоновъ, будутъ оные тотчасъ раздѣлены по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобы сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили».

вашему императорскому величеству милосердіе, что сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе милостиво услышать соизволите» [1].

Жена канцлера гр. Анна Карловна получила отъ

---

[1] «Исторія Россіи». С. Соловьева, т. XXV, стр. 70 — 71. Не объ этомъ ли прошеніи ген. Корфъ 25-го марта того года наказывалъ Болотову послѣ своего обѣда съ государемъ: «Съѣзди къ Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову, поклонись ему отъ меня и скажи, что я съ Государемъ о извѣстномъ дѣлѣ говорилъ и ему то вручилъ, о чемъ онъ уже знаетъ и что Государь принялъ то съ отмѣннымъ благоволеніемъ и очень милостиво, и былъ тѣмъ очень доволенъ». Болотовъ отправился и, войдя въ пріемную канцлера, опѣшилъ,—въ громадной комнатѣ сидѣло въ разныхъ мѣстахъ вдоль стѣнъ множество молодыхъ и пожилыхъ людей и всѣ молчали. Болотовъ никогда прежде не видалъ Воронцова. Минуты двѣ простоялъ онъ «въ пень», не зная даже кому поклониться, пока, наконецъ, хозяинъ самъ не спросилъ, отъ кого онъ присланъ, и, узнавъ, что отъ Корфа, воскликнулъ: «А, это, конечно, ко мнѣ; пожалуй, мой другъ, сюда поближе и скажи что такое?» Когда Болотовъ пересказалъ ему все, Воронцовъ былъ очень обрадованъ, велѣлъ благодарить Корфа и оставилъ Болотова у себя выпить чашку чаю. (Болотовъ, «Записки», II, 183—184). Во всякомъ случаѣ это дѣло при Петрѣ не было завершено окончательно и лишь 5 августа 1763 г. канцлеръ написалъ гр. А. Р. Воронцову: «вчера изволила Ея Императорское Величество подписать указъ о взятіи дома моего въ казенное коллегіи Иностранныхъ дѣлъ вѣдомство на чинъ канцелярской, съ выдачею мнѣ изъ казны двухъсотъ семнадцати тысячъ рублевъ, въ которую зачтены должныя мною въ мѣдный банкъ и въ таможню деньги, да уступлена еще мнѣ остающаяся на республикѣ Голландской съ 1748 года недоимка изъ субсидныхъ денегъ ста и девяносто тысячъ гульденовъ («Арх. кн. Воронцова«, т. V, стр. 127). Кромѣ того Екатерина позволила Воронцову въ качествѣ канцлера жить въ этомъ канцлерскомъ уже домѣ. Самый указъ см. «Арх. кн. Воронцова» т. XXX, стр. 239.

Петра орденъ св. Екатерины [1] и ей же было подарено имъ «4,800 душъ очень зажиточныхъ крестьянъ, изъ которыхъ большинство занимается домашними промыслами, въ двадцати или около того нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы» [2].

Отецъ Лиз. Романовны, графъ Романъ Ларіоновичъ, сенаторъ, хотя человѣкъ и не безупречной служебной нравственности [3], получилъ при Петрѣ орденъ св. Андрея, былъ у него довѣреннымъ лицомъ [4] и принималъ большое участіе въ его попойкахъ и забавахъ [5].

Братъ ея, графъ Ал. Р. Воронцовъ, въ февралѣ 1762 г. былъ назначенъ полномочнымъ министромъ

---

[1] Когда Екатерина вступила на престолъ, гр. Воронцова хотѣла возвратить этотъ орденъ обратно, но Екатерина снова возложила его на нее. Очевидно сама гр. Анна Карловна считала это пожалованіе Петра знакомъ вниманія очень личнаго.

[2] Такъ говоритъ гр. Мерси въ своей депешѣ отъ 19 марта 1762 г. («С. И. О.», т. XVIII, стр. 193). Это было село Кимры, объ устройствѣ котораго гр. М. Л. Воронцовъ писалъ лѣтомъ племяннику гр. Ал. Р—чу и просилъ его пріискать въ Англіи хорошихъ мастеровъ по кожевенному и сапожному дѣлу для обученія мѣстныхъ кустарей, которыхъ онъ насчитывалъ до тысячи человѣкъ. («Арх. кн. Воронц.», т. XXXI, стр. 228—229).

[3] Впослѣдствіи онъ былъ тѣмъ Владимірскимъ губернаторомъ-взяточникомъ, которому Екатерина на имянины прислала съ курьеромъ пустой кошелекъ. См. «Зап. А. Т. Болотова», т. III, 892—893 и кн. Щербатовъ, «О повр. нравовъ въ Россіи». «Русск. Стар.», 1871, III, 683—684.

[4] См. разсказъ Я. Штелина о дняхъ 28 и 29 іюня въ Петергофѣ. Соч. Держ., Спб., 1883, т. IX, 287—295.

[5] «Русск. Арх.», 1879, I, 59.

нашимъ въ Лондонъ, хотя ему было всего двадцать лѣтъ [1]. Предшественникъ его, князь Голицынъ, еще при Елисаветѣ былъ вызванъ въ Россію на вице-канцлерское мѣсто.

Другой братъ, гр. Семенъ Роман. Воронцовъ, «въ знакъ особеннаго благоволенія императора» (выраженіе его біографа г. Рябинина [2]) былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей съ придворнымъ званіемъ камеръ-юнкера и лишь по собственному желанію былъ перечисленъ въ Преображенскій полкъ поручикомъ. Когда же объявленъ былъ походъ противъ Даніи, то Петръ послалъ гр. С. Р—ча курьеромъ къ графу П. А. Румянцеву [3].

Близостью своихъ родныхъ къ Петру пользовалась отчасти и сама Дашкова [4]. Надо вообще думать, что въ

---

[1] Род. 4 сент. 1741 г.

[2] «Русск. Арх.», 1879, I, 62.

[3] Нѣкоторыя прочія пожалованія императора роднымъ его фаворитки см. въ письмѣ гр. Р. Л. Воронцова къ А. Р. Воронцову отъ 28-го декабря 1761 г. («Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 54).

[4] Гр. А. Воронцовъ писалъ кн. Дашковой отъ 17 апр. 1763 г.: «Вы обязаны своей сестрѣ назначеніемъ вашего мужа посланникомъ въ Константинополь и тысячью мелкихъ снисхожденій, которыя вамъ были оказаны. Вы не можете также отрицать того, что благодаря ей одной вы избавились отъ поѣздки въ Москву, куда васъ хотѣли послать, для чего она вамъ предложила и домъ, отданный для нея самой (?) («Арх. князя Воронцова», т. V, стр. 172). Впрочемъ нѣсколькими мѣсяцами раньше онъ же писалъ ей: «Вы мнѣ скажете, можетъ быть, что сестра наша Лизавета во время своей силы не сдѣлала для васъ всего, что могла сдѣлать. *Я былъ свидѣтелемъ невозможности для нея этого*» (ibidem, стр. 160). Трудно сказать, на что именно здѣсь наме-

это время отношенія кн. Дашковой къ родной семьѣ были хорошія и, когда князь М. И. Дашковъ уѣхалъ въ Константинополь, общая внимательность къ ней даже усилилась. Разсказывая о случившейся у нея покражѣ бѣлья и присылкѣ ей Лизаветой Романовной куска голландскаго полотна, отъ котораго она однако отказалась, Дашкова называетъ ее «cette bonne soeur» (въ этомъ эпитетѣ, можетъ быть, есть и часть благодарности за удаленіе князя Дашкова изъ Петербурга). Отецъ ея Романъ Ларіоновичъ устроилъ ей пріобрѣтеніе куска земли на Петергофской дорогѣ и обѣщалъ выстроить ей тамъ дачу. Канцлеръ приглашалъ ее въ помощь своимъ домашнимъ, когда къ нему пріѣзжалъ Петръ и, будучи боленъ, онъ самъ не могъ встрѣтить его.

Къ веснѣ 1762 г. положеніе Воронцовыхъ сдѣлалось трагическимъ. Неспособность Петра къ правленію была очевидна. Чувствовалось ясно, что эта слабая безпорядочная власть скоро должна прекратиться, но никто не зналъ, откуда придетъ гроза. Воронцовы понимали это, можетъ быть, лучше дру-

---

каетъ гр. А. Воронцовъ. Очевидно кн. Дашкова просила о чемъ-то и Лизавета Ром—на отказала поддержать ея просьбу передъ государемъ. Время, когда гр. Воронцовъ могъ быть *свидѣтелемъ* возможности или невозможности чего либо для Лиз. Романовны, было ранней весной 1762 г.: онъ пріѣхалъ тогда изъ Вѣны въ Петербургъ на короткій срокъ и прожилъ здѣсь отъ 3-го февр. до 17—19 апрѣля. Лиз. Романовна тогда дѣйствительно была въ ссорѣ съ Петромъ и мало что могла сдѣлать для родныхъ своихъ. О колебаніи придворнаго счастія ея см. Приложенія.

гихъ и видѣли въ то же время, что узы, связывавшія ихъ съ Петромъ, были слишкомъ крѣпки, слишкомъ неразрывны и должны были вмѣстѣ съ нимъ увлечь ихъ къ паденію.

27-го іюня придворный ювелиръ Позье почти весь день провелъ въ Ораніенбаумѣ и присутствовалъ при обычныхъ развлеченіяхъ Петра. Вечеромъ, обѣдая у канцлера, онъ осмѣлился тихо сказать хозяйкѣ дома по-французски:

— Ваше превосходительство, что вы объ этомъ думаете? Я по крайней мѣрѣ очень боюсь, какъ бы не случилось чего нибудь ужаснаго и долженъ вамъ признаться, что видя все, что я вижу теперь, я не совсѣмъ спокоенъ.

— Вы правы, отвѣчала она мнѣ, я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойна чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ. Но нужно молчать и предоставить все на волю Господню. При этомъ графиня не могла удержаться отъ слезъ.

— Я знаю, что вы насъ любите, продолжала она, но ведите себя осторожнѣе, чтобы съ вами не случилось чего нибудь при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся [1].

Весьма естественно, что въ день 28-го іюня 1762 г. Воронцовы выказали значительную приверженность къ Петру III, т. е., въ глазахъ Екатерины, упорное недоброжелательство къ ней. О графѣ М. Л. Ворон-

[1] «Записки Позье», «Рус. Стар.», 1870, I, 214.

цовѣ часто можно прочитать, будто бы онъ, пріѣхавъ 28 іюня въ Петербургъ посломъ отъ Петра и видя безплодность своихъ увѣщаній къ Екатеринѣ, рѣшительно отказался присягать ей «при жизни императора» и присягнулъ лишь послѣ смерти Петра. Такъ разсказываетъ, напр., княгиня Дашкова въ своихъ «Запискахъ», то же повторяетъ и гр. А. Воронцовъ и, кажется, черезъ нихъ-то басня эта и распространилась въ исторической литературѣ. Соловьевъ приводитъ письмо графа М. Л. Воронцова къ Екатеринѣ отъ 28-го іюня[1], въ смиренныхъ выраженi-

[1]) Вотъ это письмо: «Всемилостивѣйшая государыня! По неиспытаннымъ судьбамъ Всемогущаго угодно было васъ на императорскій престолъ возвести, я за первую должность мою почелъ, припадая къ стопамъ вашего императорскаго (величества пропущено) всенижайше просить о милостивомъ увольненіи отъ настоящаго моего чина и пожаловать великодушно свободить меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ достальную жизнь мою въ тишинѣ и покоѣ препроводить и скончать. Не возмни, всемилост. государыня, чтобы я для какихъ либо видовъ или охоты не имѣлъ жизнь мою въ службѣ в—го в—ства окончить, но единственно призываю Всевышняго въ свидѣтельство, что я отнюдь не въ состояніи за весьма изнуреннымъ моимъ здоровьемъ и ежедневными разными болѣзнями одержимъ будучи не могу, какъ бы желалъ, должность мою исправлять. Равномѣрное мое прошеніе было вѣчно достойной памяти государынѣ императрицѣ еще въ прошломъ году и по вступленіи на престолъ его величества, токмо сея милости получить не удостоился, которую изъ щедрыхъ рукъ вашего императорскаго величества съ оказаніемъ сроднаго твоего милосердія ожидаю и повергаю себя къ стопамъ вашего величества съ рабскимъ благоговѣніемъ пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Г. Михаилъ Воронцовъ». («Ист. Рос.», XXV, 112).

яхъ умоляющее объ отставкѣ. «Изъ этого письма,— справедливо замѣчаетъ Соловьевъ,—никакъ нельзя догадаться, что писавшій его отказался принести присягу; притомъ послѣднее исключало надобность проситься въ отставку: не присягнувшій не могъ служить, но Воронцовъ остался на службѣ въ прежнемъ канцлерскомъ достоинствѣ».

Въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера кн. Дашковъ говоритъ: «Неправда будто бы дядя мой великій канцлеръ гр. Воронцовъ присягнулъ императрицѣ. Напротивъ, онъ отказывался отъ присяги и присягнулъ только тогда, когда послѣдовала кончина императора» [1] т. е. послѣ 7-го іюля. Однако, въ письмахъ къ гр. А. Р. Воронцову, канцлеръ съ первыхъ же дней царствованія Екатерины отзывается о ней какъ почтительнѣйшій и преданнѣйшій вѣрноподданный; самый переворотъ именуется имъ «славнымъ и благополучнымъ происшествіемъ» и въ письмѣ отъ 2-го іюля онъ говоритъ прямо: «теперь, слава Богу, спокойно и благополучно окончено все, и Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Государыня, *единодушно признана отъ всѣхъ подданныхъ за Императрицу и Самодержицу*» [2]. Этого единодушія, конечно, не могло бы быть, еслибы въ числѣ прочихъ не присягнулъ и самъ канцлеръ.

Несомнѣнно, что присяга была принесена Воронцовымъ въ самый день переворота.

---

[1] «Рус. Арх.», 1877, II, 360.

[2] «Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 165.

Екатерина такъ описываетъ пріѣздъ гр. Воронцова въ Петербургъ 28-го іюня: «подъѣзжаетъ канцлеръ Воронцовъ и упрекаетъ меня за отъѣздъ изъ Петергофа. Его ведутъ въ церковь приносить мнѣ присягу, — это былъ весь мой отвѣтъ» [1]. Пренебреженіе торжествующей побѣдительницы къ побѣжденному слишкомъ слышится въ этихъ словахъ и, такъ какъ дымъ о героизмѣ канцлера передъ лицомъ Екатерины пошелъ вѣроятно все-таки не безъ какого нибудь огонька, то мы предпочитаемъ всѣмъ другимъ [2] разсказъ объ этомъ эпизодѣ Н. И. Панина: «Петръ послалъ въ Петербургъ канцлера графа Воронцова сообщить императрицѣ, что онъ удивляется тому, что̀ тамъ дѣлается и приглашаетъ ее возвратиться къ повиновенію ему, императору. Канцлеръ увидѣлъ площадь передъ дворцомъ занятою войсками, уже признавшими Екатерину. Онъ честно и благородно выполнилъ данное ему порученіе, но изложенное имъ требованіе было отвергнуто, а самому ему не дозволено возвратиться въ Петергофъ. Онъ просилъ позволенія, которое и было ему дано, написать Петру и сообщить о неуспѣхѣ возложеннаго на него порученія. Онъ показалъ письмо [3],

---

[1] «La cour de la Russie», 207.

[2] См. Приложенія.

[3] Которое, если и было пропущено изъ Петербурга, окруженнаго цѣпью постовъ, то все-таки не могло дойти до Петра. По разсказу Дашковой Воронцовъ пріѣхалъ въ Зимній дворецъ передъ самымъ выступленіемъ Екатерины съ гвардіей въ Петергофъ, т. е. въ девятомъ часу вечера, а около 10 ч. вечера Петръ уже выѣхалъ въ Кронштадтъ изъ Петергофа. (См. разсказъ Як.

которое было написано очень хорошо и кончалось заявленіемъ, что, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи Государя, онъ наконецъ подчинился народной волѣ и принесъ присягу въ вѣрности Государынѣ, вступившей нынѣ на Россійскій престолъ. По отсылкѣ письма, графъ Воронцовъ отправился въ церковь для принесенія присяги императрицѣ».

Въ этихъ словахъ Воронцовъ не является пирамидой неколебимой вѣрности разъ данной присягѣ, какъ его хочетъ изобразить читателю княгиня Дашкова, но за то онъ не похожъ и на трусливаго царедворца, уступающаго первому звуку обращеннаго къ нему требованія. Екатерина подчеркнула смѣшное, бывшее въ положеніи Воронцова, Панинъ, самъ царедворецъ, оцѣнилъ благородную закалку характера, не забывшаго о своемъ достоинствѣ тамъ, гдѣ другіе думали только о благосклонности новой повелительницы или о своемъ спасеніи. Разсказъ Панина примиряетъ въ себѣ много подробностей, передаваемыхъ другими извѣстіями, и въ то же время не противорѣчитъ письму Воронцова объ отставкѣ. Онъ простъ, подробенъ и правдоподобенъ и поэтому, вѣроятно, въ немъ болѣе истины, чѣмъ во всѣхъ прочихъ.

Графъ Романъ Ларіоновичъ, по разсказу его сына гр. С. Р—ча [1], былъ арестованъ въ своемъ собствен-

---

Штелина о пребываніи Петра III въ Петергофѣ 28-го іюня (Соч. Держ. 1883, т. IX, 287—295).

[1]) «Русск. Арх.» 1879, I, 65.

номъ домѣ вмѣстѣ съ дочерью Лизаветой Р—ной, но содержался отдѣльно отъ нея; 8-го іюля онъ былъ вызванъ во дворецъ къ пріему императрицы [1] и вскорѣ послѣ того высланъ въ Москву [2]. Одновременно съ нимъ [3] Лизавета Воронцова была отправлена въ дормезѣ, чтобы никто не могъ видѣть ее [4], сначала въ Москву, а потомъ въ имѣніе ея отца близь Оконо [5]. Гр. С. Р. Воронцовъ, служившій въ Преображенскомъ полку, во время переворота пытался удержать свою роту въ вѣрности Петру, былъ арестованъ и выпущенъ лишь черезъ 11 дней послѣ того. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ «дворянином посольства» въ Вѣну.

Въ «Запискахъ» своихъ Дашкова разсказываетъ свои встрѣчи съ дядей-канцлеромъ, отцомъ и сестрой Лизаветой, на третій день послѣ переворота. Въ утро этого дня она прямо отъ Екатерины поѣхала прежде всего къ дядѣ, дворецъ котораго былъ ближе.

Дядя-канцлеръ встрѣтилъ ее предсказаніями о непрочности дружбы государей и проводилъ воспоминаніями объ интригахъ и огорченіяхъ, которыхъ онъ не избѣгъ даже при дворѣ Елисаветы, хотя она ему была многимъ обязана и онъ искренно былъ ей преданъ.

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 102.

[2] Уѣхалъ 13-го іюля («Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 170); пріѣхалъ же въ Москву лишь 2-го августа, (ibidem, стр. 170).

[3] См. депешу Р. Кейта отъ 12-го іюля («С. И. О.» XII, 23).

[4] Разсказъ Панина (Рус. Арх.» 1879, I, 369).

[5] Р. Кейтъ («С. И. О.» XII, 23).

Отца своего она нашла въ сильномъ раздраженіи. Онъ сердился на множество караульныхъ, поставленныхъ къ нему въ домъ, которые давали ему видъ человѣка подозрительнаго и опальнаго, но больше всего на то, что къ нему пріѣхала его дочь графиня Лиз. Воронцова, недавняя фаворитка Петра III. Дашковой пришлось образумливать его, доказывая, что домъ отца для Лизаветы Романовны теперь единственное убѣжище, въ которомъ ей нельзя отказать, но что она, конечно, сама не замедлитъ уѣхать, когда это станетъ возможнымъ. «Онъ никогда не выказывалъ къ ней особенной нѣжности и пренебреженіе, съ которымъ она держалась относительно его (послѣ первыхъ же дней царствованія Петра онъ представлялъ изъ себя совершенный нуль по значенію и вліянію [1]), мало поправляли дѣло», замѣчаетъ Дашкова. Романъ Ларіоновичъ едва отпустилъ ее отъ себя. Въ комнатѣ сестры Дашкову встрѣтили рыданія и увѣренія въ полной непричастности къ поведенію Петра III. Дашкова старалась успокоить сестру, увѣряя, что ничего ужаснаго ей не предстоитъ, что императрица вовсе не раздражена противъ нея и желаетъ одного отсутствія ея на праздникахъ коронаціи [2].

Екатерина дѣйствительно относилась къ Лиз. Воронцовой очень спокойно. 13-го августа она писала

[1] Что однако не мѣшало ему пользоваться милостями Петра.
[2] «Арх. кн. Воронцова», XXI. 83—86.

гр. А. Р. Воронцову: «Вы должны успокоиться на счетъ судьбы вашего семейства, о которомъ я видѣла все ваше безпокойство. Я улучшу положеніе вашей сестры какъ можно скорѣе» [1]. До насъ дошли три

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 145. Мы не знаемъ, на какомъ основаніи С. М. Соловьевъ считалъ это письмо императрицы отвѣтомъ на письмо къ ней гр. А. Р. Воронцова: «Графъ Александръ прямо обратился къ императрицѣ съ просьбою о милости къ сестрѣ и получилъ отвѣтъ...» говорится въ «Ист. Россіи» т. XXV, стр. 128. Объ этомъ письмѣ гр. А. Воронцова къ им-цѣ нигдѣ не упоминается въ нашей исторической литературѣ и, сколько знаемъ, нигдѣ оно не было напечатано какъ вновь открытый документъ. Письмо Екатерины писано отъ 13-го августа; отъ того же дня мы имѣемъ письмо канцлера къ гр. А. Р. Воронцову, гдѣ онъ говоритъ, что онъ передалъ императрицѣ «какъ депеши ваши, такъ и партикулярныя ко мнѣ письма, купно съ тѣмъ, которое вы прислали къ гр. Лив. Р—нѣ»; («Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 174); о какомъ нибудь личномъ письмѣ племянника къ императрицѣ онъ не упоминаетъ, между тѣмъ онъ это, конечно, не преминулъ бы сдѣлать, еслибы оно находилось въ числѣ другихъ. Въ его слѣдующемъ письмѣ отъ 16-го августа происхожденіе письма императрицы къ гр. А. Р—чу разъясняется вполнѣ: «я представилъ императрицѣ ваши депеши, такъ же какъ и всѣ ваши частныя письма ко мнѣ и она мнѣ выразила по поводу ихъ свое полное удовольствіе. Ничто лучше не можетъ подтвердить вамъ все это, какъ собственноручное письмо Ея Величества, которымъ она удостоила отвѣтить *на ваше почтительное поздравленіе* (а не просьбу о милости къ сестрѣ). Я могу васъ только поздравить за вашъ образъ дѣйствій при полученіи извѣстія о восшествіи на тронъ императрицы. Немедленная высылка вами инструкцій, которыя были даны вамъ въ предшествовавшее царствованіе, вдѣсь очень понравилась и вообще способъ, которымъ вы выражаете въ вашемъ письмѣ (а не въ депешахъ, которыя однѣ только и предназначались А. Р—чемъ для прочтенія императрицы) свою радость, не скрывая и печали о несчастіи

ея записки къ И. П. Елагину, касающіяся Л. Воронцовой. «Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобы она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь, къ общему соблазну завтра прилетитъ», [1] писала Екатерина вѣроятно въ первые дни по своемъ пріѣздѣ въ Москву для коронаціи. Лиз. Воронцова въ это время жила въ подмосковной своего отца и, пожалуй, возможно было ожидать ея появленія ко двору. Другія двѣ записки Екатерины [2] говорятъ о переводѣ Л. Воронцовой на житье

вашего семейства, дѣлаетъ честь вашему уму и сердцу». («Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 178). Значитъ, Екатерина написала свое письмо къ гр. А. Р. Воронцову, прочитавъ лишь частныя его письма къ дядѣ. Графъ Александръ, кажется, и по натурѣ своей не былъ способенъ на независимо смѣлое отношеніе къ людямъ, державшимъ въ своихъ рукахъ судьбу его карьеры. Гр. Мерси писалъ о немъ отъ 4-го марта 1762 г.: «Я приложилъ все мое стараніе, чтобы направить въ свою пользу молодого графа Воронцова, только что прибывшаго изъ Вѣны, и онъ дѣйствительно въ первые дни по своемъ прибытіи повелъ съ государемъ, который много его разспрашивалъ о нашемъ дворѣ, приличную и благонамѣренную рѣчь, но онъ скоро замѣтилъ, какъ сильно это не нравится государю и такъ оробѣлъ, что теперь уже нельзя пользоваться его услугами. Робость молодого графа увеличивается еще отъ того, что значеніе его отца и сестры падаетъ съ каждымъ днемъ». («С. И. О.», т. XVIII, стр. 217—218).

[1] «С. И. О.», VII, 149. По мнѣнію Пекарскаго, эта записка писана въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины. Несомнѣнно, что до сентября 1762 г. у Екатерины не могло быть повода бояться пріѣзда ко двору Л. Воронцовой, ибо въ первые дни послѣ переворота Л. Воронцова находилась подъ арестомъ, а потомъ была выслана въ Москву и ее отдѣлило отъ Екатерины разстояніе въ 700 слишкомъ верстъ.

[2] Тамъ же, стр. 149—150. Пекарскій полагаетъ, что обѣ эти

въ Москву. Въ первой она поручаетъ Елагину съѣздить къ графу Роману Ларіоновичу и передать ему ея разрѣшеніе на переѣздъ Л. Воронцовой въ Москву къ нему въ домъ, «покамѣстъ у ней свой будетъ; также скажи ему, чтобъ онъ непремѣнно отдѣлилъ ее, дабы она имѣла съ чѣмъ жить, а вы сами видѣли, что онъ не такъ бѣденъ, какъ притворяется. Дай ему также знать, чтобъ она на Москвѣ жила въ тишинѣ, не подавая людямъ много причинъ о себѣ говорить; но сіе ты какъ отъ себя скажешь». Графъ Романъ Ларіоновичъ очевидно отказался расходоваться на водвореніе дочери въ Москвѣ, потому что во второй запискѣ своей Екатерина приказываетъ Елагину собрать справки объ архіерейскомъ домѣ въ Москвѣ «что въ слободѣ», чтобы передать его по безденежной купчей Л. Воронцовой, «дабы я могла ее изъ деревни къ Москвѣ привезти, а къ отцу пиши, чтобы онъ ей то нынѣ далъ, что ей при за-

---

записки какъ и предыдущая писаны въ первые мѣсяцы воцаренія Екатерины, но Соловьевъ относитъ ихъ лишь къ 1763 г. Мы присоединяемся къ его мнѣнію: всю зиму съ сентября 1762 г. Екатерина прожила въ Москвѣ и тогда у нея не могло быть причинъ торопиться съ переводомъ въ этотъ городъ и значитъ въ близость себѣ Л. Воронцовой. Отъ 16-го января 1763 г. гр. М. Л. Воронцовъ извѣщалъ своего племянника гр. А. Р—ча: «мнѣ отъ надежной руки сказано, яко бы Е. И. В. намѣрена по отшествіи отсюда въ Петербургъ повелѣть сестрѣ вашей Елисаветѣ Романовнѣ жить въ Москвѣ и, хотя о поѣздкѣ Двора нынѣшнимъ лѣтомъ въ С.-Петербургъ еще и не объявлено, токмо за подлинно увѣряютъ, что оная послѣдуетъ». Такъ все въ дѣйствительности вѣроятно и произошло.

мужествѣ бы принадлежало, чтобы она уже болѣе ни съ кѣмъ дѣлъ не имѣла». Екатерина торопитъ Елагина съ исполненіемъ этого приказанія и прибавляетъ порученіе пріискать въ Москвѣ подходящій домъ и купить его — это «не столько примѣтно будетъ, какъ если архіерейскій отдать, который ужь весьма худъ». Въ 1765 г. Ел. Воронцова вышла замужъ за бригадира Александра Полянскаго и впослѣдствіи переѣхала въ Петербургъ. Въ 1782 году по просьбѣ Дашковой, ея дочь была сдѣлана даже фрейлиной.

Сила Воронцовыхъ пала и въ спорахъ съ кліентами фаворитовъ имъ приходится уступать [1]. Канцлеръ, впрочемъ, въ теченіе еще одного года отправлялъ свою должность, но больше по внѣшности только, уступивъ Панину дѣйствительную власть.

---

[1] См. Автобіографію гр. С. Р. Воронцова («Архивъ кн. Воронцова») и «Голосъ сенатора И. П. Елагина о раздѣлѣ имѣнія гр. Воронцовыхъ съ ихъ невѣсткою гр. А. К. Воронцовою» («Чтенія М. О. И. Др.» 1862 кн. II, 144—56).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

У Дашковой въ первый же день по возвращеніи изъ Петергофа въ Петербургъ произошла размолвка съ Екатериной, виновникомъ которой она называетъ Григорія Орлова:—замѣтивъ пренебреженіе Дашковой къ себѣ, онъ будто бы уже тогда старался на чемъ нибудь поссорить съ ней Екатерину. Найдя въ домѣ отца своего множество солдатъ, она сдѣлала рѣзкое замѣчаніе начальнику караула Какавинскому и велѣла солдатамъ уходить. Какъ она говорила, назначеніе ихъ было не стеречь гр. Р. Л. Воронцова какъ какого-то государственнаго преступника, а просто оберегать его домъ отъ покушеній черни и пьяныхъ солдатъ, для чего вполнѣ достаточно было 10—12 человѣкъ, вмѣсто цѣлой сотни[1], приведенной Какавинскимъ.

---

[1] Она не говоритъ, послушались ли ее солдаты. Можно думать, что нѣтъ, ибо гр. С. Р. Воронцовъ еще 8-го іюля нашелъ въ домѣ отца «множество солдатъ». («Рус. Арх.», 1879, I, стр. 65). Значитъ караулъ былъ приставленъ не къ дому гр. Р. Л. Воронцова, какъ утверждаетъ Дашкова, а къ самому Воронцову и его

Пріѣхавъ къ вечеру во дворецъ, Дашкова встрѣтилась тамъ съ Григ. Орловымъ и Какавинскимъ, которые выходили изъ комнаты императрицы. «Я тотчасъ поняла, что Орловъ былъ мой врагъ: только онъ одинъ могъ ввести Какавинскаго къ императрицѣ. Ея величество стала меня упрекать за то, что я говорила въ присутствіи солдатъ этому офицеру по-французски и тѣмъ дала имъ возможность подозрѣвать, что я ему приказала распустить ихъ. Мой отвѣтъ былъ сухъ и физіономія моя выражала полнѣйшее пренебреженіе. «Еще слишкомъ рано, в. в.» сказала я, «чтобы солдаты, выказавшіе мнѣ въ теченіе немногихъ часовъ, какъ вы на тронѣ, такую слѣпую довѣренность, могли безпокоиться о томъ, что̀ я скажу на какомъ бы то ни было языкѣ», и чтобы прервать этотъ разговоръ я протянула ей ея орденъ св. Екатерины [1]. «Погодите, — сказала она мнѣ, — вы все-таки должны признаться, что были не въ правѣ отпустить солдатъ съ ихъ постовъ».— «Конечно, отвѣчала я, «вопреки настояніямъ Вадковскаго [2] я должна была предоставить этому дураку Какавинскому дѣлать, что онъ хочетъ, и васъ оставить безъ солдатъ для смѣны

дочери. Впрочемъ, гр. С. Р—чъ прямо и называетъ ихъ арестованными.

[1] Утромъ 28-го іюня Дашкова, снявъ съ Екатерины ленту ордена св. Екатерины, надѣла на нее голубую ленту св. Андрея Первозваннаго, взятую ею у Панина. Екатерина просила ее положить снятую ленту пока себѣ въ карманъ, гдѣ ее и нашла потомъ горничная Дашковой.

[2] Начальника гарнизона въ Петербургѣ въ тѣ дни.

тѣхъ, которые оберегали безопасность вашу и вашего дворца!» — «Хорошо, хорошо, возразила она, «оставимъ это. Мое замѣчаніе относилось къ вашей торопливости, а это (и она сдѣлала движеніе положить мнѣ на плечо орденъ, который я ей передала) за ваши заслуги». Вмѣсто того чтобы преклонить колѣна для принятія ордена, я сказала ей: «Простите меня, ваше величество, за то, что я вамъ скажу. Вы уже близки къ тому времени, когда истина вопреки вашему собственному желанію будетъ прогнана отъ вашихъ ушей. Я прошу васъ не возлагать на меня этотъ орденъ. Какъ простымъ украшеніемъ я — вы знаете — имъ не дорожу, если же онъ — награда за мои заслуги, то какъ бы онѣ въ иныхъ глазахъ ни казались ничтожны, въ моихъ онѣ оплачены быть не могутъ, потому, что я никогда не продавала себя и не продамъ ни за какую цѣну». Ея величество обняла меня, говоря: «Доставьте же это утѣшеніе хотя моей дружбѣ». Я поцѣловала ея руку»[1]... Екатерина при этомъ

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 87—88. Какъ сплетня занималась личностью Дашковой и фантазировала на ея счетъ показываетъ разнообразіе слуховъ, которые обращались въ городѣ по поводу этого полученія ею Екатерининской ленты. Одни говорили, что орденъ этотъ былъ отобранъ княгинею отъ сестры вмѣстѣ съ прочими ея драгоцѣнностями. Другіе разсказывали цѣлое происшествіе: «Когда 28-го іюня Екатерина принимала присягу отъ гвардейскихъ полковъ, кн. Дашкова вездѣ слѣдовала за нею верхомъ; въ это время государыня, возложивъ на себя Андреевскій орденъ, передала ей Екатерининскую ленту. Черезъ нѣ-

сказала ей, что она послала уже курьера чтобы вернуть ея мужа съ дороги въ Константинополь, чѣмъ сразу разсѣяла все неудовольствіе противъ нея Дашковой.

Мы подробно разсказываемъ эту сцену первой размолвки Дашковой съ императрицей, считая ее очень характеристичной для дальнѣйшихъ отношеній между ними. Самолюбіе Дашковой было чисто сатанинское. Это выраженіе нисколько не преувеличенное. Какъ у насъ въ простомъ народѣ избѣгаютъ поминать на ночь чорта, это безпокойное всемутящее существо, такъ и съ Дашковой слѣдовало тщательно оберегаться, чтобы какъ нибудь не задѣть ея чуткаго и подозрительнаго самолюбія. Разъ возбужденное, оно не успокоивалось долго. Дашкова оскорблялась малѣйшей попыткой приравнять ея поступки къ

которое время императрица, оглянувшись, къ удивленію своему увидѣла ленту на плечѣ Дашковой и съ усмѣшкою сказала: «Поздравляю».—«И я васъ проздравляю», отвѣчала княгиня со свойственной ей дерзостью. («Русск. Стар.», 1870, II, 493—494). Мало кто вѣрилъ простому объясненію этого пожалованія: очевидно, въ глазахъ большинства услуги, которыя Дашкова оказала императрицѣ, были очень сомнительны и неопредѣленны. Гр. Сольмсъ, отъ 20-го іюля 1763 г., передавалъ Фридриху II слухъ, будто «Екатерина, хорошо знающая своихъ приближенныхъ, вовсе не намѣревалась посвятить кн. Дашкову въ тайну переворота, но Панинъ имѣлъ слабость открыть эту тайну Дашковой, вслѣдствіе чего Ея Величество нашлась вынужденной привлечь ее на свою сторону», и тогда Дашкова, «для болѣе успѣшнаго осуществленія переворота», попросила будто бы денегъ у французскаго посла Бретейля. («С. И. О.», т. XXII, стр. 101). Всѣ эти слухи были, конечно, вздорны, но характерно самое появленіе ихъ.

поступкамъ прочихъ людей. Отношенія къ нимъ она требовала такого, какъ будто они были чрезвычайное «нѣчто», которое можно было созерцать, превозносить, но не оцѣнивать и не приближать ихъ къ явленіямъ міра обыденнаго. Это самопреклоненіе ярко отличало Дашкову и дѣлало ея житейскую логику своенравной и причудливой до крайности, иной разъ просто взбалмошной. Дашкова часто докучала окружающимъ своими фантазіями и выходками, которыя обыкновенно принимались за вспышки болѣзненнаго, даже уродливаго тщеславія, между тѣмъ это не всегда было такъ. Въ характерѣ Дашковой было много мелочности, доходившей иногда до вздорной суетности, но въ ней была и благородная гордость людей крупныхъ, которымъ досадно всякое сходство ихъ съ прочими людьми. Оно ненавистно имъ и они готовы упрямо отрицать малѣйшую черту его, ибо они чувствуютъ какъ это сходство опошляетъ въ глазахъ міра ихъ поступки и намѣренія, родившіяся въ ихъ душѣ отъ порывовъ чувства необычно сильныхъ и страстныхъ, незнакомыхъ обыкновеннымъ сердцамъ. Естественно, что приравниваніе ихъ дѣлъ къ поступкамъ другихъ людей всегда кажется имъ несправедливостью и оскорбляетъ ихъ.

Этимъ многое объясняется въ отношеніяхъ Дашковой къ Екатеринѣ и въ ея поведеніи въ первое время послѣ переворота.

Когда Екатерина предлагала ей просить что нибудь для себя, она отвѣчала или фразами о дружбѣ

и о счастіи отечества, или же просила за генерала Леонтьева, пострадавшаго вмѣстѣ съ Апраксинымъ и Бестужевымъ, а значитъ отчасти и за Екатерину. Узнавъ, что ей на ряду со многими другими назначено въ награду 24,000 руб., она была «удивлена» и сначала рѣшила не брать ихъ, но потомъ, чтобы не возбуждать толковъ и не оскорблять императрицу, она составила списокъ долговъ мужа на эту сумму и послала его въ кабинетъ ея величества, который и уплатилъ по нему. Въ сущности, она желала слишкомъ многаго, чтобы рѣшиться высказать свои претензіи. Если вѣрить Державину [1], она расчитывала, что ей будетъ дано мѣсто въ сенатѣ. Это чрезвычайное назначеніе удовлетворило бы ея гордый духъ, потому что имъ почтена была бы необычайность ея чувства привязанности и самоотверженности по отношенію къ Екатеринѣ, тогда какъ послѣдняя принуждена была распредѣлять свои милости не за намѣренія, но за вѣсъ самой услуги.

---

[1] «Дашкова была честолюбивая женщина и добивалась перваго мѣста при государынѣ, даже желала засѣдать въ сенатѣ». («Соч. Державина», 1864, т. I, стр. 219). Гр. Мерси сообщалъ австрійскому двору отъ 13-го іюля 1762 г.: «я долженъ донести объ особѣ, которая, къ удивленію, появится въ средѣ вдѣшняго министерства. Особа эта — княгиня Дашкова, обладающая при романическомъ воображеніи изрядными умственными способностями съ врожденнымъ искусствомъ къ интригамъ». («С. И. О.» т. XVIII, стр. 461). Очевидно, тогда дѣйствительно ходили слухи о назначеніи Дашковой на какую-то важную государственную должность.

Очевидно Дашковой суждено было получать отъ императрицы всегда меньше желаемаго и между ними неминуемо должно было возникнуть недовольство другъ другомъ.

Въ первые дни послѣ переворота, среди шумящаго оживленіемъ, какъ бы обновленнаго двора Дашкова чувствовала себя центромъ всякаго кружка, къ которому она ни приближалась. Ею только что совершено было громкое дѣло, она была другъ и повѣренный императрицы, ея будущее, теперь мало еще опредѣленное, обѣщало и предсказывало...

Бестужеву, когда онъ пріѣхалъ ко двору изъ своей ссылки, императрица сама подвела Дашкову и сказала: «Вотъ вамъ княгиня Дашкова! Воображали ли вы, что я буду обязана короной молоденькой дочери графа Романа Воронцова?!» [1] «Эти слова Орловы задушили бы въ устахъ Императрицы, еслибы могли сдѣлать это», прибавляетъ Дашкова.

По своей привычкѣ къ затворнической жизни, Дашкова чувствовала себя нѣсколько неловко [2] среди большого и шумнаго общества, которое теперь окружило ее, но въ разговорахъ одинъ на одинъ она по прежнему была общительна, хвастлива, откровенна, загадочна, измѣнчива въ томъ и другомъ и неизмѣнно тщеславна и ревнива къ малѣйшему лучу

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 92.

[2] См. письмо ея къ леди Гамильтонъ, «Записки кн. Дашковой», Лондонъ. 1859, стр. 353—59.

своей нежданно загорѣвшейся звѣзды [1]. Такой рисуютъ ее донесенія гр. Мерси отъ первыхъ дней царствованія Екатерины: «Я говорилъ съ полчаса съ кн. Дашковой и могу завѣрить, что черезъ нее можно бы совершать великія дѣла; она вѣроятно будетъ имѣть на нихъ большое вліяніе. Я также нисколько не сомнѣваюсь, что мы пріобрѣтемъ расположеніе этой особы, если того пожелаетъ нашъ дворъ; послѣдняго можно достигнуть, конечно, не деньгами, но легче всего съ помощью лестныхъ изъявленій уваженія и отличія и умѣстными подарками... Между прочимъ, она повѣрила мнѣ, что возвращеніе Бестужева къ должности канцлера несомнѣнно состоится, въ остальномъ же новая русская государыня высокомѣрнаго духа, но чувствительна къ сильнымъ, особенно отмѣннымъ изъявленіямъ» [2].

«Императрица какъ-то особенно любитъ Дашкову, оставляетъ ее жить при дворѣ, не содержитъ отъ нея ничего въ тайнѣ, обо всемъ совѣтуется съ нею. Кромѣ того Дашкова питаетъ значительное расположеніе къ Англіи, но мнѣ случайно удалось достигнуть у нея явнаго довѣрія, такъ что я съ увѣрен-

---

[1] Какую отвѣтственность передъ собою Дашкова возлагала на Екатерину за каждое новое происшествіе, приставшее къ дѣлу переворота 28-го іюня, видно изъ слѣдующаго: когда Дашкова въ первый разъ послѣ смерти Петра III увидѣла Екатерину, она сказала ей: «Эта смерть наступила слишкомъ рано для вашей и моей славы». («Арх. кн. Воронцова» т. XXI, стр. 93).

[2] Депеша отъ 2-го іюля 1762 г. («С. И. О.», т. XVIII, стр. 439).

ностью могъ бы обѣщать себѣ окончательно привлечь ее на свою сторону съ помощью высочайшихъ отъ нашего двора знаковъ отличія и уваженія къ этой дамѣ, у которой никакой денежный подарокъ не можетъ имѣть мѣсто. Между тѣмъ я довелъ ее до того, что она въ довѣренности открыла мнѣ все, что я желалъ узнать» [1].

Можно не сомнѣваться, что разсказы графа Мерси объ особомъ значеніи Дашковой при императрицѣ — результатъ хвастливой откровенности самой княгини.

Дашковы поселились во дворцѣ, гдѣ императрица приказала отвести имъ помѣщеніе. Шумныя будни придворной жизни и ревнивое соперничество съ Орловыми изъ-за перваго мѣста около императрицы наполнили жизнь княгини. Еще недавно въ стихахъ и прозѣ она отчаянно льстила императрицѣ, мечтая этимъ намѣреннымъ раболѣпіемъ выказать всю восторженность своего восхищенія передъ нею и готовность на всякія жертвы для нея. Теперь же, когда она, ближе ставъ къ Екатеринѣ, увидала пятна на своемъ божествѣ, оборотная сторона ея самозабвеннаго преклоненія не замедлила сказаться, — она захотѣла руководить ошибающейся императрицей. Она старалась оттѣснить отъ нея Орловыхъ, предостерегала ее и повторяла ей объ ея обязанностяхъ передъ сыномъ и страною, можетъ быть рѣшалась настаи-

[1] Депеша отъ 13-го іюля 1762 г. («С. И. О.» т. XVIII, стр. 461).

вать [1]. Орловыхъ однако она отъ императрицы не отдалила, но сама стала наскучать ей. Канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ такъ писалъ о ней своему племяннику отъ 21 августа 1762 г.: «она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ. Я опасаюсь, чтобъ она капризами своими и неумѣреннымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвала Государыню Императрицу, чтобъ отъ двора отдалена не была, а черезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей Государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать, да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе [2].

---

[1] Дашкова говоритъ въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера: «Я открыто заявляла свое мнѣніе, что императрица должна быть лишь регентшею до совершеннолѣтія своего сына; это, затѣмъ мое неодобреніе ея отношеній къ Орлову и ужасъ, который я выказывала къ смерти императора и къ balafré (т. е. Алексѣя Орлова), были три главныя причины почему меня преслѣдовали (maltraitée) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ». («Арх. кн. Воронцова», т. VII, стр. 654). По словамъ Рюльера, Дашкова въ своихъ первыхъ ссорахъ съ императрицей, сказала ей однажды: «Я думала сдѣлать хорошее дѣло, — я ошиблась въ этомъ!» (Rulhière «Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762», Oeuvres posth. Paris. 1819, т. IV, стр. 388).

[2] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 106. Гр. Букингамскій писалъ,

Въ сентябрѣ Дашковы отправились въ интимномъ кружкѣ Екатерины на коронацію въ Москву. До дня торжественнаго въѣзда императрицы въ городъ весь дворъ жилъ въ Петровскомъ, подмосковномъ имѣніи гр. Разумовскаго. Тутъ княгиня узнала отъ императрицы о смерти своего сына, остававшагося на попеченіи ея свекрови. На первое время она отстранилась отъ всѣхъ придворныхъ празднествъ, но съ переѣздомъ императрицы въ Москву, стала бывать при дворѣ по-прежнему ежедневно и принимала участіе въ церковномъ торжествѣ коронованія[1].

«Чтобы унизить меня,—пишетъ Дашкова,—Орловы уговорили церемоніймейстера, что лента Св. Екатерины, которая была мнѣ пожалована, не даетъ своему кавалеру никакого особаго мѣста при церемоніяхъ». Между тѣмъ, по этикету, установленному Петромъ, мѣста дамъ въ такихъ случаяхъ опредѣлялись чинами ихъ мужей и, какъ женѣ подполковника, Дашковой приходилось стоять на послѣдней ступени амфитеатра, который былъ устроенъ въ церкви для зрителей. Многіе думали, что она не пойдетъ на церемонію. «Почему же не пойти,—отвѣчала я имъ,—я хочу

отъ 17-го іюля 1763 г.: «Гордость кн. Дашковой значительно ослабила уваженіе къ ней императрицы еще до моего пріѣзда въ Москву (т. е. до 8-го окт. 1762 г.)». («С. И. О.», т. XII, стр. 113).

[1] Дашкова говоритъ, что она при этомъ сама не захотѣла занять комнаты, назначенныя для нея во дворцѣ,—ходили слухи, что для нея не оказалось помѣщенія во дворцѣ по желанію самой императрицы.

видѣть церемонію, которой я никогда не видала и не желаю увидѣть въ другой разъ. Что же до мѣста, на которомъ я буду стоять, то оно такъ мало меня интересуетъ и я настолько горда, что думаю—какое бы мѣсто я ни занимала, я всегда сдѣлаю его равнымъ первому и самому почетному, какое только найдется въ церкви. 22-го сентября, въ день коронаціи, я явилась къ императрицѣ, какъ всегда, но на этотъ разъ гораздо раньше обыкновеннаго. Когда императрица вышла изъ внутреннихъ комнатъ, я тотчасъ же послѣдовала за ней. Придя въ церковь, я, весело смѣясь, направилась къ моему скромному мѣсту и единственная непріятность, которую я испытала при этомъ, было совершенное незнаніе тѣхъ существъ, которыя, подобно мнѣ, могли быть только здѣсь. Я говорила сама себѣ: если я хочу видѣть оперу и нѣтъ никакихъ другихъ мѣстъ, кромѣ какъ въ райкѣ, я конечно скорѣе пойду туда, чѣмъ пропущу спектакль. Не то же ли самое со мною теперь? Тѣ, которые думаютъ подобно мнѣ, что человѣка унижаютъ лишь собственныя его дѣянія, не удивятся, что я такъ отнеслась къ своему положенію» [1].

Дашкова старается показать, что мелочное честолюбіе ей совершенно чуждо, но въ каждой фразѣ ея разсказа болѣзненно звучитъ горечь обиды, почувствованной глубоко, видна борьба истинной гордости съ вздорнымъ тщеславіемъ, которое съ трудомъ было

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 102—104.

побѣждено, и все-же такія подробности, какъ особенно ранній пріѣздъ ко двору, чтобы хоть въ самомъ шествіи не упустить перваго мѣста подлѣ императрицы, показываютъ, что Дашковой было вовсе не все равно, гдѣ и за кѣмъ стоять.

Въ числѣ прочихъ награжденныхъ въ эти дни Дашкова была сдѣлана статсъ-дамой, а ея мужъ, еще ранѣе произведенный въ подполковники кирасирскаго полка, камеръ-юнкеромъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вмѣстѣ съ дворомъ Дашкова прожила въ Москвѣ всю зиму 1762—63 гг. Въ теченіе ея она имѣла любопытную для насъ переписку съ гр. А. Р. Воронцовымъ [1] по поводу своихъ отношеній къ сестрѣ Лизаветѣ. Мы остановимся на этой перепискѣ [2]. Во-первыхъ, она по многому характерна для самой княгини Дашковой, во-вторыхъ, она характеризуетъ и графа А. Р. Воронцова. Мы не можемъ совсѣмъ опустить изъ разсказа эту личность, игравшую, можетъ быть, и пассивную, но все-таки крупную роль въ жизни княгини Дашковой.

Она сама говоритъ, что изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ она съ дѣтства подружилась съ однимъ Ал. Р—чемъ, и эта дружба не прекращалась между ними до самой смерти его. Ею Дашкова очень дорожила. Порывистый характеръ княгини сложился изъ склонностей самыхъ противорѣчивыхъ, которыя иногда

---

[1] Нашимъ тогдашнимъ министромъ резидентомъ въ Лондонѣ.

[2] Помѣщена въ V т. «Арх. кн. Воронцова».

овладѣвали ею со всей необузданностью власти дикаря-повелителя. Нервная, возбужденная, она отдавалась имъ вся и первые годы жизни ея представляютъ намъ нѣсколько примѣровъ чрезвычайныхъ подъемовъ страсти. Гордость, непреоборимое властолюбіе — чаще всего руководили ею въ рѣшительныя минуты. Она инстинктивно сознавала эту расшатанность своего характера и замѣтно искала опоры въ людяхъ, ее окружавшихъ. Попробовавъ сначала ввязать въ себя волю Екатерины, потомъ разойдясь съ послѣдней, она вернулась къ Алекс. Романовичу и въ немъ нашла совѣстнаго судью своимъ поступкамъ, а въ его дружбѣ нравственную поддержку. Послѣдняя дала ей то равновѣсіе душевное, котораго она искала и которое, впрочемъ, всегда въ ней оставалось непрочнымъ. Поэтому, если біографія холоднаго и разсудительнаго графа Ал. Р. Воронцова не требуетъ какихъ нибудь сторонніхъ дополненій, то жизнь Катерины Романовны будетъ не полна, если рядомъ съ этой страстной, каждую минуту принимающей новое рѣшеніе женщиной, не воображать постоянно спокойную и нѣсколько чопорную фигуру ея брата, можетъ быть, ни разу не подавшаго ей особенно оригинальнаго и умнаго совѣта, но своимъ ободреніемъ поддерживавшаго ее во многомъ. Значеніе его въ ежедневной жизни Катерины Романовны доказывается огромной массой писемъ, которую она написала ему [1]. Пере-

[1] Напечатаны въ 5 и 12 тт. «Архива князя Воронцова».

писка была правильная и частая, продолжавшаяся всю жизнь А. Р—ча. Къ сожалѣнію, отвѣтныхъ писемъ его къ княгинѣ сохранилось очень мало или, по крайней мѣрѣ, только немногія изъ нихъ напечатаны.

Въ царствованіе Екатерины отношенія Дашковой къ роднымъ не могли оставаться тѣ же, что и въ царствованіе Петра III. Переворотъ 28-го іюня и участіе, которое Дашкова принимала въ низложеніи Петра III, возстановили противъ нея всю семью Воронцовыхъ. Ожесточеніе ихъ было тѣмъ суровѣе, что, по выраженію депеши гр. Мерси[1], «при переворотѣ кн. Дашкова не обратила никакого вниманія на все свое семейство», блистательнѣйшія надежды которого смѣнились опалою. Дѣйствительно, въ первое время послѣ переворота Дашкова какъ будто совсѣмъ забыла о существованіи своихъ родныхъ. 30-го іюня, найдя въ домѣ отца сестру свою Лизавету Романовну, она успокоивала ее и обнадеживала своимъ покровительствомъ, но принуждена была сознаться, что до сихъ поръ не говорила о ней съ императрицей, будучи вполнѣ увѣрена въ благожелательности ея намѣреній относительно недавней своей соперницы. Дашковой замѣтно не хотѣлось просить. Чувство справедливости, всегда въ ней сильное, говорило ей, что роднымъ ея не за что было ожидать отъ Екатерины наградъ и отличій,

[1] Отъ 12-го іюля 1762 г. «С. И. О.», т. XVIII, стр. 461.

и очень умно и тактично, она представила Екатеринѣ самой опредѣлять свои отношенія къ семьѣ Воронцовыхъ. По правдѣ сказать, Дашкова своими просьбами едва ли что могла бы прибавить отъ себя къ тому, что Екатерина сдѣлала по собственному почину. Это, однако, съ ея стороны было не только благоразумно, но и себялюбиво, за что и напалъ на нее гр. А. Р. Воронцовъ.

Въ четырехъ своихъ обвинительныхъ письмахъ гр. А. Воронцовъ, которому въ то время былъ двадцать одинъ годъ, выказывается тѣмъ *милымъ моралистомъ*, которымъ иногда называетъ его сестра. Если это прозвище гр. А. Воронцовъ увезъ съ собой изъ Россіи, то значитъ онъ уже съ молоду любилъ ту игру ума, которая зовется резонированіемъ. Подобные люди, больше обыкновеннаго разсуждающіе о себѣ и о другихъ, кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что дѣлаются самыми наивными эгоистами. Наивность ихъ заключается въ томъ, что они не скрываются, не скрываются даже отъ самихъ себя. Развивъ въ себѣ логику, можетъ быть, въ ущербъ впечатлительности сердца, они съ спокойной самоувѣренностью говорятъ о затруднительнѣйшемъ положеніи самаго близкаго человѣка. Они спокойны, потому что привыкли принуждать себя къ безстрастію, при которомъ только и возможно проницательное обсужденіе факта. Они могутъ чувствовать очень ясно, что по наружности ихъ легко можно обвинить въ бездушіи и безучастіи къ чужому горю, но это не

остановитъ ихъ въ упоеніи внѣшнимъ безстрастіемъ: они сами глубоко увѣрены, что они вовсе не бездушны, а эгоизма своего они не сознаютъ вполнѣ, имѣя для своего разувѣренія въ этомъ блистательнѣйшія фразы о спокойствіи мудраго, котораго все спокойствіе происходитъ оттого, что онъ мудръ и умѣетъ управлять собою. Общій тонъ писемъ гр. А. Р—ча холодно назидательный. Свое раздраженіе онъ старается обертывать въ рѣзкія поученія, и выказываетъ всегдашнюю готовность прекратить переписку и прервать споръ съ сестрой, которая не подавляется правильной логичностью его молодыхъ разсужденій и рѣшается отвѣчать на нихъ горячо, а иногда и съ негодованіемъ.

Первое письмо помѣчено 6-мъ августа 1762 г.[1]. До гр. А. Воронцова дошли слухи, что Дашкова выказала очень мало заботливости объ участи сестры Лизаветы, и онъ пишетъ ей:

«Мнѣ кажется, что вы должны были бы, вмѣсто всякой иной благодарности, просить императрицу о пощадѣ сестры и предпочесть это ордену св. Екатерины. Вы тогда не преступили бы тѣхъ чувствованій, исполненныхъ философіи, которыя я слышалъ изъ вашихъ устъ и которыя заставили меня думать, что вы не дорого цѣните почести людскія. Но я ошибся въ этомъ: сестра моя цѣнитъ ихъ не меньше, чѣмъ и всѣ другіе люди». Предупреждая возраженіе, что и Лизавета Воронцова въ дни своего значенія при

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 159—60.

дворѣ немного дѣлала для Дашковой, онъ говоритъ: «Я былъ свидѣтелемъ невозможности (?) для нея этого. Но еслибы ваше возраженіе было и справедливо,—продолжаетъ онъ,—неужели слѣдуетъ отказывать въ своей помощи, потому что такъ дѣлаютъ и другіе? Подобный образъ дѣйствія завелъ бы насъ слишкомъ далеко»...

Отвѣтъ Дашковой на это его письмо ему кажется тѣмъ любопытнѣе, что «онъ долженъ придать законченность моему сужденію о вашемъ поведеніи относительно моей сестры». Онъ называетъ Лизавету Воронцову всегда лишь «моей сестрой», хотя она была такой же точно сестрой и для Дашковой [1].

Второе письмо отъ 30-го августа имѣетъ тонъ совершенно другой. Ал. Р—чъ отвѣчаетъ въ немъ на письмо Дашковой, очень пріятное для его самолюбія. «Благодаря милостямъ, которыми васъ осыпаетъ императрица, вы теперь можете принести много добра людямъ. Я вѣрю вашей проницательности и думаю, что вы съумѣете отличить истинное дарованіе. Мнѣ остается только дружески указать вамъ дѣлать добра какъ можно больше, не мстить за зло и вообще пользоваться имъ, какъ средствомъ, съ возможной умѣренностью противъ кого бы то ни было; пускай въ юдоли непостоянства перемѣнчиво величіе человѣческое, но если дѣлать только добро, то общее уваженіе будетъ человѣку благомъ, которое не отнимется

[1] Ibidem, стр. 160—62.

отъ него и въ день несчастія или, по крайней мѣрѣ, тогда онъ будетъ имѣть чистую совѣсть. Это вещь одинаково важная и въ этомъ свѣтѣ, и въ будущемъ. Въ противномъ же случаѣ человѣка не только будутъ презирать въ его несчастіи, но каждый пожелаетъ увеличить послѣднее, отомщая за понесенныя отъ него горести». По его мнѣнію, не только позволительно дѣлать добро своимъ роднымъ (sa famille), но это даже составляетъ «обязанность, предписываемую природой; свѣтъ можетъ только одобрить выполненіе ея, если оно не выходитъ изъ границъ справедливости и умѣренности. Я не говорю вамъ объ облегченіи участи тѣхъ членовъ семейства, которые находятся въ несчастіи, ибо человѣчность и религія предписываютъ намъ въ такихъ случаяхъ оказывать помощь рѣшительно всякому».

Онъ опять напоминаетъ о сестрѣ Лизаветѣ и хочетъ для нея лишь «état tranquille», — «этимъ, я полагаю, должны ограничиваться ея желанія». «Двадцать блестящихъ подвиговъ,—добавляетъ онъ,—чистое ничто въ глазахъ мудреца, если въ то же время были пренебрежены обязанности естественныя».

Въ октябрѣ или въ концѣ сентября, гр. Ал. Воронцовъ получилъ отъ своего дяди, канцлера, бывшаго съ нимъ въ очень дружественной перепискѣ, письмо, говорившее почти исключительно о Дашковой: «О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣемъ, какъ и отъ Елизаветы Романовны, и только

что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой искренности, ни откровенности, и еще менѣе какого либо воспомоществованія или надежды, чтобы въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ». Изобразивъ затѣмъ тщеславіе и заносчивость, которыя выказывала Дашкова, явно раздражая тѣмъ императрицу и рискуя навлечь на себя и на весь свой родъ ея немилость, онъ продолжаетъ: «Я истинно на нее сердца или досады не имѣю и желаю ей имѣть всякое благополучіе; только индиферентность ея къ намъ чувствительна и по свойству несносна, тѣмъ болѣе что отъ благополучія ея не имѣемъ пользы, а отъ паденія ея можемъ претерпѣть напрасное неудовольствіе. Вы, сіе знавъ, должны имѣть въ перепискѣ съ нею всякую осторожность. Что касается до мужа ея, то онъ къ намъ непремѣнно прежнюю ласковость и учтивость оказываетъ и ведетъ себя скромно и разумно» [1].

Въ то же время гр. А. Воронцовъ узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Россіи, будто бы Дашкова не только не заступилась за сестру, но даже воспользовалась ея несчастнымъ положеніемъ и отобрала у нея всѣ ея драгоцѣнности, отказавъ ей при отъѣздѣ въ деревню даже въ самомъ необходимомъ. А. Р. написалъ тогда письмо къ канцлеру, выказывая желаніе имѣть при себѣ Лизавету Романовну и прося перевести къ нему въ канцелярію брата Семена Романовича.

[1] Письмо отъ 21 августа 1762 г. «Арх. князя Воронцова», т. V, стр. 106.

Психическое настроеніе А. Р—ча въ это время было довольно любопытное. Онъ, едва не самый младшій по возрасту и по значенію изъ членовъ своего рода, онъ одинъ оберегалъ его достоинство и издалека боролся съ враждебной для него судьбой. Воронцовы были сразу принижены, одна сестра сослана, другая холодно смотритъ на несчастіе близкихъ, братъ въ явной опалѣ... Канцлеръ молчитъ и не протестуетъ. Одинъ молодой Воронцовъ изъ Лондона наставляетъ заблудшихся, склоняетъ сильныхъ къ милосердію [1], собираетъ около себя опальныхъ своихъ родныхъ, словомъ дѣлаетъ то, на что у другихъ не хватало мужества или желанія. Весьма естественно, такія мысли и такое представленіе себѣ событій должно было до крайности распалить его голову и въ письмахъ своихъ къ канцлеру онъ отказывался отъ всякой дальнѣйшей переписки съ кн. Дашковой, «поступки которой въ разсужденіи сестры Лизаветы Романовны мнѣ явно уже открылись. Я весьма сожалѣю, что, не знавъ оныхъ, писалъ къ ней прежде дружески; нынѣ отъ всякаго съ нею сношенія удалиться намѣренъ» [2].

На это канцлеръ отвѣчалъ ему: «Намѣреніе ваше прервать всю переписку съ сестрою вашею Катериной Романовной не согласуетъ ни съ пользою вашей, ни

---

[1] См. письмо къ нему Екатерины отъ 13 августа 1762 г., въ которомъ она ему, двадцатилѣтнему юношѣ, даетъ обѣщанія относительно всего ихъ рода. («Арх. Кн. В—ва» т. V, стр. 145).

[2] Письмо отъ 22 окт. 1762. («Арх. кн. Воронцова», т. XXIX, 171—172).

съ мнѣніемъ моимъ. Мнѣ кажется, что вы оную временно продолжать можете, располагая впрочемъ отзывы ваши съ пристойною умѣренностію. Съ другой стороны, желаніе ваше имѣть при себѣ сестру Лизавету Романовну совсѣмъ невмѣстно. Войдите вы въ собственное свое, да и ея состояніе и разсудите, можетъ ли для спокойствія ея что лучше быть той тихой жизни, которую она теперь вести можетъ. Ея Импер. Велич. изволила ей сверхъ того, по природному своему великодушію, позволить переписываться съ роднею; слѣдовательно и тѣмъ еще можетъ она услаждать жизнь свою, которая ей самой не можетъ быть непріятна, послѣ толь великой въ состояніи ея перемѣны. Другое желаніе ваше, чтобъ имѣть при себѣ же брата вашего совѣтникомъ посольства, не подвержено, правда толикимъ трудностямъ; но по истинной моей къ вамъ обѣимъ любви, долженъ я сказать, что исполненію онаго не настало еще время»[1].

Мечты собрать около себя въ Лондонѣ тѣхъ Воронцовыхъ, которые не могли найти себѣ защиты и покрова въ Россіи, разрушались. Остереженія дяди были очень благоразумны, но они нисколько не умѣряли того раздраженія, которое кипѣло въ Ал. Р—чѣ противъ Дашковой. Въ это время онъ получилъ отъ нея отвѣтъ на свои августовскія письма.

Дашкова говорила: «повѣрьте, я не пренебрегла ни одной изъ своихъ обязанностей и если не сдѣлала

[1] Письмо отъ 2-го дек. 1762 г. «Арх. кн. Воронц.», т. XXXI, стр. 193—194.

всего, чего хотѣли бы вы, да и я сама, то лишь потому, что это было для меня невозможно. Мои родные рѣшительно не могутъ упрекнуть меня (если они имѣютъ ясное представленіе о своемъ недавнемъ положеніи и обстоятельствахъ) въ томъ, что я хоть чѣмъ нибудь пренебрегла для ихъ благополучія и теперь имъ конечно лучше, чѣмъ они сами могли бы обѣщать себѣ при тѣхъ предосторожностяхъ и жертвахъ, на которыя иногда приходится рѣшаться въ политикѣ [1]. Сестра Лизавета живетъ въ деревнѣ моего отца, гдѣ, какъ мнѣ кажется, она должна себя чувствовать гораздо лучше, чѣмъ среди свѣта, откуда ее удаляетъ благоприличіе, по крайней мѣрѣ на первое время». На приглашеніе брата отличать и награждать достойныхъ княгиня уклончиво отвѣчала, что она никогда не имѣла въ виду ничего иного, кромѣ какъ блага честныхъ людей [2].

---

[1] Тогда прошло едва тридцать лѣтъ послѣ ссылки княжны Ек. Долгорукой и всего ея семейства черезъ три мѣсяца по смерти Петра II, ея жениха, и съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ по восшествіи на престолъ им. Анны Іоанновны. Кн. Нат. Бор. Долгорукова разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что когда она услышала о смерти молодого государя, «что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала!.. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ, что было и мнѣ ожидать?» («Рус. Арх.» 1867, I, 14—15). Она въ то время сговорена была за князя Ив. Долгорукова, любимца Петра II, и потомъ послѣдовала въ ссылку за нимъ.

[2] Письмо отъ октября 1762 г. («Арх. кн. В—ва», т. V, стр. 164—65).

Ал. Воронцовъ отвѣчалъ большимъ письмомъ, полнымъ сдержанныхъ назиданій и сарказмовъ: «Отъ своихъ друзей и родныхъ я никогда не требую ничего другого кромѣ того, чтобы они дѣлали по-моему, когда я имъ совѣтую что либо справедливое,— говоритъ онъ.—Вамъ предстоитъ доказать, будетъ ли тщетно въ нынѣшнемъ случаѣ мое ожиданіе или нѣтъ». Онъ увѣренъ что императрица не отказала бы Дашковой въ помилованіи сестры. «Я думаю даже, что Ея Величество, уступивъ вамъ въ этомъ, нисколько не уменьшила бы вашихъ собственныхъ награжденій, но еслибы даже она поступила и иначе, не были бы вы достаточно вознаграждены, совершивъ поступокъ, который заслужилъ бы вамъ уваженіе какъ этой великой Государыни, такъ и всѣхъ честныхъ людей». Онъ пользуется фразой Дашковой о томъ, что роднымъ ея нечего жаловаться на нее и ожидать чего-то отъ нея, для того чтобы рѣзко замѣтить ей, что среди этихъ родныхъ есть и такіе, «которые были бы прямо оскорблены, если бы спасеніемъ своимъ они оказались обязанными кому нибудь другому, а не милостямъ самой императрицы и ихъ собственнымъ заслугамъ передъ государствомъ». Въ число такихъ людей онъ ставитъ канцлера, себя и съ нѣкоторой неувѣренностью отца своего. Рѣзкость своего письма онъ извиняетъ своей откровенностью и говоритъ, что по его мнѣнію лучшее средство для соблюденія деликатности заклю-

чается въ томъ, чтобы не дѣлать ничего, что нарушало бы ее [1].

Отвѣтное письмо кн. Дашковой затерялось, но вотъ что писалъ объ его содержаніи графу С. Р—чу Дубровскій, переводчикъ нашего лондонскаго посольства и личный секретарь гр. А. Воронцова отъ 11-го февраля 1763 г.:

«Вчерашняго дня изъ Россіи получили мы весьма радостныя вѣсти. Письмо его сіятельства графа Р. Л. наполнено новыми и особливыми знаками милостей Государыни Императрицы въ разсужденіи его собственно; также и подаетъ добрую надежду въ разсужденіи сестры вашей графини Ел. Р—ны, къ которой Ея Вел—во посылать изволила нарочнаго освѣдомиться о ея здоровьѣ и состояніи и сказать, что всѣ ея вещи возвращены будутъ. Сверхъ того княгиня К. Р. Дашкова отвѣтствовала графу А. Р. на такое письмо, въ которомъ онъ ее не менажировалъ, и оправдалась въ ложныхъ объ ней разглашеніяхъ благодарительнымъ къ ней письмомъ графини Е. Р. По сей причинѣ графъ А. Р. начинаетъ отдавать ей правосудіе и намѣренъ продолжать съ нею переписку, можетъ быть и дружбу, какъ она много почтенія и любви къ нему оказываетъ, не взирая на всѣ неласковыя его письма» [1].

---

[1] Письмо отъ 9 декабря 1762 г. («Арх. кн. Воронц.», т. V стр. 165—168).

[2] «Арх. кн. Воронцова», т. XXXIV, стр. 287—288.

А. Р—чъ послѣ этого написалъ сестрѣ письмо, тоже не дошедшее до насъ. Оно очевидно было примирительнаго тона, однако не вполнѣ свободно отъ назиданій и подозрѣній, которыя А. Р—чъ, быть можетъ, хотѣлъ только провѣрить.

Дашкова отвѣчала брату, съ горячностью опровергая его обвиненія и сама нападая на него. «Узнайте меня лучше, дорогой мой братъ, и вѣрьте, что я никогда ничего не сдѣлаю противнаго правиламъ чести, хотя бы при этомъ пострадало мое собственное состояніе. Обратитесь къ моему поведенію и вы увидите въ немъ черты женщины съ убѣжденіями твердыми, которая презираетъ богатство и ужъ конечно не станетъ пріобрѣтать ихъ средствами постыдными, а тѣмъ болѣе ради этого обирать свою собственную сестру, которую она искренно любитъ: вы сами конечно согласитесь, что ни я, ни все мое семейство ровно ничѣмъ ей не обязаны». Она упрекаетъ его за то, что онъ разослалъ по роднымъ копіи съ ея писемъ, выказавъ тѣмъ желаніе повредить ей въ общемъ мнѣніи. Письмо свое она оканчиваетъ обращеніемъ къ нему, исполненнымъ страстной нѣжности: «Я заклинаю васъ, какъ сестра и даже болѣе, какъ искренній другъ, не давать такъ легко опутывать себя сѣтями, которыя съ упорствомъ разбрасываются изо-дня въ день, чтобы нарушить доброе согласіе между нами и воспользоваться для себя возникшимъ раздоромъ. Будьте увѣрены, что вы всегда найдете во мнѣ друга, который, отдавъ вамъ всю нѣжность своей души,

будетъ глубоко тронутъ вашимъ возвращеніемъ къ нему. Все что я говорю вамъ здѣсь, идетъ не отъ раздраженія или злопамятности: я всегда слишкомъ любила васъ, чтобы сохранить въ своей памяти какую нибудь горечь, когда я увидѣла бы, что вы возвращаетесь ко мнѣ и къ разсудку. Прощайте же, дорогой братъ; съ уваженіемъ самымъ совершеннымъ ваша вѣрная сестра и другъ»... [1]

Ал. Воронцовъ призналъ это письмо по тону совершенно «inadmissible à moi» и въ холодно-надменныхъ фразахъ выразилъ раскаяніе, что предыдущее письмо было написано имъ слишкомъ мягко— «я былъ тронутъ вашимъ предыдущимъ письмомъ и это заставило меня отвѣчать вамъ въ тонѣ, который вы приняли за подчиненіе, отъ чего я очень далекъ въ дѣйствительности». Онъ напомнилъ Дашковой все, что сдѣлали для нея родные, теперь отвергаемые ею, напомнилъ очень подробно и доказательно и кончилъ письмо нѣсколькими колкостями по ея адресу. Какъ бы для того, чтобы подчеркнуть ихъ, въ post-scriptum'ѣ онъ пишетъ: «я прошу васъ передать мой привѣтъ кн. Дашкову, котораго я искренно уважаю. По всему, что доходитъ до меня о немъ, я вижу, что поведеніе его дѣлаетъ ему честь. Мое уваженіе значитъ конечно очень мало, однако я его не расточаю» [2].

---

[1] Письмо отъ 13 марта 1863 г. изъ Москвы. («Арх. князя В—ва», т. V, стр. 168—170).

[2] Письмо отъ 17 апрѣля 1763 г. («Арх. кн. В—ва», т. V, стр. 170—173).

Письмо Дашковой и свой отвѣтъ на него онъ опять послалъ въ копіяхъ дядѣ, отъ котораго и получилъ отвѣтъ:

«Благодарствую вамъ за сообщеніе письма княгини Дашковой и на оное вашего отвѣта. Вамъ извѣстенъ мой характеръ и что я душою ненавижу никакихъ сплетней, а еще болѣе вражды между свойственниками; и для того какъ прежде не писалъ, такъ и теперь не хочу писать о поступкахъ сестры вашей, княгини Дашковой. Она больше сожалѣнія, нежели ненависти достойна. Можетъ быть, что она со временемъ сама узнаетъ ошибку свою и постарается мысли и поведеніе свое исправить. По меньшей мѣрѣ мы не подаемъ ей повода противу насъ негодовать и я не совѣтую вамъ огорчительную переписку съ нею содержать. А мы съ нею поведеніе имѣемъ какъ бы съ незнакомой и постороннею персоною. Что же она къ вамъ писала, якобы она о пересылкѣ вами ея писемъ сюда извѣстна, сіе меня крайне удивляетъ, ибо я, кромѣ отца вашего, никому сообщенія о томъ дѣлать ни нужды, ни резона не имѣлъ; тоже и съ вышеупомянутыми письмами учинено будетъ» [1].

Письмо это было уже отъ 22-го мая 1763 г. Положеніе Дашковой въ это время было очень невѣрное: ее подозрѣвали въ заговорѣ противъ императрицы и, по словамъ Дидро, только тяжелая болѣзнь,

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 220.

въ которой она безвыходно лежала дома, избавила ее отъ ареста.

До насъ болѣе не дошло писемъ изъ этой «огорчительной переписки». Быть можетъ, они просто затерялись, быть можетъ, гр. А. Воронцовъ внялъ совѣту дяди и пожертвовалъ своимъ раздраженіемъ чувству брата.

Сохранилось письмо Дашковой, которое, вѣроятно, знаменуетъ собою окончаніе этой продолжительной размоловки между братомъ и сестрой. Оно писано уже отъ 19-го октября 1763 г.: «Съ величайшей радостью прочла я, дорогой братъ мой, ваше милое письмо. Я прошу васъ, мой дорогой другъ, продолжать. Трудны только первые шаги и я не прощу вамъ никогда, если вы перестанете доставлять мнѣ это сладкое удовлетвореніе. Я забываю все, чѣмъ вы такъ несправедливо упрекали меня, и извиняю это вамъ, какъ нашему милому *моралисту*, которому мы должны отпускать кое-что, когда онъ намъ проповѣдуетъ» [1].

Нѣсколько важныхъ писемъ этой переписки, кажется, вовсе не сохранилось до нашего времени. Таковы, кромѣ указанныхъ уже, письма Дашковой и графа А. Воронцова, въ которыхъ говорится объ отцѣ ихъ, графѣ Р. Л. Воронцовѣ. Мы видѣли, что въ первое свиданіе съ княгиней Дашковой послѣ переворота графъ Р. Л—чъ очень обрадовался Кате-

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 173.

ринѣ Романовнѣ и даже не хотѣлъ отпускать ее отъ себя. Вскорѣ послѣ того онъ оказывается уже въ открытой ссорѣ съ ней. Причина его раздраженія намъ неизвѣстна. На нее есть лишь слабый намекъ въ словахъ записокъ Дашковой: «вскорѣ (послѣ переворота) явилась ко двору еще одна личность, которая, можетъ быть, и не нарочно или по крайней мѣрѣ безъ всякаго умысла была причиной первыхъ жгучихъ огорченій, которыя я испытала и противъ которыхъ оказывался недостаточнымъ доступный для женщины родъ мужества.... Это была первая камеръ-фрау императрицы. Ее сослали въ одно время съ Бестужевымъ и, какъ говорятъ, она была очень близка съ моей матерью. Она происходила изъ дворянской семьи и имѣла большой природный умъ. Ея именемъ пользовались для того, чтобы повредить мнѣ въ глазахъ моего отца; но объ этомъ я разскажу послѣ»[1]. Это обѣщаніе свое княгиня послѣ не выполняетъ и причина ея разрыва съ отцомъ остается для насъ неизвѣстной. Можно думать, что гр. Р. Л—ча больше чѣмъ всѣхъ другихъ Воронцовыхъ раздражало безучастіе кн. Дашковой къ ихъ денежнымъ и инымъ интересамъ — это вполнѣ согласуется съ его характеромъ, тяжелымъ и корыстнымъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что послѣ переворота гр. Р. Л—чъ дальше всѣхъ разошелся съ кн. Дашковой и дольше всѣхъ не мирился съ нею.

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 93.

Въ письмахъ кн. Дашковой[1] есть намекъ, что осенью 1765 г. вслѣдствіе какого-то поступка съ ея стороны, раздраженіе отца противъ нея, къ тому времени быть можетъ уже и смягчившееся, усилилось опять, такъ что въ ноябрѣ 1767 г., ожидая пріѣзда брата гр. А. Р—ча въ Россію, она писала ему: «что же до надеждъ, которыя вы возлагаете на моего отца относительно нашихъ свиданій, то я желала бы ихъ осуществленія, но вы, мужчины, имѣете все-таки столько уловокъ и всякихъ способовъ для тайныхъ маневровъ, что, при небольшомъ желаніи, у насъ будетъ возможность видѣть другъ друга[2]».

Лишь съ лѣта 1771 г., когда Дашкова находилась за границей, въ ея письмахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на добрыя отношенія къ ней отца и даже на переписку между ними[3]. Возвращаясь осенью этого года въ Россію, она писала А. Р—чу: «какъ понимать мнѣ то, что ни вы, ни отецъ мой не отвѣчаете мнѣ ничего на счетъ остановки моей у него?»[4]

Съ этого времени, т. е. съ начала 1772 г., переворотъ 28-го іюня перестаетъ уже вліять на отношенія Дашковой къ ея роднымъ и они устанавливаются разъ навсегда.

Участіе въ этомъ переворотѣ принесло Дашковой

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 157—176. Письмо отъ 26 января 1766 г.

[2] «Арх. кн. Воронцова», т. V, стр. 177—178.

[3] Ibidem, стр. 181.

[4] Ibidem, стр. 180.

общую холодность въ первое время всѣхъ ея родныхъ, продолжительную размолвку съ братомъ, А. Р—чемъ, и почти десятилѣтнюю ссору съ отцомъ. О своихъ отношеніяхъ за это время къ сестрѣ Лизаветѣ Ром—нѣ Дашкова говорила впослѣдствіи: «Я не ссорилась съ сестрою и могла легко руководить ею, а черезъ нее и государемъ, ежели бы захотѣла принимать какое либо участіе въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу» [1]. Общая справедливость этихъ словъ Дашковой подтверждается въ нашихъ глазахъ кромѣ того «благодарительнаго къ ней письма» Лиз. Р—ны, о которомъ пишетъ Дубровскій, еще и многими фактами времени болѣе поздняго: такъ, княгиня, вернувшись изъ-за границы въ 1771 г., остановилась въ домѣ сестры, добилась пожалованія ея дочери въ фрейлины и т. п.

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. VII, стр. 654,—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Къ стр. 11. — Воронцовы происходятъ отъ Ивана Ѳедоровича Воронцова, перваго писавшагося этой фамиліей. Его потомокъ въ седьмомъ колѣнѣ, Ѳедоръ Васильевичъ Воронцовъ былъ сыномъ воеводы и окольничаго временъ Грознаго. Ларіонъ Гавриловичъ Воронцовъ (1674—1750) имѣлъ трехъ сыновей: Романа, Михаила и Ивана. Онъ былъ небогатъ и владѣлъ всего двумя стами душъ крестьянъ. Возвысился и обогатился родъ Воронцовыхъ благодаря второму его сыну Михаилу (род. 12-го іюля 1714 г., ум. 15 февр. 1767 г.), который съ 1730 г. состоялъ камеръ-юнкеромъ при цес. Елисаветѣ Петровнѣ, управляя ея имѣніями. Елисавета Петровна считала его однимъ изъ самыхъ приверженныхъ къ себѣ людей. По словамъ кн. Дашковой, онъ въ годы до восшествія Елисаветы на престолъ не разъ помогалъ ей изъ своихъ денегъ. Онъ правилъ лошадьми саней, когда Елисавета Петровна отправилась въ Преображенскія казармы въ ночь на 24-ое ноября 1741 г., чтобы объявить свои права на престолъ. Въ 1742 г. Елисавета отдала за него свою двоюродную сестру, родную племянницу имп. Екатерины I, графиню Анну Карловну Скавронскую, и дала ему чинъ генералъ-поручика. 27-го марта 1744 г. онъ былъ возведенъ имп. герм. Карломъ VII, въ графское достоинство Римской имперіи. Въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ, а въ 1758 г., по низложеніи гр. А. П. Бестужева, и канцлеромъ. У него была только одна дочь Анна (род. въ 1743 г.), несчастно вышедшая потомъ замужъ за камергера гр. А. С. Строгонова. Она умерла въ 1769 г., 21-го августа, раньше своей матери, почему всѣ имѣнія канцлера перешли къ его братьямъ;

титулъ графовъ Римской имперіи былъ распространенъ на нихъ, какъ мы сказали, въ 1760 г.

Изъ нихъ Романъ Ларіоновичъ былъ при Елисаветѣ Петровнѣ генералъ-поручикомъ и сенаторомъ, а въ день восшествія на престолъ Петра III получилъ чинъ генералъ-аншефа и ленту св. Андрея Первозваннаго. При Екатеринѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ Владимірскимъ и Ярославскимъ и умеръ 30-го ноября 1783 г. Женатъ онъ былъ на Маріѣ Ивановнѣ Сурминой, въ первомъ своемъ замужествѣ вышедшей за одного изъ тѣхъ кн. Долгорукихъ, которые были сосланы вскорѣ по смерти Петра II. Она воспользовалась своимъ правомъ не слѣдовать за мужемъ въ ссылку, заявивъ о своемъ несогласіи съ его образомъ мыслей, и получила разрѣшеніе вторично выйти замужъ. Старшій изъ ея сыновей Александръ Романовичъ (1741—1805) начало своей службы провелъ за границей на разныхъ дипломатическихъ постахъ; при Екатеринѣ II онъ былъ сдѣланъ д. тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи, а при Александрѣ I—госуд. канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Семенъ Р—чъ (1744—1832) служилъ сначала въ войскахъ, съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, и потомъ, перейдя на дипломатическую службу, былъ болѣе сорока лѣтъ нашимъ посломъ въ Лондонѣ.

Младшій братъ въ семьѣ Ларіона Гавриловича Воронцова — Иванъ (1719—1789) генералъ-поручикъ, женатъ былъ на дочери извѣстнаго Артемія Петровича Волынскаго. Его сынъ Артемій испросилъ у имп. Павла Петровича указъ (5 апрѣля 1797 г.) о пріобщеніи рода Воронцовыхъ, графовъ Римской имперіи, къ россійско-графскимъ родамъ. Въ семьѣ второго сына Ивана Л—ча Ларіона соединились вѣтви родовъ князей Дашковыхъ и графовъ Воронцовыхъ. Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, умершій бездѣтнымъ, завѣщалъ все свое имѣніе графу Ивану Ларіоновичу Воронцову (род. 1790 г.), который приходился ему внучатымъ братомъ, и имп. Александръ I, указомъ 11-го августа 1807 г., дозволилъ послѣднему именоваться графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

Въ гербѣ графовъ Воронцовыхъ щитъ раздѣленъ на двѣ неровныя части. Въ верхней, меньшей, изображено въ черномъ полѣ золотое стропило съ тремя гранатами и вокругъ него

три серебряныя звѣзды. Это стропило съ гранатами и звѣздами напоминаетъ участіе Мих. Лар. Воронцова въ восшествіи на престолъ импер. Елисаветы и входитъ въ гербы всѣхъ лейбъ-кампанцевъ. Нижняя, большая часть гербового щита, раздѣлена линіей наискось справа налѣво (отъ предмета) на два поля: правое—красное и лѣвое—серебряное. На этой раздѣляющей линіи положены двѣ розы и между ними лилія, такъ что верхняя половина каждой розы и лиліи находится въ серебряномъ полѣ, а нижняя въ красномъ; при этомъ въ серебряномъ полѣ розы и лиліи имѣютъ красный цвѣтъ, а въ красномъ—серебряный. На щитѣ покоится графская корона, а на ней три дворянскіе серебряные шлема съ золотыми обручами и цѣпями. На правомъ шлемѣ корона дворянская, изъ которой выходятъ шесть знаменъ, два красныхъ, два бѣлыхъ и два золотыхъ съ россійскими на нихъ орлами. На среднемъ шлемѣ — графская корона и на ней россійскій двуглавый орелъ съ короною, съ клювомъ и когтями золотыми. На лѣвомъ шлемѣ—лейбъ-кампанская шапка и съ каждой стороны по одному орлиному черному крылу съ тремя серебряными на немъ звѣздами. Наметъ съ правой стороны черный и золотой, съ лѣвой—красный и серебряный. Щитъ держатъ передними ногами два бѣлые коня съ красными графскими коронами на шеѣ. Девизъ: «Semper immota fides» (всегда неколебимая вѣрность). («Ист. родовъ рус. дворянства» П. Н. Петрова, Спб., 1886, т. I, стр. 234 — 236).

Къ стр. 16.— Князья Дашковы происходятъ отъ Рюрика. Князь Александръ Святославичъ Смоленскій, по прозвищу Дашекъ, потомокъ Рюрика въ семнадцатомъ колѣнѣ, имѣлъ сына кн. Михаила Александровича Дашкова, по прозвищу *Зѣло*. Отъ него въ восьмомъ колѣнѣ у кн. Ив. Андр. Дашкова былъ сынъ кн. Михаилъ Ивановичъ (род. 3-го марта 1736 г., ум. 17-го августа 1764). Въ сынѣ его, кн. Павлѣ Михайловичѣ, родъ Дашковыхъ пресѣкся въ 1807 г. Гербъ Дашковыхъ: щитъ раздѣленъ на четыре части. Въ первой и четвертой частяхъ въ голубомъ полѣ ангелъ въ одеждѣ сребротканной держитъ въ правой рукѣ серебряный мечъ, а въ лѣвой золотой щитъ. Во второй и въ третьей частяхъ въ красномъ полѣ стоитъ на землѣ

влѣво обращенная черная пушка на золотомъ лафетѣ; на пушкѣ сидитъ райская птица. Посреди герба серебряный щитокъ, въ коемъ золотая шестиугольная звѣзда; надъ нею золотой полумѣсяцъ, рогами внизъ, и надъ нимъ золотой крестъ. Гербъ покрытъ княжескою мантіею и россійско-княжескою шапкою. («Россійская родословная книга» кн. П. Долгорукого, 1857, часть IV, стр. 382, прим.).

Къ стр. 38.—По разсказамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, права русскому дворянству были выиграны у Петра барономъ Н. А. Корфомъ. («Отеч. Зап.» 1867 г., кн. XVI. стр. 770). Это, однако, такъ же сомнительно, какъ и разсказъ кн. Щербатова о тѣхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Волковъ написалъ манифестъ о вольности дворянства. Этотъ манифестъ въ дѣйствительности редактированъ, кажется, генералъ-прокуроромъ сената А. И. Глѣбовымъ, а не Волковымъ, который о немъ и не упоминаетъ въ своемъ перечисленіи того, что онъ сдѣлалъ для пользы Россіи при Петрѣ. Появился манифестъ этотъ не нежданно-негаданно, какъ заставляетъ предположить разсказъ кн. Щербатова, но Петръ предувѣдомилъ о немъ сенатъ еще въ засѣданіи 17-го января и лишь 18-го февраля манифестъ былъ объявленъ. Характерно, однако, во всемъ этомъ то, что общая молва не хочетъ относить популярные указы Петра III къ его государственнымъ способностямъ, но ищетъ имъ причины иного свойства.

Къ стр. 44.— По словамъ Дашковой, причиной отъѣзда кн. М. И. Дашкова въ Константинополь было столкновеніе его съ Петромъ, происшедшее «на второй недѣлѣ января» 1762 года («Арх. кн. В — ва», т. XXI, стр. 44), послѣ чего она будто бы сама отправилась къ канцлеру и просила его дать ея мужу какое нибудь назначеніе, которое удалило бы его на время изъ Петербурга. Просимое ею назначеніе состоялось на слѣдующій же день. Между тѣмъ, въ дошедшемъ до насъ письмѣ гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову, еще отъ 28-го декабря 1761 г., канцлеръ извѣщаетъ своего племянника, что «въ Царь-градъ

назначенъ кн. М. И. Дашковъ» («Арх. кн. В — ва», т. XXXI, стр. 196). Очевидно, кн. Дашкова ошиблась и столкновеніе ея мужа съ государемъ произошло въ первые же дни царствованія Петра. Предположить въ виду этой разницы въ хронологіи, что назначеніе кн. Дашкова въ Константинополь имѣло причиной нѣчто другое, а не раздраженіе противъ него Петра, мы не имѣемъ права, потому что разсказъ объ этомъ Дашковой косвенно подтверждается письмомъ къ ней гр. А. Р. Воронцова («Арх. кн. В—ва», т. V, стр. 172), въ которомъ онъ на эту заграничную поѣздку князя указываетъ какъ на особое снисхожденіе къ нему государя и даетъ понять, что въ то же время предполагалось выслать и княгиню Дашкову въ Москву. Значитъ, чета Дашковыхъ дѣйствительно попала въ немилость и знаковъ благоволенія Петра — каковымъ можно было бы счесть назначеніе въ Константинополь посланникомъ—кн. М. И. не могъ ожидать себѣ никакихъ.

Къ стр. 47.—Этотъ разсказъ Дашковой о происшествіи за обѣдомъ въ день празднованія мира съ Пруссіей нами ошибочно отнесенъ къ 10-му мая (нов. ст.). Дѣло въ томъ, что Петръ два раза праздновалъ этотъ миръ. 29-го апрѣля (10-го мая нов. ст.) онъ сдѣлалъ торжественный обѣдъ по случаю объявленія мира съ Пруссіей, но императрица на немъ не присутствовала вовсе [1], а значитъ не могла тогда ничего и слышать отъ Петра. 9-го іюня былъ обѣдъ на 400 особъ, за которымъ и совершилось то, о чемъ разсказываетъ Дашкова. Вечеромъ въ тотъ же день Петръ устроилъ въ Лѣтнемъ дворцѣ ужинъ для своего интимнаго кружка; за нимъ онъ и объявилъ или, вѣрнѣе, подтвердилъ кн. Репнину его назначеніе. Мы говоримъ «подтвердилъ» потому, что намѣреніе послать Репнина въ Берлинъ существовало уже давно: гр. Мерси еще отъ первыхъ чиселъ мая сообщалъ своему двору, что «русскій государь недавно назначилъ кн. Репнина русскимъ императорскимъ уполномоченнымъ министромъ къ берлинскому двору» [2].

---

[1] Депеша гр. Мерси «С. И. О.», т. XVIII, стр. 335. Къ этому обѣду приглашены были только мужчины.

[2] Ibidem, стр. 351.

Къ стр. 50.—Депеша гр. Мерси отъ 7-го іюня 1762 г.: «Царь имѣлъ недавно съ архіепископомъ новгородскимъ, котораго онъ опять призывалъ къ себѣ, очень горячій разговоръ, ибо русскій государь былъ намѣренъ соорудить въ своемъ дворцѣ протестантскую молельню, будто бы для придворной прислуги, исповѣдующей эту религію; но сказанный архіепископъ прямо объявилъ, что русское духовенство скорѣе дастъ себя вовсе истребить, чѣмъ станетъ равнодушно и въ молчаніи смотрѣть на такія нововведенія. Вообще, не легко себѣ представить, какое странное пренебреженіе царь оказываетъ публично къ господствующей религіи своего государства. Въ предпослѣдній торжественный день св. Троицы (т. е. Духовъ день), празднуемый особенно греческою церковью, онъ принималъ, увѣряютъ, иностранныхъ министровъ и дворянство въ придворной церкви, гдѣ онъ, точно въ своихъ покояхъ, ходилъ взадъ и впередъ и громко разговаривалъ съ лицами обоего пола, тогда какъ въ то же время торжественно совершалась обѣдня и императрица стояла въ благоговѣніи на своемъ мѣстѣ; это неблагопристойное поведеніе государь простеръ такъ далеко, что въ той части службы, гдѣ всѣ становятся на колѣни (что въ русской церкви бываетъ только два раза въ годъ, а именно: въ сказанный праздникъ и на послѣдней недѣлѣ великаго поста), онъ съ насмѣшкою въ лицѣ и въ жестахъ и съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился только тогда, когда всѣ уже встали по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы» («С. И. О.», т. XVIII, стр. 391—392).

Къ стр. 51.— Составъ гвардейскихъ полковъ къ концу царствованія Петра былъ слѣдующій:

Преображенскій полкъ—81 штабъ и оберъ офицеровъ и 2,856 нижнихъ чиновъ.

Семеновскій полкъ } Въ каждомъ 55 штабъ и оберъ офицеровъ
Измайловскій полкъ } и 1,802 нижнихъ чиновъ.

Лейбъ-гвардіи бомбардирскій батальонъ—8 штабъ и оберъ офицеровъ и 394 нижнихъ чиновъ.

Лейбъ-гвардіи конный полкъ — 44 штабъ и оберъ офицеровъ и 1,401 нижнихъ чиновъ.

Всего по спискамъ было — 243 штабъ и оберъ офицеровъ и 8,255 нижнихъ чиновъ. («Ист. Имп. россійской гвардіи» Ив. Пушкарева, Спб. 1844). Для опредѣленія численности стоявшихъ тогда въ Петербургѣ артиллерійскихъ частей мы не имѣемъ данныхъ, но Рюльеръ такъ разсказываетъ о поведеніи ихъ въ день 28-го іюня: когда Екатерина была признана тремя гвардейскими полками, «Орловъ поспѣшилъ къ артиллерійскимъ гостямъ, войскамъ многочисленнымъ и пользовавшимся особымъ значеніемъ: почти всѣ солдаты въ нихъ имѣли знаки отличія за участіе въ кровопролитныхъ сраженіяхъ съ прусскимъ королемъ. Онъ разсчитывалъ на вліяніе, которое давала ему среди солдатъ должность казначея этихъ войскъ, и надѣялся безъ труда заставить ихъ стать въ ружье, но они однако отказались повиноваться ему и желали сперва узнать, что говоритъ ихъ генералъ», Вильбуа, который впрочемъ легко принялъ сторону Екатерины. («Anecdotes sur la Russie», Paris. 1819 стр. 331—332). Все это показываетъ, что въ артиллеріи Орловы не вели никакой предварительной агитаціи или же она была безуспѣшна. Участіе въ переворотѣ армейскихъ полковъ несомнѣнно. Судя по словамъ Екатерины, ихъ было три; по крайней мѣрѣ, такое число ихъ пошло вмѣстѣ съ нею въ Петергофъ, когда въ столицѣ оставлено было «лишь по небольшому караулу отъ каждаго полка для охраны великаго князя», и значитъ были выведены всѣ наличныя войсковыя части («La cour de la Russie», стр. 207). Нигдѣ, однако, нѣтъ указаній, чтобы агитація Орловыхъ распространялась и на армейскіе полки хотя въ день переворота послѣдніе повидимому очень охотно перешли на сторону Екатерины. Все рѣшительнымъ образомъ показываетъ, что агитація Орловыхъ ограничивалась однѣми гвардейскими частями и тогда цифра 10,000, которою Екатерина опредѣляетъ число участвовавшихъ въ заговорѣ солдатъ, является, конечно, крайне преувеличенною. Всѣхъ гвардейскихъ войскъ въ Петербургѣ было едва это количество, а между ними было много и людей безучастныхъ, и людей прямо вѣрныхъ Петру. По словамъ Рюльера, въ заговоръ вступили и принесли клятву всего двѣ роты Измайловскаго полка; Панинъ же говоритъ о четырехъ ротахъ съ ихъ капитанами. Точную цифру заговорщиковъ опредѣлить невозможно и изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ показаній ясно лишь то, что въ тайнѣ заговора участво-

вало много простыхъ солдатъ, но что общее число ихъ было гораздо меньше десяти тысячъ и едва ли превышало даже одну тысячу.

Къ стр. 52. — Кн. М. Щербатовъ пишетъ объ этихъ обѣдахъ и ужинахъ Петра: «Какіе сіи были столы? Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны; тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки; продолженіе пьянства и дымъ отъ куренія табаку представлялъ болѣе какой трактиръ, нежели домъ государскій; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ составляли достоинство пріобрѣсти любленіе государево, и гр. З. Г. Чернышевъ при бывшей пробѣ россійской и прусской взятой въ плѣнъ артиллеріи, за то что старался доказать и доказалъ, что россійская артиллерія лучше услужена, не получилъ Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы» («О поврежденіи нравовъ въ Россіи», «Рус. Ст.» 1871, III, 674). «Развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго рода роскошь и пьянство составляло отличныя умоначертанія двора. (Ibidem. 675).

Къ стр. 65. — Гр. С. Р. Воронцовъ былъ назначенъ Петромъ ѣхать курьеромъ къ гр. П. А. Румянцеву, главнокомандующему войскъ, приготовленныхъ противъ Даніи. Передъ отъѣздомъ онъ хотѣлъ откланяться государю и 28-го іюня 1762 г. въ 8 часовъ утра онъ уже садился въ экипажъ, чтобы ѣхать въ Ораніенбаумъ, когда ему передали, что Екатерина въ городѣ и признана измайловцами царствующей государыней... «Я пришелъ въ невыразимую ярость отъ этой вѣсти, обнаружившей мнѣ всю важность измѣны, которая мнѣ была болѣе понятна, чѣмъ самому вѣстнику, такъ какъ я зналъ кой-какія обстоятельства, поясняющія дѣло. Полагаясь, однако же, на вѣрность Преображенскаго полка, я поскакалъ къ этому полку, который былъ уже наготовѣ къ выступленію колоннами. Въ ста шагахъ отъ моей роты я встрѣтилъ нѣсколько офицеровъ, собравшихся въ кру-

жокъ, между прочими Бредихина, Баскакова, князя Ѳ. Барятинскаго. Послѣдній былъ подпоручикомъ въ моей ротѣ. Я высказываю имъ о поступкѣ мятежниковъ все, что крайняя раздражительность моего характера внушаетъ мнѣ, при чемъ выражаю увѣренность, что они и весь нашъ полкъ подадимъ примѣръ вѣрности прочимъ войскамъ. Они мнѣ ничего не отвѣчали и глядѣли другъ на друга, блѣдные, разстроенные. Я принялъ ихъ только за трусовъ, не зная, что они были сообщниками въ мятежѣ. Отвернувшись отъ нихъ, я поспѣшилъ обнять моего капитана, Петра Ивановича Измайлова, одного изъ храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ нашего несчастнаго государя. Онъ гнушался тѣмъ, что происходило, готовъ былъ умереть за вѣрность своему долгу и надѣялся, какъ и я, что полкъ не увлечется. Мы уговорились внушать вѣрность нашимъ гренадерамъ и пошли по рядамъ, увѣщевая ихъ не измѣнять законному государю. «Мы умремъ за него», отвѣчали гренадеры. Въ это время секундъ-маіоръ полка, Петръ Петровичъ Воейковъ, почтеннѣйшій человѣкъ, проскакалъ вдоль полка, восклицая; «Ребята, не забывайте вашу присягу государю императору Петру Ѳедоровичу: умремъ или останемся ему вѣрны!» Онъ остановился, протянулъ мнѣ руку и прослезился отъ радости, видя, что мой капитанъ и я одушевлены тѣми же чувствами чести, какъ и онъ. Потомъ онъ скомандовалъ: «ступай!» и мы пошли къ Казанскому собору, гдѣ уже находилась императрица и совершалось молебствіе. Мы надѣялись (секундъ-маіоръ, капитанъ и я), что при первомъ окликѣ нашъ полкъ единогласно воскликнетъ: «да здравствуетъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ!» и что мы по первомъ выстрѣлѣ на насъ со стороны мятежниковъ, за невозможностью для насъ стрѣлять (такъ какъ, идя по Невскому проспекту, мы могли дѣйствовать только колонною), ударимъ на нихъ въ штыки, сомнемъ ихъ и уничтожимъ: ибо они толпились безъ рядовъ и линій, какъ мужики, и большею частью въ пьяномъ видѣ, мы же были въ стройномъ порядкѣ. Но нѣкто князь Меншиковъ, премьеръ-маіоръ въ нашемъ полку, человѣкъ неспособный и пьяный, не имѣвшій никакого значенія и терпимый на службѣ только по снисхожденію императора, вдругъ появился въ тылу колонны и воскликнулъ: «Виватъ императрица Екатерина Алексѣевна, наша самодержица!» Это было

электрическимъ ударомъ. Вся толпа повторила это восклицаніе. Секундъ-маіоръ, капитанъ и я тщетно усиливались удержать этотъ порывъ. Мы находились уже въ 50-ти шагахъ отъ двухъ другихъ полковъ, но всѣ усилія наши были безполезны, и я не знаю, какъ насъ не убили. Воейковъ, бросивъ шпагу, крикнулъ изо всѣхъ силъ: «Ступайте къ чорту, канальи, измѣнники: я съ вами не буду!» Затѣмъ поворотилъ лошадь и поѣхалъ домой, гдѣ его вскорѣ арестовали.

«Не смотря на мою молодость и крайнее раздраженіе, я рѣшился сквозь толпу бѣжать къ рѣкѣ, заплатить первому встрѣчному лодочнику 10 или 12 имперіаловъ, бывшихъ у меня въ карманѣ, и плыть въ Ораніенбаумъ, гдѣ находился императоръ, который могъ бы еще проѣхать въ Нарву, явиться къ войску, воодушевить его своимъ присутствіемъ и по крайней мѣрѣ прикрыть свой путь, еслибы онъ рѣшился немедленно отправиться въ армію, бывшую за границею подъ начальствомъ такого полководца, какъ графъ Румянцевъ. Я усиливался пробраться сквозь толпу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня хватаютъ за воротъ. Я вынулъ шпагу, обернулся и нанесъ ударъ, который скользнулъ по шляпѣ и плечу моего противника. Это былъ офицеръ Измайловскаго полка. Онъ закричалъ: «Схватите его!» Одинъ унтеръ-офицеръ и шесть мушкатеровъ этого полка окружили меня и задержали, а офицеръ отдалъ приказъ: «Отведите его въ Зимній дворецъ и держите подъ карауломъ!»

«Приведенный въ какой то уголъ на дворцовую гауптвахту, я сталъ говорить съ унтеръ-офицеромъ и шестью мушкатерами, какъ человѣкъ увѣренный въ томъ, что ихъ предпріятіе окончится дурно и что законный государь останется побѣдителемъ. Они мнѣ ничего не отвѣчали, и это ободрило меня продолжать мое увѣщаніе; я даже предложилъ имъ отпустить меня или слѣдовать за мною до первой лодки. Я обѣщалъ унтеръ-офицеру повышеніе по службѣ, а солдатамъ предлагалъ мои имперіалы, отъ которыхъ они, новидимому, не отказались бы; но начальникъ ихъ приказалъ мнѣ молчать, велѣлъ позвать другого сержанта, поручилъ ему команду и удалился рапортовать о случившемся.

«Прошло четыре или пять часовъ и по возвращеніи унтеръ-офицера я былъ отведенъ въ домъ, принадлежащій дворцовому

вѣдомству, напротивъ стараго деревяннаго дворца, и отданъ подъ караулъ, состоявшій изъ офицера Семеновскаго полка, одного сержанта и 6 или 8 солдатъ. Офицеръ находился и спалъ со мной въ одной комнатѣ. Это былъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ, который въ обращеніи со мной выказалъ много человѣколюбія и кротости, хотя я прежде не былъ съ нимъ знакомъ, между тѣмъ, какъ начальникъ его, князь Черкасскій, маіоръ конногвардейскаго полка, имѣвшій главный надзоръ надъ политическими арестантами, при каждомъ своемъ появленіи обращался ко мнѣ съ самыми грубыми рѣчами, которыя съ моей стороны не оставались безъ возраженія, такъ какъ я не могъ совладать съ моимъ пылкимъ характеромъ.

«Я былъ выпущенъ изъ-подъ ареста, черезъ два дня послѣ кончины императора. Г-нъ Порошинъ, бывшій флигель-адъютантъ императора, пришелъ сказать мнѣ, что ему приказано возвратить мнѣ шпагу, и что императрица повелѣла, чтобы я вернулся домой и продолжалъ службу. Тутъ я узналъ о подробностяхъ событія и о смерти государя; также узналъ, что одинаковой со мной участи подверглись только: секундъ-маіоръ Воейковъ, мой капитанъ Измайловъ и Иванъ Ивановичъ Черкасовъ, штабсъ-капитанъ 1-й мушкатерской роты, въ которой самъ императоръ былъ капитаномъ.

«По прибытіи въ нашъ домъ, я нашелъ въ немъ множество солдатъ, ибо отецъ и моя сестра (Елисавета) была тоже арестованы, отдѣльно другъ отъ друга. Первый былъ высланъ въ Москву, а сестру отправили въ деревню за Москвой. Къ дому моего дяди, канцлера, на нѣсколько дней приставляли офицера, яко бы для того, чтобы оберегать его отъ народа, который, однакожъ, ничего противъ него не имѣлъ и не помышлялъ его безпокоить... Съ благородною твердостью мой дядя велъ себя во время переворота». [1]

Къ стр. 70.—Для облегченія сравненій мы печатаемъ ниже два документа, на которые мы часто ссылаемся въ изложеніи:— отрывокъ изъ письма Екатерины II къ Ст. Понятовскому о пе-

[1] «Арх. кн. Воронцова» т. VIII, стр. 3—5.

реворотѣ, возведшемъ ее на престолъ, и разсказъ Н. И. Панина о томъ-же событіи. Разсказъ Дашковой, какъ болѣе подробный и связный, взятъ нами въ основу нашего изложенія и перепечатывать его поэтому нѣтъ нужды. Письмо Екатерины переведено нами изъ «La cour de la Russie il y a cent ans», стр. 202—216. Въ «Архивѣ кн. В—ва» т. XXV, напечатанъ варіантъ этого письма, отличающійся нѣкоторыми подробностями отъ приводимаго нами; эти разнорѣчія отмѣчены у насъ въ примѣчаніяхъ. Разсказъ Панина принадлежитъ не ему собственно, а записанъ съ его словъ бар. А. Ф. фонъ-Ассебургомъ, который еще въ Стокгольмѣ близко сошелся съ Панинымъ и съ 1765 по 1768 г. былъ датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Напечатанъ этотъ разсказъ впервые въ «Denkwürdigkeiten des Freiherren Achatz Ferdinand v. d. Berlin, 1842», откуда онъ и перепечатанъ «Русскимъ Архивомъ», Asseburg. 1879 г., т. I, стр. 363—69.

Письмо Екатерины II:—Въ день празднованія заключенія мира съ Прусскимъ королемъ Петръ публично оскорбилъ меня за обѣдомъ и вечеромъ приказалъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, принудилъ его взять назадъ это приказаніе. Лишь съ этого дня я стала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлали со времени смерти императрицы Елисаветы. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить Петра въ его комнатѣ и заточить его, какъ это нѣкогда было сдѣлано съ принцессой Анной и ея дѣтьми. Петръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Къ намъ пристало значительное число гвардейскихъ офицеровъ. Главная тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Остенъ помнитъ, какъ старшій изъ нихъ всюду слѣдовалъ за мною и дѣлалъ тысячи безумствъ; его страсть ко мнѣ была у всѣхъ на глазахъ и ради нея-то онъ все и сдѣлалъ. Это люди черезвычайно рѣшительные и очень любимые солдатами,—они служили въ гвардіи. Я имъ очень много обязана, весь Петербургъ подтвердитъ это. Умы въ гвардіи были приготовлены и подъ конецъ въ секретѣ принимали участіе тридцать или сорокъ офицеровъ и около десяти тысячъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ числѣ въ теченіи трехъ недѣль не оказалось ни одного измѣнника, потому что всѣ были раздѣлены на четыре отдѣльныя партіи и ихъ начальники сходились для исполненія предположеній (dont on réunissait les chefs pour l'exécution?!) .Настоящая тайна была въ рукахъ трехъ братъ-

евъ. Панинъ хотѣлъ, чтобы переворотъ совершился въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

«Я была въ Петербургѣ; Петръ жилъ и пилъ въ Ораніенбаумѣ. Было условлено, что въ случаѣ измѣны не будутъ ждать его возвращенія (въ Петербургъ), но соберутъ гвардію и провозгласятъ меня императрицей. Усердіе солдатъ ко мнѣ произвело то, что должна была бы сдѣлать измѣна. 27-го числа распространился слухъ что я арестована. Солдаты пришли въ волненіе; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокоилъ ихъ. Одинъ солдатъ является къ капитану Пассеку, начальнику одной изъ партій, и говоритъ ему, что я навѣрное погибла. Пассекъ удостовѣрилъ его, что имѣетъ извѣстія обо мнѣ. Этотъ солдатъ, встревоженный за меня, пошелъ къ другому офицеру и сказалъ ему то же самое, но послѣдній не былъ въ заговорѣ и услышавъ, что офицеръ отпустилъ этого солдата не арестовавши его, испугался и отправился къ маіору, который велѣлъ арестовать Пассека и послалъ рапортъ тою же ночью въ Ораніенбаумъ. Весь полкъ заволновался и среди заговорщиковъ роспространилось смущеніе. Они рѣшили сперва послать ко мнѣ второго изъ Орловыхъ, чтобы привезти меня въ городъ, а двое остальныхъ отправились объявить вездѣ, что я уже въ городѣ [1]. Гетманъ, Волконскій и Панинъ были въ секретѣ.

«Я жила почти одна въ Петергофѣ съ женщинами, составлявшими мою прислугу. Повидимому всѣ забыли обо мнѣ, однако я была въ сильномъ безпокойствѣ, потому что знала подробно все что ни дѣлалось за и противъ меня. 28-го числа въ

[1] Въ варіантѣ, помѣщенномъ въ т. XXV «Арх. кн. В—ва» сказано въ этомъ мѣстѣ «что я скоро должна пріѣхать». Мы оставляемъ первое выраженіе потому, что считаемъ разсказъ Екатерины какъ бы разсказомъ самихъ Орловыхъ. Имъ выгодно было бы сказать ей, что они возбудили бодрость другихъ, увѣривъ ихъ, что Екатерина уже пріѣхала въ Петербургъ и что слѣдовательно уже поздно отступать: это показало бы ихъ людьми твердыми и рѣшительными. Между тѣмъ, изъ разсказа Дашковой и Панина видно какъ разъ противуположное: въ послѣднюю минуту Орловы вмѣстѣ со всѣми другими поколебались, не зная на что рѣшиться. Такимъ образомъ выбираемый нами варіантъ менѣе правдоподобенъ въ историческомъ отношеніи, но въ то же время намъ кажется, что въ подлинномъ письмѣ Екатерины онъ болѣе возможенъ, чѣмъ варіантъ, нами отвергаемый, ибо онъ болѣе выгоденъ для Орловыхъ.

шесть часовъ утра Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату, будитъ меня и говоритъ съ величайшимъ спокойствіемъ: «Пора вставать, все готово для вашего провозглашенія». Я спросила у него подробности, онъ отвѣчалъ: «Пассекъ арестованъ». Я болѣе не мѣшкала, поспѣшно одѣлась, не дѣлая всего туалета и сѣла въ карету, пріѣхавшую съ нимъ. Другой офицеръ, переодѣтый лакеемъ, находился при портьерѣ, третій прискакалъ мнѣ навстрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа.

«Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова и князя Барятинскаго младшаго. Послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ каретѣ, потому что мои лошади совершенно выбились изъ силъ и мы подъѣхали къ казармамъ Измайловскаго полка. Тутъ было только двѣнадцать солдатъ и барабанщикъ, который сталъ бить тревогу. И вотъ солдаты собираются, цѣлуютъ меня, ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей. Двое изъ нихъ приводятъ подъ руки священника съ крестомъ и всѣ начинаютъ мнѣ присягать. Послѣ этого меня просятъ опять сѣсть въ карету. Священникъ съ крестомъ пошелъ впереди. Мы поѣхали въ Семеновскій полкъ. Онъ вышелъ навстрѣчу съ криками «ура». Мы отправились въ Казанскій соборъ; тутъ я вышла. Преображенскій полкъ пришелъ съ криками «ура», говоря: «виноваты, что пришли послѣдніе; офицеры насъ задержали, но вотъ четырехъ мы арестовали и привели съ собою, чтобы доказать свое усердіе, потому что мы желаемъ того же, что и наши братья!» Конная гвардія прискакала послѣ; она была въ такомъ изступленіи восторга, что я никогда не видывала ничего подобнаго; солдаты со слезами на глазахъ кричали, что отечество освобождено.

«Вся эта сцена происходила между садомъ у гетмана и Казанскимъ соборомъ. Конная гвардія была въ сборѣ, офицеры на своихъ мѣстахъ. Я знала, что въ этомъ полку смертельно ненавидѣли дядю моего Георга, котораго Петръ сдѣлалъ его командиромъ и послала пѣшихъ гвардейцевъ къ нему, чтобы просить не выходить изъ дому изъ опасенія какихъ либо непріятностей для него. Не тутъ-то было: его полкъ уже отрядилъ къ нему людей, чтобы его арестовать: его домъ былъ разграбленъ, а самъ онъ побитъ.

«Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ собрались

уже синодъ и сенатъ. На-скоро составили манифестъ и форму присяги. Я сошла внизъ и пѣшкомъ обошла войска. Всего было болѣе четырнадцати тысячъ солдатъ, гвардейцевъ и армейцевъ. Какъ только меня они увидали, поднялись крики восторга, которые повторяли за ними безчисленныя толпы народа. Я поѣхала въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и покончить дѣло. Тамъ мы совѣщались и было рѣшено, что я во главѣ войскъ пойду въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать.[1] По всѣмъ дорогамъ разставили сторожевые посты и каждую минуту къ намъ приводили языковъ. Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Подъѣзжаетъ канцлеръ Воронцовъ, посланный ко мнѣ Петромъ съ упреками за отъѣздъ изъ Петергофа. Его ведутъ въ церковь присягать,— это былъ весь мой отвѣтъ ему.[2] Затѣмъ являются князь Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ, тоже изъ Петергофа, чтобы удостовѣриться въ настроеніи войскъ и убить меня. Ихъ тоже ведутъ къ присягѣ безъ всякаго насилія.[3]

«Отправивъ всѣхъ своихъ курьеровъ и принявъ всѣ мѣры предосторожности, около десяти часовъ вечера я одѣлась въ гвардейскій мундиръ и среди восторженныхъ криковъ была провозглашена полковникомъ.[4] Я сѣла на лошадь и мы оставили лишь по небольшому караулу отъ каждаго полка для охраны моего сына, который оставался въ городѣ.

«Я выѣхала во главѣ всѣхъ войскъ и мы шли всю ночь по

---

[1] Слѣдующій день былъ 29-е іюня — день св. Петра и Павла, имянины Петра, который къ нимъ намѣревался пріѣхать въ Петергофъ.

[2] Въ варіантѣ «Арх. кн. В—ва» вторая половина этой фразы пропущена.

[3] Другой варіантъ: «безъ всякаго сопротивленія».

[4] Екатерина сначала была полковникомъ лишь въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ и въ Конной гвардіи; въ Преображенскомъ же полку первое время послѣ переворота оставался полковникомъ кн. Н. Ю. Трубецкой, пожалованный въ этотъ чинъ Петромъ III. Вскорѣ, однако, по своемъ восшествіи на престолъ Екатерина объявила ему, что желаетъ служить въ одномъ съ нимъ полку и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство надъ нимъ. Тогда Трубецкой переименованъ былъ въ подполковники Преображенскаго полка («Ист. Имп. Рос. Гвардіи» И. Пушкарева, стр. 256).

дорогѣ въ Петергофъ. Когда мы доѣхали до малаго монастыря, вице-канцлеръ Голицынъ привезъ мнѣ письмо отъ Петра III очень любезное. Я забыла сказать, что при выѣздѣ изъ города три солдата, посланные изъ Петергофа, чтобы распространить въ народѣ манифестъ Петра, подали мнѣ его и сказали: «На, вотъ что намъ поручилъ Петръ; мы тебѣ отдаемъ это и очень рады случаю соединиться съ нашей братіей».

«Послѣ перваго письма отъ Петра, я получила второе изъ рукъ ген. Мих. Измайлова, привезшаго его мнѣ. Онъ упалъ мнѣ въ ноги и сказалъ: «Считаете вы меня честнымъ человѣкомъ?» Я отвѣчала ему: «Да!» — «Ну,— сказалъ онъ,— пріятно имѣть дѣло съ умными людьми. Императоръ готовъ отказаться отъ престола. Я привезу вамъ его послѣ его отреченія, совершенно свободнаго, и избѣгну для отечества междоусобной войны». Я ему безъ труда дала это порученіе и онъ отправился выполнять его. [1]

«Петръ III отказался отъ престола совершенно свободно, въ Ораніенбаумѣ, окруженный тысячу-пятьюстами голштинцевъ, и вмѣстѣ съ Лизаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Михаиломъ Измайловымъ пріѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для охраны его особы я назначила къ нему пять офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Это случилось въ полдень 29-го іюня, въ Петровъ день. Пока готовили обѣдъ для всѣхъ, солдаты вообразили, что Петръ III былъ привезенъ фельдмаршаломъ кн. Трубецкимъ и что послѣдній старался помирить насъ. И вотъ они останавливаютъ всѣхъ проходящихъ, между ними гетмана, Орловыхъ и многихъ другихъ, говоря, что уже три часа какъ они меня не видѣли, что они до смерти боятся какъ бы этотъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня, «устроивъ», какъ они говорили мнѣ, «притворный миръ между твоимъ мужемъ и тобою; какъ бы тебя не погубили, тебя, да и насъ также; но мы ихъ разнесемъ на части», таковы были ихъ собственныя слова. Я имѣла разговоръ съ Трубецкимъ и сказала ему: «пожалуйста, садитесь въ карету, пока я пѣшкомъ обойду войска». Я разсказала ему все,

---

[1] Варіантъ: «*безъ труда* избѣгну для моего отечества междоусобной войны. Я дала ему это порученіе; онъ отправился выполнять его».

что было; онъ уѣхалъ въ городъ совсѣмъ перепуганный, а я была встрѣчена съ неслыханнымъ восторгомъ, послѣ чего я отослала низложеннаго императора, подъ надзоромъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи четырехъ отборныхъ офицеровъ и отряда солдатъ, людей смирныхъ и надежныхъ, въ уединенное, но очень пріятное мѣсто, называемое Ропшей, въ двадцати семи верстахъ отъ Петербурга, пока приготовляли для него въ Шлиссельбургѣ приличное помѣщеніе и заготовляли лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Но всеблагой Господь рѣшилъ иначе: страхъ причинилъ ему поносъ, который продолжался три дня и остановился на четвертый. Онъ ужасно много пилъ въ этотъ день, ибо кромѣ свободы имѣлъ все, что хотѣлъ. Онъ, впрочемъ, просилъ у меня только свою фаворитку, собаку, негра и скрипку, но изъ боязни пересудовъ и броженія умовъ, я послала ему лишь три послѣднія вещи. Геморроидальныя колики возобновились у него вмѣстѣ съ пораженіемъ мозга; два дня онъ былъ въ этомъ положеніи, за которымъ послѣдовало большое истощеніе силъ и несмотря на помощь докторовъ онъ испустилъ духъ, прося къ себѣ лютеранскаго священника. Я боялась, не отравили ли его офицеры — такъ онъ былъ ненавидимъ. Я велѣла вскрыть его и не оказалось ни малѣйшаго слѣда чего нибудь подобнаго: желудокъ его былъ совершенно здоровъ, но нашли воспаленіе въ кишкахъ; апоплексическій ударъ убилъ его сердце его было чрезвычайно мало и поражено.

«Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа мнѣ совѣтовали ѣхать прямо въ городъ, но я предвидѣла, что это взволнуетъ солдатъ, и велѣла распустить раньше слухъ объ этомъ, чтобы узнать, къ которому часу солдаты будутъ въ состояніи выступить въ дорогу. Послѣ трехдневной сильной усталости они назначили десять часовъ вечера, «лишь бы—прибавили они—она поѣхала съ нами». Я отправилась вмѣстѣ съ ними и на половинѣ пути остановилась отдохнуть въ загородномъ домѣ Куракина, бросившись въ постель не раздѣваясь; офицеръ снялъ съ меня сапоги. Я спала два часа съ половиною, затѣмъ мы отправились дальше по дорогѣ въ Екатерингофъ. Я ѣхала верхомъ, гусарскій полкъ шелъ впереди, потомъ конная гвардія, составлявшая мой эскортъ, потомъ слѣдовалъ непосредственно за мною весь мой дворъ, гвардейскіе полки по старшинству и три армейскихъ полка. Я

вступила въ городъ среди шумныхъ привѣтствій и такъ доѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ожидали дворъ, синодъ, мой сынъ, и всѣ мои приближенные. Я отправилась къ обѣднѣ, потомъ служили молебенъ, потомъ стали поздравлять меня. Съ шести часовъ утра пятницы я почти ничего не пила, не ѣла, не спала и была очень рада, когда легла спать въ воскресенье вечеромъ.

«Едва я заснула, какъ въ полночь ко мнѣ въ комнату вошелъ капитанъ Пассекъ и разбудилъ меня, сказавши: «наши люди перепились; какой-то гусаръ, пьяный не меньше ихъ, проходя мимо, закричалъ: «къ оружію! пришли три тысячи пруссаковъ и хотятъ отнять у насъ нашу матушку». Солдаты тотчасъ взялись за ружья и пришли провѣдать о вашемъ здоровьѣ. Они говорятъ, что уже три часа не видѣли васъ и разойдутся спокойно по домамъ, когда увидятъ, что съ вами ничего дурного не случилось. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ». И вотъ я опять на ногахъ и, чтобы не всполошить дворцовый караулъ, состоявшій изъ одного батальона, я сначала пошла къ нему и объяснила солдатамъ, почему я такъ рано выхожу. Затѣмъ я сѣла въ карету вмѣстѣ съ двумя офицерами, поѣхала къ войскамъ и сказала имъ, что я здорова, что имъ слѣдуетъ идти спать и дать отдохнуть и мнѣ, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желала бы, чтобы впередъ они слушались своихъ офицеровъ. Они мнѣ отвѣчали, что ихъ перетревожили съ этими проклятыми пруссаками и что всѣ они пойдутъ на смерть за меня. «Ну, спасибо,—сказала я,—но идите же спать». Затѣмъ они пожелали мнѣ доброй ночи и добраго здоровья и разошлись, какъ ягнята, по домамъ, оборачиваясь безпрестанно на мою карету. На другой день они просили у меня прощенья и очень жалѣли, что разбудили меня.

«Пришлось бы написать цѣлую книгу, чтобы разсказать поведеніе каждаго изъ вожаковъ. Орловы блестятъ умѣньемъ управлять умами, осторожной смѣлостью въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, большимъ присутствіемъ духа и вліяніемъ, которое дало имъ такое ихъ поведеніе. У нихъ много здраваго смысла и благороднаго мужества; они любятъ родину до самозабвенія и люди очень честные; они страстно привязаны ко мнѣ и дружны между собой, какъ братья не бываютъ никогда. Ихъ пятеро, но

только трое были здѣсь. Капитанъ Пассекъ оставался битыхъ двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, хотя солдаты отворили ему двери и окна; и все для того, чтобы не поднять тревоги раньше моего пріѣзда въ его полкъ, хотя онъ съ минуты на минуту ожидалъ, что его возьмутъ и увезутъ въ Ораніенбаумъ, чтобы подвергнуть пыткѣ. Къ счастію, приказъ объ этомъ Петра III пришелъ, когда я уже пріѣхала въ Петербургъ. Княгиня Дашкова, хотя она и хочетъ приписать себѣ всю честь этого переворота, не пользовалась большимъ довѣріемъ по своему родству, а ея девятнадцать лѣтъ лишали ее всякаго авторитета въ глазахъ всѣхъ прочихъ. Хотя она и утверждаетъ, что все шло ко мнѣ черезъ ея руки, однако я сносилась со всѣми вожаками уже шесть мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она узнала хотя одно имя. Правда, она очень умна, но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ, и характеръ ея отъ природы взбалмошенъ; ее ненавидѣли всѣ вожаки; дружила она только съ вѣтреными головами, которыя сообщали ей то, что знали, т. е. маловажныя подробности. Иванъ Шуваловъ, самый низкій и подлый человѣкъ въ мірѣ, написалъ, говорятъ, Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина перемѣнила правленіе этой имперіи. Пожалуйста, выведите великаго писателя изъ заблужденія. Приходилось скрывать отъ княгини Дашковой способы сношенія со мной остальныхъ и въ теченіе пяти мѣсяцевъ она не знала ничего ровно. Въ послѣднія четыре недѣли ей хотя и говорили, но какъ можно меньше. Заслуживаетъ похвалы твердость духа князя Барятинскаго, который скрывалъ тайну заговора отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго императора, потому лишь, что онъ былъ бы не опаснымъ вовсе, а просто только безполезнымъ участникомъ секрета. Въ конной гвардіи офицеръ, по имени Хитровъ, двадцати двухъ лѣтъ, и семнадцатилѣтній Потемкинъ изъ субалтернъ-офицеровъ направляли все отважно и дѣятельно.

«Вотъ почти и вся наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь, подъ особеннымъ моимъ руководствомъ и въ концѣ концовъ я же и пріостановила развязку, потому что отъѣздъ (Петра III) за городъ помѣшалъ выполненію нашего плана и все простояло двѣ послѣднія недѣли болѣе чѣмъ готовымъ. Бывшій императоръ, когда онъ узналъ о возмущеніи въ городѣ, былъ остановленъ молодыми женщинами своей свиты отъ исполненія со-

вѣта Миниха, стараго фельдмаршала, который убѣждалъ его броситься въ Кронштадтъ или же, взявъ нѣсколько человѣкъ свиты, уѣхать въ армію; когда же онъ отправился на своей галерѣ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, благодаря распорядительности адмирала Талызина, который велѣлъ арестовать генерала Ливерса (ошибка—Девьера), раньше посланнаго туда императоромъ. Когда Талызинъ (ошибка—Петръ) пріѣхалъ туда, портовый офицеръ, по собственному побужденію пригрозилъ этому несчастному государю, что онъ прикажетъ стрѣлять ядрами по его галерѣ. Такъ Богъ все привелъ къ концу Имъ предустановленному, и все это болѣе похоже на чудо, чѣмъ на дѣло предвидѣнное и устроенное людьми, ибо столько счастливыхъ случайностей могли совпасть лишь по особой волѣ Всевышняго».

Разсказъ Панина. — «Неудовольствіе противъ Петра III, было всеобщее. Елисавету оплакивали еще прежде ея смерти, а когда она скончалась, общая печаль до того всѣми овладѣла, что довольно было взглянуть другъ на друга—и слезы лились у всѣхъ изъ глазъ.

«Государыня эта была очень умна отъ природы, но столь мало образована, что недостаткомъ образованія выдѣлялась даже среди женщинъ.[1] Но вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась благочестіемъ, праводушіемъ и добротою. Она всѣмъ желала добра и дѣлала его сколько могла при своей безпечности и томъ ограниченномъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, какое предоставляли ей любимцы ея. Итакъ, она пользовалась любовью, а потому неудивительно, что общество, видя въ Петрѣ III человѣка жестокаго (не по природѣ, а въ силу того убѣжденія, будто воинъ не долженъ поддаваться состраданію), человѣка трусливаго, ненадежнаго, съ горемъ узнало о кончинѣ столь доброй государыни, какова была Елисавета, и о восшествіи на престолъ ея преемника, столь недостойнаго занять оный.

«Неудовольствіе противъ него росло со дня на день. Онъ пре-

[1] Какъ увѣрялъ князя М. Щербатова Д. В. Волковъ, конференцъ-секретарь, Елисавета не знала, что Великобританія — островъ («О поврежд. нравовъ», кн. Щербатова Р. Ст. 1870, II, 99).

небрегалъ дѣлами и совѣтами людей, которые всего менѣе того заслуживали. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что такой-то и такой-то изъ людей, состоявшихъ при кабинетѣ Елисаветы, помогали ему доставлять королю прусскому свѣдѣнія обо всемъ, что здѣсь дѣлалось въ наибольшей тайнѣ, хотя именно эти лица никогда не позволяли себѣ такой измѣны и держались совсѣмъ противоположнаго образа мыслей. Напалъ онъ также и на господина Панина и вотъ какимъ образомъ.

«Приблизительно за сутки до кончины Елисаветы, когда она была уже въ безпамятствѣ и агоніи, у постели ея находился Петръ вмѣстѣ съ врачомъ государыни и съ Панинымъ, которому было разрѣшено входить въ комнату умирающей. Петръ сказалъ врачу: «Лишь бы только скончалась государыня, вы увидите, какъ я расправлюсь съ датчанами. Я выступлю противъ господина де-Сенъ-Жермена; онъ станетъ воевать со мной на французскій манеръ, а я—на прусскій», и т. д. Окончивъ эту рѣчь, обращенную къ врачу, Петръ повернулся къ Панину и спросилъ его: «А что ты думаешь о томъ, что я сейчасъ говорилъ?» Панинъ отвѣчалъ: «Государь, я не понялъ, въ чемъ дѣло; я думалъ о горестномъ положеніи императрицы».— «А вотъ дай срокъ», воскликнулъ Петръ, и затѣмъ, показавъ рукой на умирающую, прибавилъ: «скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать».

«Петръ изнурялъ солдатъ и мучилъ дурнымъ обращеніемъ. Случалось, что на ежедневныхъ ученьяхъ солдаты падали отъ изнеможенія и Петръ приказывалъ ихъ убирать, а на ихъ мѣсто ставить другихъ. Всѣ его любимцы были глупцы или измѣнники. Вмѣстѣ съ ними онъ предавался самой грубой невоздержанности. Его любимица, дѣвица Воронцова, была некрасива, глупа, скучна и непріятна. Петръ III думалъ, что приличіе требуетъ, чтобы у него была любимица. Говорилъ онъ только понѣмецки и хотѣлъ, чтобъ всѣ знали этотъ языкъ; по-русски онъ говорилъ рѣдко и всегда дурно. Онъ хотѣлъ все измѣнять, все передѣлывать. Голштинія, какъ ни мала она въ сравненіи съ обширною Россійской Имперіей, казалась ему и больше ея, и богаче, и достойнѣе его любви.

«Всѣ отшатнулись отъ него, всѣ негодовали на него; едва онъ воцарился, какъ всѣ стали желать другого повелителя. Не-

удовольствіе въ особенности распространилось между солдатами, и гвардія громко роптала на него. За нѣсколько недѣль до переворота, Панинъ вынужденъ былъ вступить съ ними въ объясненіе и обѣщалъ перемѣну, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздраженія. Зналъ ли о томъ Петръ, или нѣтъ, только онъ дѣйствовалъ по-прежнему, что и побудило Панина за четыре недѣли до переворота озаботиться предоставленіемъ престола другому лицу безъ пролитія крови и не причиняя несчастія многимъ лицамъ.

«Обдумывая это намѣреніе, Панинъ чувствовалъ необходимость привлечь къ своему замыслу еще двухъ лицъ, именно—гетмана графа Разумовскаго и генералъ-аншефа князя Волконскаго Первый изъ нихъ находился неотлучно при Петрѣ; онъ былъ командиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ и человѣкъ рѣшительный. Другой пользуется довѣріемъ въ арміи; онъ человѣкъ храбрый и осторожный.

«Панинъ желалъ произвести рѣшительное дѣйствіе въ тотъ день, когда Петръ прибудетъ въ столицу, чтобы присутствовать при выступленіи гвардіи въ походъ на соединеніе съ арміей, что должно было послѣдовать въ исходѣ іюня. Панину необходимо было предупредить гетмана о своихъ соображеніяхъ, чтобы тотъ поддержалъ Петра въ намѣреніи присутствовать при выступленіи гвардіи изъ Петербурга. Онъ опасался, какъ бы Петръ не раздумалъ пріѣхать.

«Въ среду (за два дня до переворота), Панинъ сообщилъ свой замыселъ гетману и князю Волконскому. Оба они склонились на его предложенія и исполненіе задуманнаго было отложено до времени выступленія гвардіи. Уже четыре капитана императорской гвардіи были посвящены въ тайну, и вмѣстѣ четыре роты, состоявшія подъ ихъ командою. То были тѣ самые солдаты, которые, за нѣсколько недѣль передъ симъ, выражали открытое неудовольствіе противъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пассекъ, былъ, по приказу Петра, арестованъ вечеромъ на другой день послѣ того, какъ Панинъ объяснялся съ гетманомъ и кн. Волконскимъ. Объ этомъ увѣдомилъ Панина Григорій Орловъ, офицеръ того же гвардейскаго полка, въ домѣ княгини Дашковой, а вечеромъ того же дня Орловъ подтвердилъ свое сообщеніе, объяснивъ, что Пассекъ арестованъ по причинѣ выражен-

наго его ротою неудовольствія. Наступило чрезвычайное смущеніе; казалось, тайна раскрывалась или была близка къ тому, въ случаѣ если станутъ допрашивать Пассека. Приходилось или ускорить дѣломъ, или подвергнуться большимъ опасностямъ. Панинъ отправилъ въ Петергофъ, гдѣ находилась императрица, наемную карету въ шесть лошадей для того, чтобы не дать возникнуть толкамъ, которые начались бы непремѣнно, еслибы государыня поѣхала въ придворномъ экипажѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя Орлова, также гвардейскаго офицера, посвященнаго въ тайну, и приказалъ ему предупредить четырехъ капитановъ своего полка, сторонниковъ Екатерины, чтобы они были къ завтрашнему утру наготовѣ со всѣми людьми, на случай смуты. Окончивъ это, Орловъ долженъ былъ поспѣшить, какъ только могъ, въ Петергофъ предупредить императрицу о случившемся съ Пассекомъ и сказать ей, чтобы она тотчасъ уѣзжала изъ Петергофа въ каретѣ, присланной отъ Шкуриной, ея довѣренной камеръ-юнгферы, а по пріѣздѣ въ Петербургъ ѣхала бы въ казармы Кавалергардскаго полка, для принятія отъ него присяги, оттуда отправилась бы въ полки Измайловскій, Преображенскій и Семеновскій и во главѣ этихъ четырехъ полковъ явилась бы въ новый дворецъ, остановившись на пути у Казанскаго собора, чтобы тамъ дождаться великаго князя, котораго Панинъ привезетъ къ ней, какъ только узнаетъ о ея прибытіи и о томъ, что гвардія ее признала.

«Въ то же время Панинъ извѣстилъ обо всемъ происходившемъ Разумовскаго и Волконскаго и затѣмъ ушелъ отъ княгини Дашковой и отправился къ великому князю въ лѣтній дворецъ [1] Онъ даже легъ въ постель подлѣ кровати великаго князя, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ прислугѣ (при Панинѣ постоянно находился одинъ изъ флигель-адъютантовъ императора [2]) безъ сомнѣнія для наблюденія за нимъ; нынѣ этотъ офицеръ состоитъ при особѣ великаго князя и ведетъ себя хорошо), и приказалъ камердинеру разбудить въ случаѣ, если кто его спроситъ. По его разсчету, Алексѣй Орловъ въ четыре часа

[1] На мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка.
[2] С. А. Порошинъ.

долженъ былъ быть въ Петергофѣ, а государыня послѣ пяти часовъ утра—въ Петербургѣ.

«Каждая минута была дорога и каждая разсчитана. Панинъ хотя и легъ въ постель, какъ ни въ чемъ не бывало, однако былъ въ сильнѣйшей тревогѣ: удача или полнѣйшій неуспѣхъ могли обнаружиться ежеминутно. Пробило пять часовъ и никакого извѣстія не приходило; пробило и шесть, а все нѣтъ извѣстія. Алексѣй Орловъ палъ духомъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать тотчасъ же въ Петергофъ, онъ въ четыре часа утра явился еще разъ къ княгинѣ Дашковой узнать — не послѣдовало ли какой перемѣны въ рѣшеніи, и уѣхалъ, наконецъ, только тогда, когда княгиня приказала ему немедленно отправиться въ путь для предупрежденія обо всемъ императрицы.

«Ея величество пріѣхала въ столицу около шести часовъ, послѣдовала по пути, начертанному для нея Панинымъ, приняла отъ гвардіи присягу въ вѣрности и въ восемь часовъ утра прибыла къ Казанскому собору въ сопровожденіи всѣхъ четырехъ полковъ, въ полномъ вооруженіи, но полу-одѣтыхъ. Панинъ въ приготовленной на улицѣ каретѣ привезъ великаго князя въ соборъ, а оттуда ея величество прослѣдовала въ новый дворецъ. Тамъ состоялся первый манифестъ. Вокругъ дворца собрали всѣ четыре полка, которые и принесли тогда присягу государынѣ, законнымъ порядкомъ. Затѣмъ императрица велѣла Сенату и Синоду собраться въ деревянномъ дворцѣ [1], и сама туда отправилась съ великимъ княземъ; въ церкви этого дворца Сенатъ, Синодъ и всѣ вельможи, бывшіе на лицо, присягнули ей.

«По окончаніи этого обряда, сдѣланы были необходимыя распоряженія, дабы упрочить произведенную перемѣну. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Петербургу, разставлены караулы. Извѣстили о случившемся и расположили въ свою пользу Нарвскаго коменданта; гарнизонъ этой крѣпости усиленъ однимъ изъ четырехъ полевыхъ полковъ, которые находились по близости и шли на соединеніе съ арміей. Отъ этихъ полковъ была принята присяга. Всѣ вельможи были собраны въ деревянный дворецъ, съ нихъ взята присяга, и всѣ они пожалованы сенаторами, (вотъ почему въ настоящее время въ Россіи такъ многочисленъ со-

[1] Нынѣшній домъ Елисѣева.

ставъ Сената); ихъ держали въ безпрерывномъ сборѣ во дворцѣ подъ предлогомъ подписи разныхъ подлежащихъ обнародованію распоряженій. Во главѣ ихъ поставленъ былъ Неплюевъ; великаго князя помѣстили въ комнатѣ сосѣдней съ тою, въ которой собрались Сенатъ и Синодъ. Было уже поздно, когда спохватились, что нужно упрочить за собою Кронштадтъ, который Петръ легко могъ выбрать мѣстомъ своего убѣжища, что дѣйствительно и случилось. Туда посланъ былъ около полудня адмиралъ Талызинъ, какъ бы по порученію адмиралтейства. Ему предшествовалъ адъютантъ, который, какъ только вступилъ на берегъ, былъ отведенъ къ генералу Девіеру, посланному въ Кронштадтъ Петромъ III съ тою же цѣлью, съ какою императица отправила туда Талызина. Потребовавъ къ себѣ адъютанта, Девіеръ спросилъ его, зачѣмъ онъ сюда явился, зачѣмъ ѣдетъ адмиралъ, что происходитъ въ Петербургѣ, нѣтъ ли тамъ безпорядковъ и пр.? Спокойный видъ офицера обманулъ Девіера, который вообразилъ себѣ, что при отъѣздѣ офицера изъ Петербурга тамъ все еще было спокойно, и что этотъ офицеръ, равно какъ и адмиралъ, ни о чемъ не знаютъ. Два часа спустя, прибылъ на шлюпкѣ Талызинъ и сошелъ на берегъ въ гавани, гдѣ, по заведенному обычаю, находились для отданія ему чести капитанъ надъ портомъ и матросы. Талызинъ тотчасъ же узналъ о прибытіи генерала Девіера и объ арестѣ своего адъютанта; пока онъ говорилъ о томъ съ капитаномъ, онъ увидѣлъ, что къ нему идетъ Девіеръ. Онъ могъ опасаться, что его постигнетъ та же участь, какъ и его адъютанта, еслибы онъ не принялъ немедленнаго рѣшенія. Талызинъ предъявилъ капитану надъ портомъ указъ государыни и велѣлъ въ свою очередь арестовать Девіера въ ту самую минуту, какъ тотъ приблизился къ нему. Дѣло устроилось безъ затрудненій; гарнизонъ призналъ Екатерину, и когда наконецъ въ два часа ночи Петръ появился передъ Кронштадтомъ на гребной шлюпкѣ, его привѣтствовали объявленіемъ, что нѣтъ другой власти, кромѣ власти императрицы, и что если онъ не поспѣшитъ удалиться, то по шлюпкѣ будетъ открытъ огонь.

«Въ то время, какъ въ Кронштадтѣ происходило вышеизложенное, Петръ послалъ въ Петербургъ канцлера графа Воронцова, сообщить императрицѣ, что онъ удивляется тому, что тамъ

дѣлается и приглашаетъ ее возвратиться къ повиновенію ему, императору. Канцлеръ увидѣлъ площадь передъ дворцомъ занятою войсками, уже признавшими Екатерину. Онъ честно и благородно выполнилъ данное ему порученіе, но изложенное имъ требованіе было отвергнуто, а самому ему не дозволено возвратиться въ Петергофъ. Онъ просилъ позволенія, которое и было ему дано, написать Петру и сообщить о неуспѣхѣ возложеннаго на него порученія. Онъ показалъ письмо, которое было написано очень хорошо, и кончалось заявленіемъ, что, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи государя, онъ, наконецъ, подчинился народной волѣ и принесъ присягу въ вѣрности государынѣ, вступившей нынѣ на Россійскій престолъ. По отсылкѣ письма, графъ Воронцовъ отправился въ церковь для принесенія присяги императрицѣ.

«Все шло отлично, но нужно было овладѣть особою бывшаго императора. Казалось слишкомъ опаснымъ предоставлять ему свободу: онъ имѣлъ тысячу средствъ скрыться, и всякій другой человѣкъ, порѣшительнѣе его, съумѣлъ бы это сдѣлать. Всѣ эти распоряженія заняли государыню въ теченіи всей пятницы и утра субботы; наконецъ въ полдень той же субботы, [1] она выступила изъ Петербурга по направленію къ Петергофу, во главѣ войскъ, которые признали ее и къ которымъ присоединились полки, находившіеся по повеленію императора въ походѣ. Панинъ долженъ былъ сопровождать государыню, и потому великаго князя ввѣрили попеченію Сената, а именно—Неплюева, которому приказано было всякіе полчаса отправлять въ Петергофъ курьера съ извѣстіями обо всемъ, что дѣлается въ столицѣ. Каждый изъ сенаторовъ долженъ былъ подписывать эти рапорты, и потому ихъ всѣхъ держали въ сборѣ и такимъ образомъ всѣхъ безъ изъятія привлекли къ дѣлу Екатерины.

«По дорогѣ изъ Петербурга въ Петергофъ часто встрѣчались, голштинскіе гусары, которыхъ Петръ высылалъ, чтобы выслѣдить движеніе государыни, о чемъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія; ихъ всѣхъ захватывали, равно какъ и всѣхъ лицъ, которыя находились при Петрѣ и покинули его въ ночь его поѣздки въ Кронштадтъ.

«Въ числѣ этихъ лицъ былъ вице-канцлеръ князь Голицынъ,

[1] Въ дѣйствительности—вечеромъ въ пятницу 28-го іюня.

посланный Петромъ къ Екатеринѣ съ письмомъ, въ которомъ императоръ отдавалъ себя въ ея волю. Голицынъ въ открытомъ полѣ принесъ присягу Екатеринѣ; на половинѣ пути, въ продолженіи котораго не разъ приходилось дѣлать остановки, чтобы дать отдыхъ войскамъ, курьеръ привезъ извѣстіе объ отплытіи Петра въ Кронштадтъ. А такъ какъ объ экспедиціи Талызина не было еще никакихъ извѣстій, то и боялись, какъ бы Петръ, найдя доступъ въ Кронштадтъ прегражденнымъ, не вздумалъ направиться водою же въ Петербургъ и не явился бы къ народу. Въ виду этого опасенія было рѣшено, чтобы Панинъ верхомъ, въ сопровожденіи двадцати-четырехъ кавалергардовъ, вернулся въ столицу, слѣдуя притомъ все время вдоль лѣваго берега Невы, чтобы имѣть возможность наблюдать за каждымъ проходящимъ судномъ. Невдалекѣ отъ города онъ замѣтилъ одно судно, которое постоянно держалось противоположнаго берега. Онъ крикнулъ плывшимъ на немъ, чтобы судно перешло къ другому берегу. Какой-то человѣкъ, повидимому, всталъ на суднѣ и отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ приблизиться. Отвѣтомъ усилилось подозрѣніе, но когда этого человѣка разглядѣли поясніе, то онъ оказался Талызинскимъ адъютантомъ. Онъ сообщилъ, что Петръ пытался было войти въ Кронштадтъ, но не былъ принятъ, а что посланный генералъ Девіеръ арестованъ.

«Панинъ безпрепятственно вступилъ въ городъ. Тамъ все было спокойно. Между тѣмъ, Екатерина прибыла въ Петергофъ, откуда и отправила Петру отвѣтъ на его письмо, присланное съ вице-канцлеромъ Голицынымъ. Екатерина потребовала отъ Петра формальнаго акта отреченія отъ престола, каковое и было имъ написано собственноручно. Она указала ему самыя выраженія, которыя слѣдовало употребить. Петръ написалъ актъ своею рукою и былъ препровожденъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ въ одной каретѣ съ своей любимицей Воронцовой и еще съ двумя другими лицами.

«Панинъ возвратился въ Петергофъ ранѣе прибытія Петра. Солдаты такъ были возбуждены противъ сего послѣдняго и его любимицы, что Панинъ принужденъ былъ самъ собирать людей, чтобы составить батальонъ въ триста человѣкъ, который и былъ расположенъ четыреугольникомъ вокругъ павильона, гдѣ помѣстили Петра. Такую предосторожность необходимо было при-

нять, чтобы отвратить пьяныхъ и усталыхъ солдатъ отъ возможности покушенія. Петръ, уже отказавшись отъ престола, просилъ какъ милости, чтобы ему оставили графиню Воронцову. Панинъ долженъ былъ видѣться съ нимъ въ эти минуты. Онъ говорилъ мнѣ [1] объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я считаю несчастіемъ всей моей жизни, что принужденъ былъ видѣть его тогда; я нашелъ его утопающимъ въ слезахъ». И пока Петръ старался поймать руку Панина, чтобы поцѣловать ее, любимица его бросилась на колѣни, испрашивая позволенія остаться при немъ. Петръ также только о томъ и просилъ и ни о чемъ болѣе, даже не просилъ о свиданіи съ императрицею. Панинъ постарался поскорѣе уйти отъ него. Онъ обѣщалъ принести ему отвѣтъ Екатерины, но послалъ отвѣтъ черезъ другое лицо. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Петра въ сопровожденіи двухъ офицеровъ посадили въ карету и повезли въ Ропшу. Вотъ разсказъ, слышанный составителемъ этой записки отъ министра и оберъ-гофмейстера Панина. Фаворитку Петра посадили въ дормезъ, чтобы никто не могъ видѣть ее, и отправили въ Москву. Въ настоящее время она замужемъ за Полянскимъ».

Читая разсказъ Панина, слѣдуетъ постоянно имѣть на памяти то, что безспорно не Панинъ началъ и организовалъ заговоръ, и поэтому оставлять безъ вниманія всѣ его увѣренія въ этомъ [2]. Тогда у него можно найти довольно много фактовъ для провѣрки разсказа Дашковой.

Такъ Дашкова разсказываетъ, что Панина она привлекла къ со-

---

[1] Т. е. Ассебургу.

[2] Вотъ отзывъ о его характерѣ англійскаго Посла Ген. Шерлея: «Всякій, кто знаетъ характеръ Панина, легко убѣдится въ томъ, что самъ онъ не способенъ ни на какой смѣлый поступокъ. Онъ слишкомъ нерѣшителенъ и не довольно дѣятеленъ. Друзья его такъ увѣрены въ этомъ, что когда кн. Дашкова въ первый разъ заговорила съ нимъ о предположенномъ намѣреніи свергнуть съ престола бывшаго императора, она сочла за лучшее сказать ему, что все уже готово и что ему предстояло или рѣшиться на низкій доносъ или пожертвовать тѣмъ довѣріемъ, которое императрица расположена была ему оказывать» («С. И. О.», т. XII, стр. 336). Въ этихъ послѣднихъ слухахъ слышатся отзывы тѣхъ наставленій, которыя Дашкова дала Рославлеву относительно гр. К. Г. Разумовскаго.

участію въ заговорѣ вскорѣ послѣ 9-го іюня. Панинъ говоритъ: поведеніе Петра «побудило Панина *за четыре недѣли* до переворота озаботиться предоставленіемъ престола другому лицу». Здѣсь разногласіе между ними лишь въ одной недѣлѣ. Надо помнить, что Панинъ разсказывалъ Ассебургу о переворотѣ 28 іюня черезъ три года послѣ событія, если еще не позднѣе.

Дашкова говорила Панину о Разумовскомъ, Тепловѣ, Волконскомъ... Панинъ разсказываетъ: «Панинъ чувствовалъ необходимость привлечь къ своему замыслу еще двухъ лицъ, именно гетмана графа Разумовскаго и генералъ-аншефа, князя Волконскаго».

По словамъ Дашковой, общій планъ заговорщиковъ былъ — произвести переворотъ въ день отъѣзда Петра съ войсками за границу. Панинъ разсказываетъ: «Панинъ хотѣлъ произвести рѣшительное дѣйствіе въ тотъ день, когда Петръ прибудетъ въ столицу, чтобы присутствовать при выступленіи гвардіи въ походъ».

Дашкова разсказываетъ, что 27-го іюня Григорій Орловъ пріѣхалъ къ ней, когда у нея сидѣлъ Панинъ. Панинъ говоритъ, что объ арестѣ Пассека, «увѣдомилъ Панина Григорій Орловъ въ домѣ княгини Дашковой». Далѣе Панинъ, совершенно сходно съ Дашковой, пересказываетъ тѣ распоряженія, которыя получилъ въ этотъ день Ал. Орловъ, но только въ противность ей, всѣ ихъ приписываетъ себѣ. Правдоподобіе послѣдняго мы имѣемъ полное право отвергнуть и разсказъ Панина сохранитъ значеніе лишь новаго доказательства того, что А. Орловъ дѣйствительно получилъ всѣ эти распоряженія, а не дѣйствовалъ на собственный страхъ или по наставленіямъ одного Григ. Орлова.

Дашкова говоритъ, что Екатерина пріѣхала въ Петербургъ утромъ 28-го іюня въ каретѣ, которую она заранѣе приготовила для нея при помощи Шкуриной въ Петергофѣ. «Панинъ, который все считалъ далекимъ и неопредѣленнымъ, находилъ это безполезною и ненужною предусмотрительностью», замѣчаетъ она при этомъ. Панинъ же разсказываетъ: узнавъ объ арестѣ Пассека, «Панинъ отправилъ въ Петергофъ, гдѣ находилась императрица, наемную карету въ шесть лошадей»... и потомъ, вызвавъ къ себѣ А. Орлова, приказалъ ему передать Екатеринѣ, «чтобъ она тотчасъ уѣзжала изъ Петергофа въ каретѣ, присланной отъ

Шкуриной, ея довѣренной камеръ-юнгферы». Отъ кого же была эта карета?—отъ Панина или отъ Шкуриной?—Въ разсказѣ Панина это не совсѣмъ ясно. Быть можетъ онъ, кромѣ той кареты, которая еще раньше заготовлена была въ Петергофѣ Дашковой, послалъ и отъ себя еще одну, днемъ 27-го іюня; но можетъ быть и то, что онъ никакой кареты въ Петергофъ не посылалъ, а сначала приписалъ себѣ это, какъ и многое другое въ своемъ разсказѣ, а потомъ пропустилъ согласить эту выдумку со своимъ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. Вина этой неясности, имѣющей свое значеніе въ качествѣ исторической улики, падаетъ, можетъ быть, и на самого Ассебурга, имѣвшаго возможность разспрашивать о переворотѣ 28-го іюня, и Панина, и Дашкову и смѣшавшаго быть можетъ въ своемъ разсказѣ показанія обоихъ.

Такимъ образомъ очевидно, что Панинъ сочинилъ въ своемъ разсказѣ лишь очень немногое, но за то впрочемъ и самое главное, — онъ вовсе не былъ заводчикомъ и руководителемъ всего заговора, какимъ онъ себя выставляетъ; всѣ же подробности переворота онъ приводитъ изъ несомнѣнной живой были. Сравненіе его разсказа съ разсказомъ Дашковой убѣждаетъ въ этомъ неотразимо.

Приводимъ ниже отрывокъ изъ извѣстнаго сочиненія Рюльера «Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762» откуда щедрой рукой черпали и черпаютъ наши историки и романисты любопытнѣйшія подробности и анекдоты объ этой эпохѣ. Рюльеръ пріѣхалъ въ Россію въ 1760 г. вмѣстѣ съ Бретейлемъ, тогдашнимъ французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ. Во время переворота 28-го іюня онъ находится въ Петербургѣ и былъ такимъ образомъ его очевидцемъ. Вскорѣ послѣ того Рюльеръ уѣхалъ обратно въ Парижъ и здѣсь написалъ свои «Anecdotes». Они еще въ рукописи пріобрѣли большую извѣстность. Екатерина, узнавъ о нихъ, сначала пробовала купить ихъ у Рюльера, но когда онъ не согласился ни продать ихъ, ни измѣнить въ нихъ нѣкоторыя подробности, характеризовавшія Екатерину слишкомъ живо, ея агенты успѣли уговорить его не печатать свое сочиненіе прежде смерти императрицы. Дѣйствительно, въ первый разъ «Anecdotes» были напечатаны лишь въ 1797 г. черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Рюльера. Отрывокъ, приводимый нами, заключаетъ

въ себѣ описаніе самого переворота и взятъ нами изъ изданія сочиненій Рюльера 1819 г. т. IV, стр. 308 — 336. Онъ вполнѣ подтверждаетъ наши выводы о двойственности интриги, которую вела Екатерина, и о разобщенности между собой заговорщиковъ. Изобразивъ унылое одиночество Екатерины при дворѣ Петра III, Рюльеръ набрасываетъ портреты двухъ людей съ которыми она тайно отъ другихъ поддерживала сношенія—именно Григ. Орлова и Дашковой. Къ характеристикѣ перваго онъ ничего новаго не прибавляетъ, но вотъ что говоритъ онъ о второй.

«Княгиня Дашкова—младшая изъ трехъ знаменитыхъ сестеръ: старшая — та самая княгиня Бутурлина, которая такъ много путешествовала и всюду прославилась своей красотой, своимъ умомъ и любовными похожденіями; вторая — Елизавета Воронцова,—фаворитка великаго князя, выбранная имъ изъ придворныхъ фрейлинъ. Всѣ три были племянницами новаго канцлера, который, достигнувъ этого высокаго званія тридцатилѣтними неустанными происками, услугами и пронырствомъ предавался теперь жизни роскошной и безпорядочной; племянницамъ своимъ онъ ничего не могъ дать, кромѣ своего кредита. Двѣ старшія были пристроены ко двору, а младшая воспитывалась при немъ. Въ его домѣ она имѣла случай встрѣчаться со всѣми иностранными послами; но уже пятнадцатилѣтней дѣвочкой она не хотѣла разговаривать ни съ кѣмъ кромѣ какъ съ посланниками республикъ. Она открыто жаловалась на русскій деспотизмъ и толковала о своемъ намѣреніи поселиться въ Голландіи, восхваляя гражданскую свободу и религіозную терпимость этой страны. Еще сильнѣе была въ ней страсть къ славѣ. Замѣчательно, что въ странѣ, гдѣ бѣлила и румяна были такъ общеупотребительны, что даже нищія не выходили на улицу, не нарумянившись гдѣ слово «красный» служитъ самымъ высшимъ выраженіемъ красоты и гдѣ въ числѣ подарковъ, подносимыхъ крѣпостными людьми своей помѣщицѣ, согласно требованію обычая, непремѣнно должны были находиться банки съ румянами и бѣлилами; странно, повторяемъ, что въ такомъ краѣ, молодая Воронцова уже съ пятнадцати лѣтъ заявила, что никогда въ жизни не станетъ употреблять этихъ косметиковъ. Однажды, когда князь Дашковъ, одинъ изъ красивѣйшихъ вельможъ при дворѣ, вздумалъ было довольно смѣло

любезничать съ ней, она позвала канцлера и сказала ему: «Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе». Строго говоря—это была правда; и молодой человѣкъ не смѣя признаться первому сановнику въ имперіи, что предложеніе, сдѣланное имъ его племянницѣ, было въ сущности нѣсколько иного сорта,—рѣшился жениться на ней, но, немедленно вслѣдъ за тѣмъ отправилъ ее въ Москву, за шестьсотъ верстъ. Тамъ провела она два года, среди общества, которое съумѣла себѣ составить изъ самыхъ остроумныхъ москвичекъ. Между тѣмъ, сестра ея, фаворитка великаго князя, вела жизнь истой солдатской жены; она оказалась совершенно безполезной для своихъ родныхъ, которые льстили себя надеждой управлять черезъ нее великимъ княземъ, но она была такъ капризна и непослѣдовательна, что постоянно ускользала отъ ихъ плановъ. Тогда родные вспомнили объ умѣ княгини Дашковой, умъ которой придворные считали не болѣе какъ ловкостью и пройдошествомъ; и вотъ они пустили въ ходъ всѣ старанія, чтобы вернуть ее ко двору, убѣжденные, что съ помощью ея интригъ, имъ удастся вертѣть придворнымъ кружкомъ. Въ то время дворъ проживалъ въ загородной резиденціи. Молодая женщина съ отвращеніемъ смотрѣла на кабацкую распущенность, окружавшую ея сестру, и цѣлыя дни проводила наединѣ съ великой княгиней. Въ своихъ долгихъ интимныхъ разговорахъ обѣ съ одинаковой страстностью возмущались деспотизмомъ. Княгинѣ Дашковой казалось, что она наконецъ обрѣла тѣ чувства, которыя такъ пылко желала видѣть въ государѣ своего отечества. Но когда родные ея замѣтили, что она дѣлаетъ совсѣмъ не то, чего отъ нея требовалось, ее опять удалили отъ двора; молодая женщина удалилась, негодуя на своихъ родственниковъ, и полная восторженнаго энтузіазма къ великой княгинѣ. Она поселилась въ Петербургѣ и тамъ вела скромную жизнь, безъ блеска, окружала себя больше иностранцами, нежели русскими, питая свой пылкій умъ изученіемъ высшихъ наукъ. Съ перваго взгляда она замѣтила, какъ мало свѣдущи ея соотечественники; въ своихъ интимныхъ разговорахъ съ близкими лицами она открыто признавалась, что боязнь эшафота никогда не будетъ для нея препятствіемъ. Узнавъ, что ея сестра близка къ тому, чтобы сдѣлаться императрицей, она всей душой возненавидѣла честолюбивые замыслы, которые ея семья

могла осуществить не иначе, какъ погубивъ ея подругу, императрицу Екатерину; однако она подавила свое пылкое негодованіе, не дала ему прорваться наружу, только потому, что съ этой минуты составила себѣ втайнѣ другіе, совершенно опредѣленные планы.

«Таковы были двѣ связи [1], которыя секретно поддерживала покинутая всѣми императрица; но такъ какъ онѣ были неизвѣстны даже другъ другу, то она вела сразу два заговора совершенно раздѣльно, замышляя, съ одной стороны, возмущеніе гвардіи, а съ другой—созваніе вельможъ государства.

«Для успѣшнаго выполненія заговора, Орлову стоило только продолжать вести свой прежній образъ жизни. Первыми его сообщниками были его братья и близкій другъ, Бибиковъ. Эти пятеро молодыхъ людей, зная, что ихъ ожидаетъ одно изъ двухъ—или величіе или вѣрная смерть, распродали все свое семейное достояніе и стали усердно посѣщать кабаки. Искусная уловка императрицы, отдавшей въ руки Орлова казну артиллерійскаго вѣдомства, доставила въ ихъ распоряженіе значительныя суммы денегъ, благодаря которымъ они могли разжигать страсти солдатъ.

«При томъ состояніи, въ которомъ находились умы, легко было дать имъ одно общее направленіе. Орловы посѣяли во всѣхъ полкахъ недовольство и духъ мятежа; они внушили состраданіе къ императрицѣ и желаніе жить подъ ея владычествомъ. Чтобы вѣрнѣе обезпечить себя съ перваго же шага, они привлекли на свою сторону цѣлыхъ двѣ роты гвардейскаго Измайловскаго полка и взяли съ солдатъ клятву на Распятіи; на всякій случай они позаботились даже заручиться сообщничествомъ ихъ полковника, зная, что по своему характеру онъ не подумаетъ ни выдать заговора, ни встать во главѣ его. Это былъ графъ Разумовскій, простой казакъ, который въ юности зарабатывалъ себѣ хлѣбъ низкимъ ремесломъ, а впослѣдствіи, благодаря браку своего брата съ покойной императрицей, достигъ такой высокой милости, что для него возстановили даже могущественный постъ гетмана, главы казаковъ. Человѣкъ этотъ, отличавшійся вели-

[1] Т. е. Орловъ и Дашкова.

чественной красотой, пренебрегалъ интригами и былъ очень любимъ при дворѣ за представительность; императоръ обращался съ нимъ, какъ съ своимъ фаворитомъ, а народъ обожалъ его, потому что даже въ почестяхъ и роскоши онъ держалъ себя очень просто и видимо не забывалъ своего низменнаго происхожденія: словомъ, это былъ человѣкъ хотя и безполезный при веденіи заговора, но вмѣстѣ съ тѣмъ его участіе въ мятежѣ могло подѣйствовать рѣшительнымъ образомъ на толпу. Орловъ, котораго Разумовскій никогда не видалъ, рѣшился вызвать его на тайное свиданіе, изобразилъ ему безпорядки въ дѣлахъ правленія и легко добился отъ него обѣщанія, что когда императрица потребуетъ его, онъ тотчасъ же явится къ ней. Разумовскій не взялъ на себя никакого другого обязательства,—да ихъ у него и не потребовали. Все это Орловъ доводилъ до свѣдѣнія своей повелительницы въ свиданіяхъ съ нею, которыя продолжали оставаться тайными,—такимъ образомъ ихъ отношенія ускользнули отъ злословія и казармъ, и двора.

«Съ другой стороны, императрица по прежнему поддерживала сношенія съ княгиней Дашковой безпрестаннымъ обмѣномъ записокъ; долгое время эта корреспонденція служила только забавой и развлеченіемъ для молодыхъ женщинъ, но мало-по-малу превратилась въ настоящую переписку заговорщиковъ. Княгиня Дашкова начала съ того, что доставила своему мужу назначеніе въ отдаленный пунктъ государства, чтобы избавить себя отъ необходимости ввять его въ повѣренные, а быть можетъ и съ цѣлью предохранить его отъ опасностей, которымъ она могла подвергнуться. Подъ предлогомъ легкаго нездоровья, она поселилась за городомъ, въ домѣ окруженномъ садомъ, для того будто бы, чтобы лечиться водами; такимъ образомъ, поддерживая сношенія съ множествомъ лицъ, она избѣгала всякихъ подозрѣній для себя.

«Съ перваго же слова, главы недовольнаго духовенства, въ особенности архіепископъ новгородскій, обѣщали все, чего бы отъ нихъ ни потребовали. Въ средѣ вельможъ Дашкова нашла слѣды прежнихъ козней императрицы и съ помощью нѣсколькихъ бесѣдъ ей оставалось лишь завязать старыя нити. Единственный человѣкъ, положеніе котораго дѣлало его одинаково

необходимымъ для обоихъ заговоровъ [1]—былъ графъ Разумовскій; но императрица, втайнѣ увѣрившаяся въ немъ, поспѣшила сказать княгинѣ, что «безполезно предупреждать его, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ обѣщалъ встать на ея сторону, когда ей будетъ угодно; что она достаточно хорошо его знаетъ, чтобы довѣриться его слову и что достаточно будетъ предувѣдомить его въ тотъ самый моментъ, когда онъ имъ понадобится». Эти слова, повидимому доказывающія самую разумную сдержанность и самое великодушное довѣріе, легко убѣдили молодую женщину и отвлекли ее отъ единственнаго пути, которымъ она могла узнать о существованіи двойной интриги: тутъ замѣшался еще посторонній интересъ, несовмѣстимый съ планами императрицы и княгини.

«Екатерина, обративъ въ свою выгоду оскорбленіе, которое императоръ нанесъ ея сыну, не назначивъ его своимъ наслѣдникомъ задумала овладѣть престоломъ для себя. Воспитателемъ великаго князя былъ графъ Панинъ [2]; интересы его тѣсно связанные съ судьбой его воспитанника, безъ труда заставили его принять участіе въ заговорѣ; свергнувъ съ престола Петра III, онъ желалъ передать корону, согласно праву престолонаслѣдія, законному ея наслѣднику, а императрицѣ предоставить лишь регентство. Онъ долго и упорно противился всякому иному рѣшенію: княгиня Дашкова, въ которую онъ былъ безумно влюбленъ, тщетно старалась повліять на него съ помощью своихъ чаръ; она съ умысломъ поддерживала его страсть, но не сдавалась, отчасти еще и потому, что знала о его близости къ ея матери и имѣла основанія думать, что она дочь Панина. Но одинъ піемонтецъ, нѣкто Одаръ, ихъ повѣренный, успѣлъ однако убѣдить молодую женщину пренебречь этими соображеніями и такимъ образомъ, цѣною своей любви, она добилась отъ Панина, чтобы онъ принесъ въ жертву своего питомца. Для характеристики этого Одара достаточно привести его собственныя слова, сказанныя одному довѣренному лицу: «Я родился бѣднякомъ, я убѣдился, что въ мірѣ уважаются однѣ деньги; я хочу

---

[1] Т. е. для кружка заговорщиковъ руководимаго Орловымъ и кружка Дашковой.

[2] Въ то время Н. И. Панинъ еще не былъ графомъ.

добыть денегъ, для этого я готовъ хоть нынче же вечеромъ поджечь дворецъ,—а когда я добуду денегъ, то вернусь къ себѣ на родину и заживу тамъ честнымъ человѣкомъ, не хуже всякаго другого» [1].

---

[1] Вотъ замѣчанія кн. Дашковой къ этому мѣсту разсказа Рюльера: «2. Я никогда не была любовницей Панина, ни кого другого. 3. Одаръ никогда не былъ у меня довѣреннымъ лицомъ, но я ему покровительствовала. 4. Въ три послѣдніе дня передъ событіемъ Одаръ до такой степени мало принималъ въ немъ участія, что не былъ даже и въ городѣ, а былъ у Строгонова» («Арх. кн. Воронцова», т. VII, стр. 653). Въ запискахъ своихъ она утверждаетъ, что Одаръ «вовсе не былъ у меня довѣреннымъ человѣкомъ и не руководилъ мною; я его мало и видѣла. Когда все было готово для переворота, именно въ три послѣднія недѣли передъ наступленіемъ этой счастливой эпохи, я не видѣла его ни разу» («Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 52). По ея словамъ, Одару покровительствовалъ гр. М. Л. Воронцовъ, доставившій ему мѣсто секретаря въ Коммерцъ-Коллегіи. Не зная русскаго языка и русской промышленности, Одаръ скоро принужденъ былъ отказаться отъ этой должности и просилъ Дашкову пристроить его какъ нибудь при императрицѣ. Послѣдняя взяла его въ управленіе имѣнія, которое ей подарилъ Петръ III, но очевидно употребляла его и для разныхъ иныхъ услугъ. Есть извѣстіе, что Екатерина черезъ него достала, весной 1762 г., сто тысячъ рублей у одного англійскаго купца (Jauffret, «Catherine II et son règne», Paris, 1860, I, 102). Дашкова ничего не знала о сношеніяхъ Григ. Орлова съ императрицей и потому неудивительно, что она такъ рѣшительно отвергаетъ всякое участіе Одара какъ въ самыхъ переворотѣ, такъ и въ подготовленіи его. Вѣроятно, все участіе Одара ограничивалось лишь ловкимъ посредничествомъ и исполненіемъ порученій, однако-же совершенно отрицать его все-таки нельзя. Вотъ что писалъ объ этомъ гр. М. Л. Воронцовъ гр. А. Р—чу, отъ 21-го августа 1762 г. «Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи, и уже съ мѣсяцъ какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получалъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзду своего. Господинъ Одаръ въ состояніи написать весьма лучшую реляцію какъ о счастливой нашей перемѣнѣ, такъ и особливо достойную похвалу, великимъ добродѣтелямъ и качествамъ. Е. И. В—ва, нежели Пиктетъ (въ письмѣ къ Вольтеру, см. «Арх. кн. В—ва», т. XXIX) вздумалъ не по силѣ разума своего писать» («Арх. кн. В—ва», т. V, стр. 106). По словамъ Рюльера, дальнѣй-

«Панинъ и княгиня имѣли совершенно одинаковыя убѣжденія; княгиня съ дѣтства была проникнута пылкой ненавистью къ рабству, а графъ Панинъ, бывшій въ теченіе четырнадцати лѣтъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ, также вынесъ оттуда республиканскія идеи. Итакъ оба сошлись въ своемъ рѣшеніи вырвать отечество изъ когтей деспотизма; съ своей стороны императрица казалось поощряла ихъ замыслы. Они редактировали сообща условія, при которыхъ дворянскіе чины имперіи, свергнувъ Петра III, должны были—посредствомъ формальнаго избранія на царство отдать корону женѣ его, съ ограниченной властью. Эта надежда вовлекла въ заговоръ множество дворянъ. Осуществленіе этого плана съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ и Екатерина, употребившая его единственно какъ средство для приманки, почувствовала, что она беретъ на себя болѣе серьезныя обязательства, чѣмъ бы желала.

«Въ то время обѣ отдѣльныя интриги начали понемногу сли-

шая судьба Одара была такая: когда во время пребыванія Екатерины въ 1763 г. въ Москвѣ, противъ нея составился заговоръ, (не заговоръ ли Хитрово, направленный противъ Григор. Орлова?!), то Одаръ выдалъ всѣхъ его участниковъ, своихъ прежнихъ друзей и «на всѣ предложенія императрицы повысить его по службѣ, отвѣчалъ упорно: «Государыня, дайте мнѣ денегъ», и, получивъ желаемое, немедленно уѣхалъ въ свое отечество». Лѣтъ черезъ десять, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, онъ былъ убитъ молніей. «Но передъ его смертью, г. д'Арси, академикъ, и г. де Трюденъ встрѣтили его въ Ниццѣ, которую онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ и, по ихъ словамъ, поведеніе его было тогда столь же почтенно, какъ и его состояніе. Они напомнили ему объ этой исторіи (т. е. переворотѣ 28-го іюня 1762 г., какъ его разсказываетъ Рюльеръ) и разсказы Одара подтвердили имъ ее всю, отъ начала до конца». («Anecdotes», 372, 387). Характеристика Одара, которую дѣлаетъ Рюльеръ, подтверждается отзывами о немъ и графа Мерси: «Одаръ—креатура кн. Дашковой, теперь же (іюль 1762 г.) секретарь Панина... Онъ умѣетъ вкрасться всюду, очень хитеръ и искусенъ въ дѣлахъ, и его легко подкупить деньгами («С. И. О.», т. XVIII, стр. 458 — 459). Кастера (его «Histoire de Catherine II», т. I) весь заговоръ Екатерины представляетъ дѣломъ искусныхъ рукъ Одара, приписывая послѣднему даже самый замыселъ его; но это конечно крайнее преувеличеніе въ дѣйствительности очень скромной роли Одара.

ваться. Княгиня, увѣрившись въ дворянахъ, стала обращаться и къ солдатамъ. Орловъ же, увѣрившись въ войскахъ, началъ зондировать и дворянъ. Оба коновода, до тѣхъ поръ неизвѣстные другъ другу, встрѣтились однажды въ казармахъ и обмѣнялись тревожными, любопытными взглядами. Императрица, которую и тотъ, и другая извѣстили объ этой встрѣчѣ, разсудила, что пора, наконецъ, соединить нити обѣихъ отдѣльныхъ интригъ; съ рѣдкимъ искусствомъ ей удалось, подкрѣпляя одну интригу другой, овладѣть всѣмъ движеніемъ.

«Орловъ, увѣдомленный ею, заставилъ княгиню заискивать въ немъ, а молодая женщина, воображая, что всѣ воодушевлены одинаковыми съ ней чувствами, приняла этого коновода мятежниковъ лишь за ревностнаго гражданина. Никогда она не подозрѣвала, что онъ имѣетъ прямой доступъ къ императрицѣ; съ этой минуты Орловъ, сдѣлавшись въ дѣйствительности единственнымъ настоящимъ главою предпріятія, съумѣлъ, однако, притвориться, что онъ не болѣе, какъ агентъ княгини Дашковой.

«Но лишь только его посвятили въ замыслы дворянъ, онъ наотрѣзъ воспротивился имъ. Онъ поклялся, что не потерпитъ, чтобы они налагали какія-либо условія на государыню. «Разъ императрица дала слово сама редактировать права ихъ вольности, они обязаны ей вѣрить,—говорилъ онъ:—впрочемъ, они могутъ поступать по своему усмотрѣнію, онъ же обезпечилъ себѣ вліяніе надъ войсками и можетъ, если нужно, дѣйствовать самостоятельно съ помощью гвардіи, — этого будетъ совершенно достаточно, чтобы возвести императрицу на престолъ».

«Дворяне, будучи уже сообщниками заговора, были поставлены въ необходимость уступить тому, въ рукахъ котораго была вся сила и удовольствовались смутными обѣщаніями императрицы обезпечить ихъ права.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было вниманіе и на народъ; съ цѣлью внушить ему духъ мятежа, распустили слухъ, будто возмущеніе уже вспыхнуло въ провинціяхъ, что крѣпостные духовенства стекаются толпами со всѣхъ сторонъ, отказываясь повиноваться новому указу; что крымскіе татары расположились на границахъ, готовясь къ вторженію, лишь только императоръ уведетъ всѣ войска изъ имперіи на войну, совершенно чуждую интересамъ Россіи. Подобные слухи, на половину лжи-

вые, распространялись съ быстротою молніи, какъ это всегда бываетъ въ странахъ, гдѣ правительство стало ненавистнымъ и гдѣ всеобщее недовольство съ жадностью набрасывается на все, что способно раздражить и польстить ему; а въ Россіи, гдѣ не было обычая разсуждать о дѣлахъ государственныхъ, гдѣ такое любопытство могло быть наказано смертной казнью — подобные слухи уже сами по себѣ являлись началомъ возмущенія. Въ безумной торопливости своихъ сборовъ на Данію императоръ не поѣхалъ въ Москву, чтобы принять корону, согласно старинному обычаю, въ храмѣ древнихъ царей; тогда почти открыто стали говорить, что дозволительно свергнуть съ престола государя, который пренебрегъ важной церемоніей посвященія на царство.

«Въ то же время императрица внушала посланникамъ державъ, съ которыми императоръ расторгнулъ союзы, что она негодуетъ на подобное вѣроломство; она намѣревалась обратиться къ этимъ дворамъ для заключенія займовъ, такъ какъ стала сильно нуждаться въ деньгахъ. Посланники, въ особенности французскій, баронъ де-Бретёйль, привыкшіе въ теченіе многихъ лѣтъ руководить умами при русскомъ дворѣ, среди общаго кризиса старались противодѣйствовать тѣмъ планамъ, въ которые вовлекали императора враги ихъ государей. Они съ радостью ухватились за этотъ заговоръ, какъ за удобное средство для осуществленія своихъ плановъ и хотя ихъ нѣсколько стѣсняли инструкціи ихъ правительствъ, предписавшія имъ принимать какъ можно менѣе участія въ этихъ движеніяхъ,—однако, они съ большой ревностью и успѣхомъ старались привлечь свои партіи на сторону императрицы. Наоборотъ, другіе посланники— друзья императора, озабоченные исключительно тѣмъ, чтобы ускорить его отъѣздъ, въ угоду ему раздѣляли утомительный и безумный образъ жизни при его дворѣ. Окружающихъ интригъ они не замѣчали, и только радовались успѣху своихъ переговоровъ, видя, что войска стягиваются со всѣхъ концовъ, флотъ готовъ къ отплытію, императоръ окруженъ всѣмъ могуществомъ своей имперіи и день отъѣзда уже назначенъ.

«Итакъ, заговорщики имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленную партію, обезпеченные рессурсы; но хотя опасность становилась неотложной—повидимому, еще не было составлено

никакого опредѣленнаго плана дѣйствія. Люди, изучившіе русскую націю и даже опытные заговорщики утверждаютъ, что такъ именно и слѣдуетъ вести подобнаго рода предпріятія, что русскій народъ очень способенъ на заговоры, въ силу своей формы правленія, въ силу естественнаго расположенія къ скрытности и даже въ силу терпѣнія, съ которымъ онъ выноситъ пытки; вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе непримиримую ненависть, господствующую между отдѣльными семьями и крайнее недовѣріе, овладѣвшее умами, было бы слишкомъ рискованно собирать воедино кружокъ заговорщиковъ, которые бы подѣлили между собою выполненіе различныхъ частей одного и того же замысла; вдобавокъ, такъ какъ въ Россіи привыкли видѣть, что люди самаго низкаго званія, нежданно достигаютъ высшихъ ступеней могущества, то каждый, пожалуй, счелъ бы себя въ правѣ претендовать на подобную карьеру — вотъ почему было бы опасно открывать имъ имена вождей, которыхъ они могли бы заподозрить въ намѣреніяхъ возвеличиться. Слѣдовательно надо увѣриться въ каждомъ въ отдѣльности, каждому подать надежду на величайшія милости и не раньше собрать всѣхъ воедино какъ только въ самый моментъ дѣйствія.

«Если-бъ заговорщики желали убійства, то оно могло быть выполнено навѣрнякa; гвардейскій поручикъ Пассекъ бросился къ ногамъ императрицы и умолялъ дозволить ему заколоть императора кинжаломъ среди бѣлаго дня, въ то время какъ онъ будетъ командовать гвардіей. Этотъ человѣкъ, да еще другой — нѣкто Баскаковъ — такого же закала, уже дважды совершали покушенія на жизнь императора, возлѣ маленькаго необитаемаго домика—перваго, который былъ построенъ Петромъ Великимъ на островахъ, гдѣ онъ основалъ Петербургъ и который русскіе сохраняютъ съ благоговѣніемъ. Въ эту уединенную мѣстность Петръ III иногда приходилъ гулять вечеромъ со своей фаворитkой. Тамъ-то эти два безумца по собственной иниціативѣ подкарауливали его съ цѣлью убить. Избранная кучка заговорщиковъ, подъ начальствомъ графа Панина, производила рекогносцировки въ аппартаментахъ государя, осматривала его спальню, постель и всѣ ведущія въ спальню двери. Наконецъ, остановились на планѣ — явиться туда въ одну изъ ближайшихъ ночей

многочисленной шайкой, похитить его, если возможно, заколоть кинжаломъ, въ случаѣ сопротивленія, затѣмъ созвать дворянскіе чины, чтобы обставить это дѣло кажущейся законностью, а императрица, которая какъ будто не принимала никакого участія въ этой революціи, тщательно избѣгая всякихъ подозрѣній въ сообщничествѣ, должна была сдѣлать видъ, что уступаетъ лишь мольбамъ своего народа и соглашается на единодушное, добровольное провозглашеніе ея. Такова въ дѣйствительности и была основа ея образа дѣйствія. Задавшись цѣлью произвести именно такое впечатлѣніе, она съумѣла быть почти невидимкой въ заговорѣ и въ то же время управлять всѣми его пружинами; и даже послѣ явныхъ заявленій своей личности, на которыя она поневолѣ должна была рѣшиться, она всегда старалась убѣдить общественное мнѣніе, что она была во всемъ этомъ не причемъ.

«Императоръ находился въ загородной резиденціи, отстоявшей отъ столицы на двѣнадцать льё. Императрица, опасаясь возбудить подозрѣнія, еслибы осталась въ городѣ на время его отсутствія, сама уѣхала въ другое помѣстье. Императоръ рѣшилъ, что отѣздъ его на войну состоится по возвращеніи его въ городъ, а императрица тогда же и намѣревалась привести въ исполненіе свои замыслы. Но бѣшеное рвеніе того же поручика Пассека разрушило всѣ планы. Этотъ необузданный заговорщикъ, всегда рѣзкій на языкъ, проговорился о заговорѣ въ присутствіи солдата, котораго наказалъ, а тотъ немедленно донесъ на него въ полковую канцелярію. 8-го іюля, въ 9 часовъ вечера, Пассекъ былъ арестованъ, и съ этимъ извѣстіемъ немедленно посланъ былъ гонецъ къ императору.

«Все погибло бы, еслибъ не предосторожность, принятая піемонтцемъ Одаромъ, о чемъ знали лишь онъ, да княгиня Дашкова. Къ каждому мало-мальски значительному лицу было приставлено по шпіону, не терявшему его изъ вида. Въ четверть десятаго княгиню уже извѣстили, что Пассекъ арестованъ. Она дала знать графу Панину, чтобы онъ не медля пріѣхалъ къ ней и предложила ему тотчасъ же приступить къ выполненію ихъ замысловъ,—предложеніе, сходное съ тѣмъ, которое римляне сдѣлали когда-то въ подобномъ-же случаѣ: «Слѣдуетъ попытаться поднять сразу весь народъ и солдатъ; сообщники соберутся тотчасъ-же; неожиданность всегда поражаетъ умы и увлекаетъ

толпу; у императора ничего не подготовлено для отраженія такого внезапнаго возмущенія; самые храбрые люди всегда теряются при неожиданныхъ вспышкахъ: да и что въ состояніи противупоставить имъ этотъ ничтожный человѣкъ, окруженный свитой кутилъ? Мало ли что кажется немыслимо при обсужденіи, а выполняется на дѣлѣ съ помощью смѣлости? Къ тому же, можно ли надѣяться на соблюденіе тайны при такомъ множествѣ испуганныхъ сообщниковъ? Устоятъ ли клятвы противъ пытокъ и обѣщанія наградъ? Чего еще ждать? Въ перспективѣ вѣрная смерть — позорная смерть! Не лучше ли погибнуть ради отечества, отстаивая свободу, погибнуть лишь по винѣ солдатъ и народа, въ случаѣ если они покинутъ ихъ, погибнуть достойными и предковъ, и безсмертія?»

Римскій заговорщикъ не послѣдовалъ этому совѣту и умеръ отъ руки палача. Русскій же подумалъ такъ: «Слишкомъ поспѣшный взрывъ въ концѣ испортитъ дѣло; если даже удастся поднять на ноги весь Петербургъ, то это будетъ лишь началомъ междоусобной войны, такъ какъ императоръ имѣетъ возлѣ себя въ военномъ городѣ готовый флотъ, три тысячи личнаго голштинскаго войска и вдобавокъ еще располагаетъ войсками, собирающимися въ походъ; ночное время не представляетъ безопасности, такъ какъ въ этомъ климатѣ ночи почти совершенно свѣтлы въ эту пору года; императрица, будучи въ отъѣздѣ, не успѣетъ прибыть раньше утра; надо тщательно взвѣсить послѣдствія: и утромъ еще будетъ время обсудить дѣло». Такъ думалъ графъ Панинъ, всегда имѣвшій привычку медлить, и преспокойно отправился спать.

«Княгиня Дашкова выслушала его, не возражая, и удалилась. Была полночь. Эта восемнадцатилѣтняя женщина переодѣвается мужчиной, одна выходитъ изъ дома и направляется къ мосту, гдѣ, какъ ей было извѣстно, обыкновенно собирались заговорщики. Дѣйствительно, тамъ находился Орловъ съ братьями. Какъ иногда счастье помогаетъ неусыпной бдительности! Услышавъ вѣсть объ арестѣ Пассека и предложеніе немедля произвести возмущеніе— всѣ были ошеломлены; затѣмъ первое впечатлѣніе изумленія смѣнилось радостью и всѣ изъявили согласіе съ восторгомъ. Одинъ изъ братьевъ Орловыхъ Алексѣй, прозванный *Balafré,* вслѣдствіе шрама, полученнаго имъ въ публичныхъ играхъ,—простой

солдатъ [1], который былъ бы удивительно красивъ, еслибъ лицо его не имѣло такого суроваго выраженія,— былъ посланъ княгиней съ запиской, содержащей всего нѣсколько словъ: «Пріѣзжайте, государыня, время не терпитъ». Остальные, въ томъ числѣ княгиня, всю ночь занимались подготовленіемъ возмущенія; все было улажено съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ пріѣзду императрицы все было готово, въ случаѣ же если какое либо препятствіе задержитъ ее, были приняты предосторожности, чтобы ничто не выдало ихъ замысловъ. Они предвидѣли даже и то, что предпріятіе можетъ неудаться; на этотъ случай они обезпечили бѣгство императрицы въ Швецію. Орловъ и его другъ зарядили каждый по пистолету, обмѣнялись ими и, поклявшись не прибѣгать къ этому оружію даже въ самыхъ великихъ опасностяхъ съ тѣмъ, чтобы сберечь его на случай, если предпріятіе рухнетъ и тогда застрѣлить другъ друга. Княгиня ничего не припасла для себя,—въ случаѣ неудачи она отнеслась бы безразлично даже и къ пыткѣ.

«Императрица жила за 25 верстъ (отъ Петербурга), въ петергофскомъ дворцѣ; подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы предоставить всѣ покои въ распоряженіе императора, котораго ждали въ тотъ же день, и какъ будто боясь стѣснить государя и его дворъ, она помѣстилась въ отдѣльно лежащемъ павильонѣ. Этотъ павильонъ, построенный на каналѣ, сообщался съ рѣкой, а лодка, привязанная подъ самыми окнами императрицыной спальни, могла при первой же тревогѣ служить ей для бѣгства.

«Алексѣй Орловъ зналъ черезъ брата всѣ малѣйшія извилины сада и закоулки павильона. Солдатъ разбудилъ государыню; въ ту же минуту ему пришла въ голову мысль присвоить для своей семьи всю славу революціи и онъ имѣлъ смѣлость и ловкость утаить записку княгини Дашковой, сказавъ императрицѣ, не успѣвшей еще очнуться отъ сна: «Сударыня, нельзя терять ни минуты: поѣзжайте». Вслѣдъ за тѣмъ, не дожидаясь даже отвѣта, онъ оставилъ ее, сошелъ внизъ и скрылся.

«Пораженная изумленіемъ, императрица стала одѣваться, все еще не будучи въ состояніи придти въ себя, какъ вдругъ тотъ

---

[1] Невѣрно: Алексѣй Орловъ былъ въ то время уже офицеромъ.

же человѣкъ, проскакавъ верхомъ по аллеямъ парка съ быстротою молніи, вернулся къ ней и сказалъ: «Вотъ ваша карета»; тогда императрица, словно увлекаемая какой-то силой, не имѣя даже времени принять рѣшенія, схватила подъ руку Катерину Ивановну и побѣжала къ воротамъ парка. Тамъ она нашла экипажъ, за которымъ Орловъ ѣздилъ на довольно отдаленную ферму; этотъ экипажъ уже два дня держался на-готовѣ по приказанію княгини Дашковой, — потому ли, что она замѣтила нетерпѣніе гвардіи и предчувствовала необходимость быстрой развязки, или же для того, чтобы имѣть возможность избавить императрицу отъ всякой опасности; смѣны лошадей были также приготовлены сплошь до самыхъ границъ.

Карета покатила, управляемая крестьянами и запряженная восьмеркой наемныхъ лошадей; впрочемъ всѣ лошади въ этой странѣ—татарской породы, отъ которой онѣ заимствовали большую быстроту бѣга.

«Екатерина сохраняла такую бодрость духа, что пол-дороги смѣялась со своей камеристкой надъ какой-то погрѣшностью въ ихъ туалетѣ.

«Вдругъ вдали показалась открытая коляска, приближавшаяся съ необычайной быстротой; а такъ какъ та же самая дорога вела и къ резиденціи императора, то коляска внушала нѣкоторую тревогу. Но это былъ Орловъ—фаворитъ, спѣшившій навстрѣчу своей повелительницѣ; крикнувъ ей: «все готово!» онъ тотчасъ же повернулъ назадъ. Экипажи летѣли во весь опоръ по направленію къ городу—въ первомъ сидѣлъ Орловъ одинъ, въ другомъ императрица со своей камеристкой, а позади скакалъ Balafré съ солдатомъ, котораго прихватилъ съ собой.

Приближаясь къ городу, встрѣтили нѣкоего Мишеля, француза-камердинера, къ которому императрица была необыкновенно милостива, выслушивала его разсказы о семейныхъ дѣлахъ и воспитывала на свой счетъ дѣтей этого человѣка. Мишель отправлялся во дворецъ, чтобы поспѣть къ часу одѣванья и съ ужасомъ увналъ императрицу среди этого страннаго эскорта. Онъ думалъ, что ее увезли, по приказанію императора. Она высунула голову изъ кареты и крикнула ему: «Слѣдуйте за мной»; и Мишель съ сильно бьющимся сердцемъ, вообразилъ, что слѣдуетъ за нею въ Сибирь.

«Такимъ-то образомъ, между семью и восьмью часами утра, прибыла въ столицу Екатерина, чтобы царствовать деспотически надъ обширнѣйшей имперіей въ мірѣ; она выѣхала, положившись на слово простого солдата, везли ее мужики, впереди ѣхалъ ея любовникъ, а сопровождали ее горничная и куаферъ.

«Пришлось проѣхать по всему городу, чтобы добраться до казармъ, расположенныхъ на восточныхъ окраинахъ и образующихъ съ этой стороны настоящій лагерь. Направились прямо къ тѣмъ двумъ ротамъ Измайловскаго полка, которые уже были приведены къ присягѣ. Солдаты еще не вышли изъ казармъ, изъ опасенія, чтобы не погубить всего дѣла, столпившись преждевременно. Императрица вышла на дорогу, огибающую казармы и пока сопровождавшіе ее побѣжали объявить о ея прибытіи, она прошла, опираясь на руку камеристки все довольно большое разстояніе, отдѣлявшее казармы отъ дороги. Она была встрѣчена толпой солдатъ человѣкъ въ тридцать, которые выбѣжали въ безпорядкѣ, полуодѣтые, въ рубашкахъ и кителяхъ. Увидѣвъ это, она удивилась, поблѣднѣла: замѣтная дрожь пробѣжала по всему тѣлу ея. И вотъ, повинуясь первому побужденію, которое дѣлало ее еще болѣе трогательной въ глазахъ солдатъ, она сказала имъ, что пришла отдаться въ ихъ руки, что императоръ приказалъ убить ее и сына; что уже посланы убійцы съ этой цѣлью. Всѣ въ одинъ голосъ поклялись умереть, защищая ее. Подоспѣли офицеры; толпа разросталась. Она послала за полковымъ священникомъ, приказавъ ему принести крестъ; священникъ явился блѣдный, трепещущій, съ распятіемъ въ рукахъ и принялъ, самъ не понимая что дѣлаетъ, присягу солдатъ. Тогда пришелъ графъ Разумовскій, оказавшійся болѣе вѣрнымъ ея особѣ, нежели дружбѣ къ императору; за нимъ послѣдовалъ генералъ Волконскій, племянникъ канцлера, подпавшаго подъ опалу за свою необычайную преданность къ государынѣ; графъ Шуваловъ, съ такой рѣдкой умѣренностью пользовавшійся высшими милостями при послѣднемъ царствованіи и до сихъ поръ еще чтимый солдатами въ память Елисаветы; графъ Брюсъ, графъ Строгоновъ, жена котораго, какъ и графиня Брюсъ—обѣ знаменитыя своей красотой, находились въ то время при императорѣ. Въ этой первой толпѣ нашлись люди, провозглашавшіе императрицу-регентшу. Орловъ бросился къ нимъ и воскликнулъ, «что не слѣ-

дуетъ дѣлать дѣло на половину, рисковать пыткой, чтобы пришлось въ одинъ прекрасный день все начинать съизнова, и что первaго, кто произнесетъ слово «регентство», онъ заколетъ своей рукой». Маіоръ Шапеловъ (Тепловъ?), на котораго разсчитывали, не явился и первымъ приказомъ, отданнымъ императрицей, былъ слѣдующій: «ступайте, скажите ему, что онъ мнѣ не нуженъ; посадить его подъ арестъ». Простые офицеры со всѣхъ сторонъ стекались къ своимъ ротамъ и призывали ихъ къ оружію. Замѣчательно, что изъ этого громаднаго числа офицеровъ, которые дали свое слово, лишь одинъ, нѣкто Пушкинъ, имѣлъ несчастіе или слабость измѣнить этому слову. Императрица дѣлала обходъ вооруженнаго лагеря, образуемаго казармами, и заходила въ каждый изъ трехъ полковъ гвардейской пѣхоты, этой гвардіи столь грозной по отношенію къ своимъ государямъ: когда-то составленная Петромъ I изъ однихъ иностранцевъ и служившая ему оплотомъ противъ крамолы русскихъ, она впослѣдствіи была значительно усилена и состояла исключительно изъ русскихъ; уже трижды она распоряжалась регентствомъ или короной. Когда императрица во главѣ Измайловскаго полка направилась изъ ихъ казармъ въ Семеновскія, солдаты, которыхъ она увлекла къ возстанію растрогавъ ихъ сердца, воскликнули, что, находясь во главѣ ихъ, она недостаточно безопасна, — они сами собою выстроились вокругъ нея и образовали карре. Во всѣхъ этихъ казармахъ лишь двое офицеровъ Преображенскаго полка оказали сопротивленіе и были арестованы. Проходя мимо тюрьмы этого полка, гдѣ заключенъ былъ заговорщикъ Пассекъ, она приказала освободить его. Этотъ человѣкъ, приготовившійся вынести самыя жестокія пытки и все-таки ничего не выдать, былъ изумленъ такой неожиданной вѣстью; онъ вообразилъ, что это ловушка съ цѣлью заставить его невольно проговориться и долго отказывался выдти изъ-подъ ареста. Всѣ три полка, собравшись во-едино съ громкими криками «ура», сочли предпріятіе оконченнымъ и всѣ просили позволенія поцѣловать руку императрицы. Но она успокоила ихъ безумные восторги, кротко объяснивъ, что имъ еще предстоитъ не мало дѣла впереди. Орловъ поспѣшилъ въ артиллерійскій полкъ, многочисленный и очень чтимый корпусъ, солдаты котораго почти всѣ имѣли знаки отличія за участіе въ кровопролитной войнѣ противъ прусскаго

короля. Орловъ былъ почти увѣренъ въ своемъ вліяніи на солдатъ этого полка, благодаря своему посту казначея; но они отказались повиноваться и пожелали узнать, что думаетъ на этотъ счетъ генералъ.

«Начальникомъ ихъ состоялъ Вильбоа, бывшій французскій эмигрантъ, фельдцехмейстеръ артиллерія и инженернаго корпуса, человѣкъ извѣстный своей храбростью и рѣдкой честностью. Нѣкоторое время онъ былъ любимъ Екатериной и надѣялся, что эта любовь еще не исчезла. Черезъ него-то она и доставила Орлову должность казначея, столь полезную для ея плановъ. Но Орловъ, желая, вѣроятно, прервать отношенія этого человѣка къ императрицѣ, исключилъ его изъ заговора. Въ это время Вильбоа былъ занятъ работой съ инженерами. Одинъ изъ заговорщиковъ пришелъ доложить ему, «что государыня-императрица повелѣваетъ ему явиться къ ней въ казармы гвардіи». Вильбоа, удивленный этимъ приказаніемъ, освѣдомился: «Развѣ императоръ умеръ?» Посланный, не отвѣчая на вопросъ, снова повторилъ свое порученіе; тогда Вильбоа, обратившись къ инженерамъ, сказалъ имъ: «Всѣ люди смертны», и послѣдовалъ за адъютантомъ.

«Вильбоа, до тѣхъ поръ льстившій себя надеждой, что онъ любимъ Екатериной, прибывъ въ казармы и увидавъ ее окруженную этой толпой, убѣдился съ смертельной досадой, что такой великій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе даже безъ его вѣдома. Онъ обожалъ свою государыню, и, желая замаскировать свои упреки и свое горе подъ притворной или искренней ссылкой на затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ бы, помогая предпріятію, онъ прибавилъ: «Вы должны были предвидѣть...», но она поспѣшила прервать его съ горделивой строгостью: «Я послала за вами вовсе не для того, чтобы узнать отъ васъ, что я должна была бы предвидѣть, но чтобы спросить васъ, что вы намѣрены дѣлать?» Онъ бросился къ ея ногамъ, восклицая: «Повиноваться вамъ, государыня!» вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшилъ къ артиллерійскому полку, чтобы призвать его къ оружію и сдать императрицѣ всѣ арсеналы.

«Изъ всѣхъ, кто только извѣстенъ былъ своей привязанностью къ Петру III, въ городѣ оставался въ то время одинъ лишь принцъ Георгій Голштинскій. Адъютантъ донесъ ему, что

въ казармахъ возмущеніе, онъ сталъ поспѣшно одѣваться, въ этотъ моментъ онъ былъ арестованъ со всѣмъ семействомъ.

«Императрица, окруженная десятитысячнымъ войскомъ, сѣла въ ту же карету и, хорошо зная духъ своего народа, поѣхала въ Казанскій соборъ помолиться. Затѣмъ она отправилась въ обширный дворецъ, съ одной стороны окаймляющій рѣку, а съ другой—господствующій надъ громадной площадью. Весь дворецъ былъ окруженъ сплошной массой солдатъ. При входѣ въ каждую улицу разставили пушки, съ фитилями на-готовѣ; перекрестки и другія площади были заняты пикетами, а чтобы императоръ не узналъ о происходившемъ, отрѣзали цѣлымъ отрядомъ войска мостъ, по которому вела дорога изъ Петербурга въ тотъ загородный домъ, гдѣ находился государь, — но было уже поздно. Въ такомъ огромномъ городѣ одинъ только человѣкъ—и то иностранецъ—подумалъ извѣстить обо всемъ императора; это нѣкто Брессанъ, уроженецъ княжества Монако, но натурализованный во Франціи; въ Россіи онъ выдавалъ себя за француза, надѣясь найти болѣе ласковый пріемъ и покровительство: это былъ человѣкъ умный и честный, котораго императоръ взялъ изъ парикмахеровъ и возвелъ на высокую должность; по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ онъ оправдалъ своею вѣрностью эти чрезмѣрныя милости государя. Онъ послалъ ловкаго лакея, переодѣтаго мужикомъ, въ небольшой деревенской телѣжкѣ, и, зная, что въ такую минуту не слѣдуетъ довѣрять даже лицамъ, окружающимъ императора, онъ наказалъ посланному передать записку самому государю въ собственныя руки. Только что успѣлъ мнимый крестьянинъ проѣхать по мосту, какъ онъ былъ занятъ отрядомъ войска.

«По приказанію императрицы, офицеръ съ многочисленнымъ эскортомъ поскакалъ за великимъ княземъ, спавшимъ въ другомъ дворцѣ. Ребенокъ, уже ранѣе увѣдомленный объ опасности, угрожавшей его жизни, проснувшись, увидѣлъ себя окруженнымъ солдатами; онъ пришелъ въ ужасъ и впечатлѣніе этого испуга долго не покидало его. Воспитатель его, Панинъ, находившійся возлѣ молодого князя, успокоилъ его и, схвативъ его на руки въ ночномъ костюмѣ, отвезъ его къ матери. Она вывела его на балконъ, чтобы показать народу и солдатамъ. Стеклась безчисленная толпа. Всѣ остальные полки въ городѣ при-

мкнули къ гвардіи. Долго раздавались крики «ура» и фуражки взлетали на воздухъ. Пронесся слухъ, что везутъ императора. Толпа дрогнула, разступилась въ глубокомъ молчаніи, безъ малѣйшаго безпорядка и пропустила поѣздъ, тихо подвигавшійся среди народа. Это были народныя похороны, которыя прошли по всѣмъ главнымъ улицамъ, хотя такъ и осталось неизвѣстнымъ, кого это хоронили. Солдаты въ траурѣ несли зажженные факелы и въ то время, какъ все вниманіе народа было приковано ко дворцу на площади, похоронное шествіе исчезло безслѣдно. Впослѣдствіи объ этомъ не разъ разспрашивали княгиню Дашкову и она неизмѣнно отвѣчала: «Мы хорошо приняли всѣ предосторожности».

«Весьма вѣроятно, что подвели всю эту махинацію съ цѣлью распустить среди народа смутное подозрѣніе, что императоръ умеръ, устранить такимъ путемъ, хотя бы въ первую минуту, всякую мысль о сопротивленіи и сдѣлать провозглашеніе Екатерины государынею всеобщимъ, единогласнымъ. Несомнѣнно, что во всей этой безчисленной толпѣ, наводнявшей улицы и площадь, нашлось бы не болѣе двадцати человѣкъ (даже включая и обитателей дворца), которые понимали въ точности, что такое творится. Народъ, солдаты, не зная живъ ли еще императоръ или нѣтъ, и повторяя крикъ «ура», — выражающій радость, безъ всякаго иного смысла,—воображали, что провозглашаютъ юнаго великаго князя императоромъ подъ регентствомъ его матери. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ, второпяхъ извѣщая своихъ друзей о революціи, написали имъ эту ложную вѣсть. Вотъ почему волненіе приняло радостный оттѣнокъ; ни малѣйшее подозрѣніе о нарушеніи законности не омрачало общественнаго довольства; многіе цѣловались и поздравляли другъ друга.

«Но вскорѣ манифестъ, распространенный по городу, разъяснилъ настоящій смыслъ переворота; этотъ печатный манифестъ уже нѣсколько дней хранился піемонтцемъ Одаромъ въ его комнатѣ, причемъ Одаръ находился въ смертельномъ страхѣ и только на другой день вздохнулъ свободно: «Наконецъ-то я уже больше не боюсь быть колесованнымъ» говорилъ онъ. Въ манифестѣ было сказано, «что императрица Екатерина II, внявъ мольбѣ народа, восходитъ на престолъ своего дорогого отечества, чтобы спасти его отъ погибели», затѣмъ, всячески осуж-

дая императора, она выражала негодованіе къ прусскому королю и возмущалась противъ разоренія духовенства. И это говорила нѣмецкая принцесса, сама потомъ скрѣпившая этотъ союзъ и довершившая это разореніе!

«Проснувшись по утру, вельможи узнали великую новость и бросились во дворецъ; любопытное зрѣлище представляли всѣ эти лица, блѣдныя, испуганныя, на которыхъ были написаны и радость и тревога, и преданность и улыбки. Явившись во дворецъ, они застали торжественное богослуженіе; духовенство приводило къ присягѣ на вѣрноподданство, а государыня изощрялась во всевозможныхъ средствахъ обольщенія. Въ присутствіи ея происходилъ шумный совѣтъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ. Подъ вліяніемъ опасности и стараясь выдвинуться, каждый наперерывъ предлагалъ то или другое, чтобы выказать свое рвеніе. Находя лишнимъ принимать предосторожности въ самомъ Петербургѣ, уже обезпеченномъ въ пользу переворота, рѣшили немедленно вести все это войско противъ императора Вдругъ совѣщанія были прерваны шумомъ въ войскахъ. Все еще тревожась за императрицу, въ убѣжденіи, что мнимые убійцы, подосланные, чтобы лишить жизни ее и ея сына, должны подоспѣть съ минуты на минуту; солдаты находили, что ей слишкомъ опасно оставаться въ обширномъ дворцѣ, съ одной стороны омываемомъ рѣкой, да къ тому еще недостроенномъ и открытомъ со всѣхъ сторонъ; покуда она тамъ, они не могутъ отвѣчать за нее. Поэтому они потребовали, съ громкими криками, чтобы государыня перешла въ старый, деревянный дворецъ, гораздо меньшихъ размѣровъ, находившійся на той же площади: это зданіе можно было окружить войсками съ четырехъ сторонъ. Императрица прошла по площади, среди шумныхъ кликовъ восторга. Солдатамъ подносили пива и водки. Всѣ переодѣлись въ старые мундиры, съ презрѣніемъ и насмѣшкой бросивъ новую форму, по прусскому образцу, только что введенную императоромъ и совершенно неподходящую въ такомъ суровомъ климатѣ. А тѣхъ, которые второпяхъ одѣлись въ новую форму, толпа осыпала насмѣшками; шапки же новаго образца, подбрасываемыя къ верху, какъ мячики, служили игрушками для толпы.

«Одинъ лишь полкъ имѣлъ озабоченный и печальный видъ: то былъ прекрасный кавалерійскій полкъ, въ которомъ импера-

торъ съ дѣтства состоялъ полковникомъ и который онъ призвалъ въ городъ немедленно по восшествіи на престолъ, поставивъ его на ряду съ гвардейскими полками. Всѣ офицеры этого полка отказались примкнуть къ возстанію и были арестованы: другіе офицеры въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ командовали солдатами, которые повиновались имъ съ видимой неохотой.

«Около полудня, высшее русское духовенство — все старцы почтенной наружности (извѣстно, что въ подобныя минуты даже мелочи, способныя поразить воображеніе, получаютъ громадное значеніе), всѣ съ длинными, сѣдыми волосами и бородами, въ роскошныхъ величавыхъ облаченіяхъ, неся въ рукахъ царственныя регаліи: вѣнецъ, державу, старинныя книги, тихимъ, величественнымъ шагомъ прошли среди войскъ, замолкнувшихъ въ глубокомъ благоговѣніи; духовенство направилось во дворъ для посвященія императрицы на царство самодержицею. Одинъ видъ этой процессіи запечатлѣлъ во всѣхъ сердцахъ невѣдомое чувство, которое какъ бы узаконяло насиліе и узурпацію.

«Послѣ помазанія на царство, императрица одѣлась въ гвардейскій мундиръ стараго образца, который взяла у молодого офицера, одинаковаго съ ней роста. Послѣ торжественной религіозной церемоніи она нарядилась въ военный костюмъ, въ которомъ казалась еще болѣе привлекательной и обворожительной; эта молодая, красивая женщина, съ обольстительной граціей, приняла изъ рукъ окружавшихъ ее вельможъ шляпу, шпагу и—главное—ленту перваго ордена имперіи, того ордена, который мужъ ея снялъ съ себя, чтобы отнынѣ носить лишь орденъ прусскаго короля. Въ этомъ новомъ одѣяніи она сѣла на коня у воротъ дворца и, сопровождаемая княгиней Дашковой, также верхомъ на конѣ и въ гвардейскомъ мундирѣ, объѣхала кругомъ площади, объявившись войскамъ и какъ бы ставъ ихъ генераломъ. Своимъ улыбающимся самоувѣреннымъ видомъ она возвращала этой толпѣ то довѣріе, которое сама отъ нея получала.

«Полки начали дефилировать, готовясь выдти изъ города и направиться противъ императора. Императрица вернулась во дворецъ и сѣла обѣдать у открытаго окна, выходившаго на площадь. Подымая въ рукахъ стаканъ, она какъ бы привѣтствовала войска, которыя отвѣчали ей нескончаемымъ крикомъ «ура». Затѣмъ она снова сѣла на коня и поѣхала во главѣ войска.

«Цѣлый городъ возсталъ, цѣлая армія возмутилась безъ малѣйшихъ признаковъ безпорядка; послѣ ухода войскъ въ Петербургѣ не оставалось и слѣдовъ волненія. Около шести часовъ полкъ въ три тысячи казаковъ, который проходилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города и былъ встрѣченъ посланными императрицы раньше, чѣмъ посланными императора—прошелъ по городу, чтобы слѣдовать за нею; этотъ полкъ былъ отлично вооруженъ, на прекрасныхъ коняхъ, и его офицеры отличались замѣчательной благовоспитанностью. Это шествіе имѣло какой-то праздничный видъ; оно укоренило во всѣхъ умахъ увѣренность въ счастьи императрицы и увеличило общественную безопасность».

Къ стр. 87. — Гр. Мерси въ февралѣ 1762 г. писалъ своему двору: «Личное поведеніе государя съ каждымъ днемъ становится страннѣе и вспыльчивѣе; онъ даетъ гнѣву овладѣвать собою даже относительно фаворитки своей, дѣвицы Воронцовой, и нѣсколько дней тому назадъ онъ такъ сильно разсердился на нее, что чуть не прогналъ ее ночью изъ ея покоевъ, но такъ какъ его сильный гнѣвъ длится недолго, то на другое утро уже послѣдовало примиреніе». Отношенія Петра къ Воронцовой видимо не были устойчивы. Отъ 22-го февраля тотъ же гр. Мерси писалъ: «генералъ-прокуроръ Глѣбовъ пробовалъ было подставить русскому государю свою падчерицу дѣвицу Чоглокову, вмѣсто дѣвицы Воронцовой. Послѣдняя такъ разсердилась на угрожавшее ей смѣненіе, что совершенно забыла все подобающее государю почтеніе, даже до того, что осмѣлилась назвать его гадкимъ мужикомъ и еще другими словами, повторить которые не позволяетъ приличіе, и прибавила, что онъ не заслуживаетъ быть русскимъ императоромъ. Разсказываютъ, будто это привело государя въ такую ярость, что онъ приказалъ генералу Корфу немедленно отправить все это семейство въ крѣпость; но супруга канцлера съумѣла смягчить его и помѣшать тому, чтобы этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. («С. И. О.», т. XVIII, стр. 119 и 203). Эти размолвки однако кончались обыкновенно полнымъ примиреніемъ и въ іюнѣ 1762 г. Петръ такъ же мечталъ о короноваціи Л. Воронцовой, какъ и въ первые дни своего царствованія.

Къ стр. 96.—По словамъ Дашковой,[1] Воронцовъ, видя что его увѣщанія не дѣйствуютъ на императрицу, «отправился въ свой дворецъ, отказавшись присягнуть ей и объявивъ, что онъ ничего не предприметъ противъ нея ни словами, ни дѣйствіемъ, но что пока живъ Петръ III, онъ не нарушитъ своей присяги, данной ему. Онъ попросилъ императрицу приставить къ нему офицера, который могъ бы видѣть все, что ни будетъ происходить у него въ домѣ, и со спокойствіемъ великой души отправился въ Воронцовскій дворецъ». Объ этомъ офицерѣ братъ Дашковой, гр. С. Р. Воронцовъ, говоритъ: «Къ дому моего дяди, канцлера, на нѣсколько дней приставляли офицера, якобы для того, чтобы оберегать его отъ народа...»[2] С. Р—чъ иронически отзывается объ этомъ офицерѣ, обнаруживая тѣмъ свое невѣдѣніе, что офицеръ этотъ былъ назначенъ въ домъ канцлера по собственному желанію послѣдняго. Между тѣмъ, разсказъ Дашковой о поведеніи канцлера и о словахъ его къ императрицѣ такъ лестенъ для Воронцовыхъ, что если С. Р—чъ не повторяетъ его, то это несомнѣнно показываетъ, что онъ или вовсе не зналъ ничего подобнаго за канцлеромъ, или же совершенно отвергалъ версію Дашковой. И то, и другое одинаково опровергаетъ Дашкову. О поведеніи гр. М. Л. Воронцова С. Р—чъ замѣчаетъ только: «съ благородной твердостью мой дядя велъ себя во время переворота», что вовсе не противорѣчитъ версіи Панина.

Позье, придворный бриллiантщикъ, такъ разсказываетъ о пріѣздѣ канцлера въ Зимній дворецъ 28-го іюня:

«Я еще стоялъ за стуломъ императрицы, когда явился великій канцлеръ Воронцовъ. Какъ только онъ подошелъ къ ней, она спросила его: затѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы присягнуть ей? Воронцовъ отвѣтилъ, что въ настоящую минуту не можетъ этого сдѣлать, потому что его прислалъ императоръ изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ.

«— Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ. Я съ этою цѣлью сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ, можете быть спокойны за себя.

---

[1] «Арх. кн. Воронцова», т. XXI, стр. 78.
[2] «Арх. кн. Воронцова» т. VII, стр. 5.

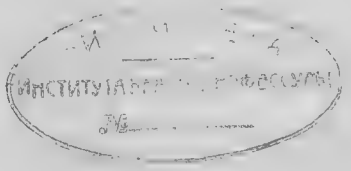
«Воронцовъ поклонился и отправился съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету».[1]

Этотъ разсказъ Позье болѣе сходенъ съ разсказомъ Дашковой о поведеніи канцлера во время переворота, чѣмъ съ разсказомъ о томъ же Панина, но не надо забывать, что, во-первыхъ, запискамъ Позье нельзя особенно довѣряться, а во-вторыхъ, авторъ ихъ былъ всегда ласково принимаемъ въ домѣ канцлера и не скрываетъ своего расположенія къ семьѣ послѣдняго.

Въ своихъ Замѣчаніяхъ на книгу Рюльера Дашкова утверждаетъ прямо, что «неправда, будто бы великій канцлеръ гр. Воронцовъ, мой дядя, присягнулъ императрицѣ. Напротивъ—онъ отказался дать ей присягу и сдѣлалъ это лишь послѣ смерти императора». («Арх. кн. В—ва», т. VII, стр. 654). Редакторъ «Архива кн. Воронцова», гдѣ эти замѣчанія княгини напечатаны, П. И. Бартеневъ, прибавляетъ: «дѣйствительно, гр. М. Л. Воронцовъ вступилъ въ дѣла при Екатеринѣ Второй и началъ вести журналъ своихъ конференцій съ иностраннымъ министрами только съ 6-го іюля». Г. Бартеневъ ссылается при этомъ на помянутый журналъ конференцій, напечатанный въ той же VII книгѣ «Арх. кн. В—а». Дѣйствительно, первая записка въ этомъ журналѣ имѣетъ дату 6-го іюля, т. е. слѣдующаго дня послѣ смерти Петра III—5-го іюля. Но, во-первыхъ, выраженіе ея: «на *обыкновенной* у канцлера съ чужестранными министрами конференціи» свидѣтельствуетъ, что эта конференція гр. Воронцова была не единственной и не первой, а одною изъ нѣсколькихъ такихъ же конференцій, во-вторыхъ, въ теченіе ея ни самъ канцлеръ, ни иностранные послы ни единымъ словомъ не упоминаютъ о смерти императора и не показываютъ, что эта смерть имъ извѣстна. Совсѣмъ напротивъ: австр. посолъ гр. Мерси освѣдомляясь о намѣреніяхъ Екатерины относительно голштинскаго герцогства, назвалъ Петра III *бывшимъ* а не *покойнымъ* императоромъ. Что это съ его стороны была не оговорка, намѣренная или случайная, доказываютъ его дальнѣйшія разсужденія объ отдачѣ голштинскаго герцогства «подъ опеку старшаго изъ ближнихъ родственниковъ» Петра, а не о наслѣдованіи въ немъ Павла Петровича. Очевидно, 6-го іюля смерть Петра въ Петербургѣ еще не была извѣстна—по крайней

[1] «Записки Позье», «Рус. Ст.» 1870, I, 222.

мѣрѣ въ часъ засѣданія конференціи—и канцлеръ принималъ у себя иностранныхъ пословъ, зная о Петрѣ, что онъ живъ. Такимъ образомъ напечатанный г. Бартеневымъ журналъ конференцій свидѣтельствуетъ вовсе не о томъ, что канцлеръ принесъ присягу Екатеринѣ и вступилъ въ свою должность лишь послѣ смерти Петра, а о поведеніи его какъ разъ совершенно противоположномъ. Нѣкоторый перерывъ въ журналѣ конференцій, если онъ и былъ, можетъ быть объясненъ и сумятицей первыхъ дней, и арестомъ, которому, какъ кажется, канцлеръ сначала дѣйствительно былъ подвергнутъ. Во всякомъ случаѣ очень знаменательно то, что ни въ одной депешѣ иностранныхъ пословъ отъ этого времени нѣтъ ни слова упоминанія объ удаленіи канцлера отъ дѣлъ, хотя бы временномъ, и объ отказѣ его принести присягу императрицѣ.



68-3
112
48